

Валентин Сидоров

ЗНАКИ ХРИСТА

МОСКВА ОБЩЕСТВО «КНИГА»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «КНИГОЛЮБ»

1992

ISBN-5-7025-0015-6

Новая книга Валентина Сидорова «Знаки Христа» представляет собой рассказ о духовной России, вынужденной жить и действовать на протяжении многих лет в жесточайших условиях. Автор использует малоизвестные и совершенно неизвестные источники христианского эзотеризма. Главное внимание автор сосредоточивает на том учении, которое вскрывает изначально-космическую сущность христианства. Оно вынашивалось на грани жизни и смерти в нашей стране, и сейчас пробил час, когда оно должно стать достоянием людей.

Валентин Сидоров известен как автор нового жанра в русской поэзии — жанра стихотворных медитаций (книги «Ключ», «Индийские сюжеты»). Его повесть «Семь дней в Гималаях» вызвала бурную полемику и стала бестселлером.

Автор книги «Знаки Христа» является президентом Международной ассоциации «Мир через культуру».

Содержание

[АРБАТСКАЯ КЕЛЬЯ](#)

[ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА](#)

[КНИГА ЕГИПТА](#)

[ЗНАКИ ХРИСТА](#)

[УЧЕНИЕ ПАРАКЛЕТА](#)

[ЛЕГЕНДЫ МАЛЬТИЙСКОГО РЫЦАРЯ](#)

[ПОЭМА О ЧАКРАМАХ](#)

[ДОКТРИНА НЕПАДШЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА](#)

[РУССКИЕ ГИМАЛАИ](#)

[КОВЧЕГ](#)

АРБАТСКАЯ КЕЛЬЯ

1

Все началось с того, что было надобно крестить нашу дочь. Спрашивается: какие тут проблемы? Иди в церковь и, уплатив соответствующую мзду, совершай обряд. В любой стране мира так бы и поступили. В любой. Но — не в нашей.

Отношения советской власти с православной церковью (кстати, лояльной к любой власти, ибо «нет власти, аще от Бога») всегда были на уровне войны: то горячей, то холодной. Казалось бы, что им делить, тем более что идеалы христианства и коммунистического учения в своей изначальной ипостаси как бы совпадали: недаром в эпоху относительного свободомыслия — в двадцатые годы — митрополит Введенский на диспуте с Луначарским назвал коммунизм Евангелием, напечатанным атеистическим шрифтом. Но, увы, последователи Евангелия в атеистической упаковке почему-то изымали буквально все, что намекало или могло намекнуть на такое совпадение. Создавалось впечатление, что больше всего их пугает имя Христа, образ Христа. Даже робкие заявления о возможности исторического существования человека по имени Иисус подвергались публичному осуждению. К Будде были куда более снисходительны: ему хотя бы отводилось какое-то — пусть скромное — место в истории человечества. А вот к Иисусу Христу были непримиримы и беспощадны. Доходило до того, что имя Христа подчас злорадно понижалось (вопреки существующим законам грамматики). Словом, творилась глупость беспрецедентного масштаба. Однако определенный какой-то умысел, думаю, здесь все же таился. Недаром ведь говорится, что когда совершается глупость глобального характера, то ее, как правило, организуют и ею, как правило, руководят люди весьма умные и четко знающие, чего они добиваются.

Гонение на церковь достигло своего апогея в период коллективизации. Раскрестьянивание одновременно означало дехристианизацию. Вспомним, что само слово «крестьяне» является лишь измененной модификацией другого, более древнего — «христиане». Нет крестьянина — есть колхозник, нет христианина — есть человек, лишенный корней. А корни обрубались начисто, ибо вера в Бога, на которой держалась земля предков наших, объявлялась чуть ли не контрреволюцией. Храмы, лишенные крестов и колоколов,

превращались в приемные пункты заготзерна и склады ремонтных мастерских.

Вот почему следует считать чудом, что в это время меня, сына коммуниста, — и потому уже в силу положения своего атеиста — крестили! Естественно, в глубочайшей тайне от отца.

Мои родители жили у бабушки, а она была набожной и весьма решительной в вопросах веры. Разумеется, она считала своим долгом приобщить внука к лону православной церкви. Пыталась сагитировать мать. Но — безуспешно. «Узнают — муж бросит, а его самого из партии выгонят». Тем бы все и кончилось, если б не мое недомогание. Странная болезнь овладела мною, и я орал благим матом — а голос у меня был громкий, оглушительный, — не давая никому покоя ни днем, ни ночью. Этим и воспользовалась бабушка. «Болеет потому, что некрещеный. А окрестим — выздоровеет и кричать перестанет». Против такого аргумента иррационального свойства мать устоять не могла.

Церковь в селе уже не действовала, но священника не выслали, и он жил неподалеку от бабушки. Выждали, когда отец отправится в командировку. Дедушка ходил дозором вокруг двора, дабы ненароком какой-нибудь сосед не забрел в хату. А меня, как и предписано ритуалом, погружали в купель (ее роль выполняла деревянная лохань), мазали миром лобик, читали молитвы. Потом отец Василий — так звали священника и крестного отца моего, ибо он взял на себя эту миссию, — занес мое имя в пухлую тетрадь. Строго-настрога предупредил: «Никому ни слова. Мне-то уже все равно, а вам и мужу вашему плохо придется».

(В скобках замечу, что обряд крещения, увы, не излечил меня, как на то уповали мать и бабушка. Но вскорости мы переехали в город Моршанск, и квалифицированные врачи с легкостью установили причину моих страданий: недоедание. Меня стали подкармливать, и я перестал плакать).

А тайну мать хранила свято и нерушимо. Лишь во время войны она мне открыла ее. Перед лицом опасностей и смерти у многих тогда проснулось религиозное чувство. Проснулось оно и у меня, десятилетнего мальчика. После очередной бомбежки, от которой мы прятались в придорожной канаве, я упрекнул маму в том, что

некрещеный и что могу погибнуть, будучи некрещеным. Тогда-то я и узнал всю правду.

Но тогда ситуация уже решительно изменилась. Сталин своей самодержавной властью (именно самодержавной, ибо сомневаюсь, чтобы начетчики, окружавшие его, могли решиться на такое) восстановил в своих правах православную церковь. Объявились священники, уцелевшие от расстрелов, притаившиеся в подполье, вернувшиеся из ссылок, и народ, как в старину, толпами повалил в храмы. Я сам был на одной службе и слышал молитвенные песнопения о даровании победы полководцу Иосифу и видел, как краснознаменные командиры, не стесняясь присутствием публики, осеняют себя широкими крестными знаменами...

Не изменил своего отношения к церкви Сталин и после войны. Он сблизился с патриархом Алексием и встречался с ним не однажды. В знак особого расположения подарил ему «Победу» (один из первых образцов серии) зеленого цвета — под цвет праздничных патриарших одежд.

Как ни странно, положение церкви ухудшилось в период либеральных реформ Хрущева. Никита Сергеевич отличался, как известно, крайней непоследовательностью. Реабилитировал миллионы невинно осужденных и преследовал всякое проявление свободомыслия в среде творческой интеллигенции, беспощадно развенчивал культ Сталина и поощрял славословие и фимиам в свой адрес. Мне кажется, что Хрущев был одержим идеей делать все вопреки Сталину. Даже когда это противоречило здравому смыслу. Сталин открывал церкви. Будем закрывать. И сократил их число на одну треть. Сталин принимал патриарха в любое время дня и ночи. Не буду принимать, как бы он ни просил об этом. И не принимал. Лишь спустя несколько лет после своего воцарения он соблаговолил наконец-то дать ему аудиенцию.

Рассказывают, что Хрущев встретил патриарха следующими словами: «Мы марксисты и потому разделяем мысль Маркса о том, что религия — это опиум для народа». На что спокойно и с достоинством патриарх Алексей отвечал: «Хотя мы не марксисты, но тоже разделяем мысль Маркса о том, что религия — это сердце нашего бессердечного мира». — «Где об этом говорит Маркс?» — удивился Хрущев. «Да там же, где он сравнивает религию с опиумом. В предыдущем предложении».

Говорят, что Хрущев был растерян. Говорят, что после ухода патриарха он в ярости топал ногами на своих референтов, не подготовивших его должным образом к встрече.

Разумеется, рассказ апокрифический. Но, учитывая характер и рабфаковский уровень мышления Хрущева, можно допустить, что такая встреча и такой диалог могли иметь место. А полная цитата из Маркса (т. 1, с. 415) выглядит так: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных народов. Религия есть опиум народа».

Театр абсурда, в атмосфере которого мы пребывали, понять со стороны невозможно. Проблемы, с которыми мы сталкивались, с течением времени, боюсь, покажутся вымыслом и анекдотом. Однако они возникали чуть ли не каждодневно и ставили нас перед тем или иным выбором.

Вот маленький эпизод из моей жизни при Брежневе. В одном журнале была набрана моя поэма, в которой использовались такие ходовые выражения, как «ей-богу», «слава богу». Эти обороты считались в принципе допустимыми. Доставшиеся по наследству от старого лексикона, они, естественно, никакого отношения к предосудительной вере в Бога не имели. И вдруг звонит редактор, Говорит: «Получено строгое указание из ЦК: во всех публикациях вычеркивать любое упоминание о Боге, даже такое невинное, как у тебя». Переделка в общем-то незначительная, но так как связана с рифмовкой, то представляла для меня определенные затруднения. Но спорить — это я понимал прекрасно — бесполезно. По счастью, я нашелся и задал вопрос, озадачивший редактора. Я спросил: «Полагаю, что, выбрасывая любое упоминание о Боге, вы одновременно выбрасываете и любое упоминание о черте, предположим, «черт возьми» и т. п.». Редактор говорит: «Нет, не выбрасываем. Насчет черта не было указаний». — «Так почему же, — продолжал я, — вы ставите Бога в такое неравноправное положение по сравнению с дьяволом? Вы что — за дьявола?» Пораженный этой мыслью, редактор рассмеялся и сказал, что оставляет текст без изменений. Под свою ответственность.

Ну, хорошо. В данном случае мне, можно сказать, повезло: попался редактор с чувством юмора. А если б это чувство в нем отсутствовало — такое ведь тоже бывает, — что тогда? Или делай нелепую работу, или отказывайся от публикации.

К каким только приемам не прибегали, чтобы отвратить от церкви, чтобы поставить священнослужителя в нелепое и унижительное положение! Как раз накануне рождения моей дочери (она появилась на свет Божий в 1973-м) в недрах государственного аппарата был разработан закон, регламентирующий такое сугубо внутреннее церковное дело, как обряд крещения. Раньше процесс был

практически неконтролируемым: кто хотел, тот и приносил (или приводил) младенцев обоего пола, и их крестили, не требуя никаких справок и документов. Теперь же вводился новый, жесткий распорядок. Священник имел право крестить детей лишь с согласия родителей, подкрепленного предъявлением паспортов на предмет регистрации фамилии и адреса в церковной книге. Причем в обязательном порядке требовалось двустороннее согласие — мужа и жены: если кто-нибудь из них возражал, крещение запрещалось.

В хитроумии авторов инструкции не откажешь: тем самым как бы устанавливалась гигантская западня для коммунистов (около девятнадцати миллионов согласно официальной статистике) и комсомольцев (более сорока миллионов согласно той же статистике). Отступление от принципа автоматически ставило вопрос о пребывании в партии или комсомоле: ведь уставы обеих организаций базировались на безусловном принятии постулатов воинствующего атеизма.

Неприятности грозили не только коммунистам. Я был беспартийным, но руководил поэтическим семинаром в Литературном институте. Так вот, мой контакт с церковью — если б о нем узнали — означал для меня лишение должности и зарплаты. Почему? Да потому, что в обязанности преподавателя вменялось воспитание в духе коммунистического, а значит — атеистического мировоззрения. Кто же после этого мне бы доверил такую задачу?

На снисхождение рассчитывать не приходилось. Помню, как на первом занятии своего нового семинара я недосчитался одного студента. Я его не знал, но помнил по стихам, присланным на творческий конкурс: стихам профессиональным и оригинальным. Спрашиваю: что с ним, может, завалил вступительный экзамен? Нет, экзамены сдал успешно. Но имел неосторожность вскоре после этого принять участие в свадьбе своего приятеля, совершаемой по церковному обряду. Мало того: оказался в центре внимания, был шафером и держал венец над головою невесты. Тут же был отчислен из института. Между прочим, новым постановлением убивался еще один заяц: ведь фискальные функции как бы возлагались на саму же церковь. Естественно, что священники были крайне недовольны этим и пользовались любой возможностью, дабы обойти закон: крестили и венчали на дому, избегая излишней огласки. Разумеется, делали они

это при наличии гарантии, что на них не донесут и что они не станут жертвами провокации.

Вот почему после рождения дочери мы сразу же приступили к поиску, что потребовало определенных усилий, священника, согласного, так сказать, на нелегальную акцию во имя Христово. Через знакомых своих знакомых мы и вышли на Надежду Михайловну Костомарову, оказавшуюся — это выяснилось впоследствии — дальней родственницей знаменитого историка XIX века. Созвонились. Условились о встрече. Конспирация соблюдалась строжайшая. Понимали друг друга с полупамятов. Что делать? Не меня одного в то время жизнь заставляла уподобляться Иосифу Аримафейскому. Тот, как известно, был учеником Христа, но учеником тайным «страха ради иудейска».

3

И вот мы с женой поднимаемся по широкой, старинной и грязной лестнице мимо потемневшей кариатиды на второй этаж. Честно говоря, мы были уверены, что нас встретит этакий божий одуванчик, древняя старушка, досконально знающая церковный устав и тайны православной службы. Ничего похожего. Нам открыла дверь полная женщина довольно преклонного возраста, но выглядевшая моложе своих лет. Глаза бирюзово-светлые, добрые, ясные. Она провела нас в небольшую комнату, выходящую окнами на шумный Арбат. Впрочем, в коридоре тоже было шумно. И не удивительно: ведь помимо бабы Нади (так впоследствии мы будем звать нашу новую знакомую) в коммунальной квартире размещалось пять семейств.

Понемногу мы освоились. Интерьер комнаты до крайности скромный, скудный. Но все аккуратно и тщательно прибрано и какая-то аскетическая чистота вокруг. Над никелированной кроватью репродукция Леонардо да Винчи («Мадонна Литта»). За стеклом книжного шкафа другая репродукция Леонардо да Винчи («Голова Христа»), На столе лампа дореволюционного производства — тяжелая, массивная, с плотным абажуром, в который вмонтированы крупные декоративные камни: зеленые, красные, синие. Угол комнаты отделен занавеской. За клеенчатой перегородкой табуретка, ведро с водою, таз. Собственно, это своеобразная ванная, поскольку таковая для жильцов коммуналки не предусмотрена.

И всюду книги: на полках, в шкафах, на столе. Я живо заинтересовался ими.

— Ничего примечательного, — предупредила хозяйка. — Самые любопытные вещи я не держу на виду. Они у меня в потаенных местах.

Цель визита была достигнута очень быстро. Надежда Михайловна пообещала познакомить со священником. «А вы уж обо всем договоритесь сами».

Надо сказать, что мы сразу прониклись к Надежде Михайловне чувством особого расположения. Лариса даже дерзнула попросить ее стать крестной матерью нашей дочери. Но Надежда Михайловна отвечала отказом. Ласковым и твердым.

— Это возлагает на меня такие обязанности духовного наставничества, — пояснила она причины отказа моей жене, — которые я выполнить не могу. Не могу, в частности, и потому, что не доживу до зрелого возраста вашей дочери.

В общем-то, после этого можно было бы и попрощаться — ведь вроде бы о главном мы уже договорились, — но расставаться не хотелось, тем более что завязался разговор, возможный лишь при абсолютном доверии друг к другу. В то время я вращался в кругу людей, увлекавшихся теософскими источниками и эзотерическим буддизмом. Я рассказал Надежде Михайловне, как один мой знакомый мучается вопросом: кто выше — Христос или Будда? С этим вопросом он обратился и ко мне.

— И что же вы ему отвечали? — любопытствовала Надежда Михайловна.

— Я спросил его: — А вы можете измерить расстояние от себя до Будды?

— Нет.

— А от себя до Христа?

— Тоже нет.

— Значит, вы не можете измерить расстояние от известного до неизвестного, но пытаетесь вычислить расстояние между двумя неизвестными.

Надежда Михайловна с некоторым сомнением покачала головой.

— Как прием в споре, возможно, это и допустимо. Но ведь существо дела здесь в ином, совершенно в ином! Христос — воплощенный Бог, а Будда — человек, поднявшийся до великих духовных высот.

Что же касается современного интереса к буддийскому учению, то хочу напомнить, что мы получаем его в очищенном виде, не замутненном их ортодоксией, догматикой и ритуалами. В отличие от христианства, которое воспринимается еще поверхностно и эзотерическая суть которого неведома подчас для самих священников. Убеждена, что с течением времени на Востоке точно такое же отношение, как у нас к эзотерическому буддизму, установится к христианству, когда оно предстанет в своей сокровенной ипостаси без примеси официальной догматики и официальной церковности.

— В чем я вижу различие между древней мудростью и христианской? — продолжала Надежда Михайловна. — Девиз дохристианской мудрости: «Познай себя». Девиз христианской мудрости: «Познай Бога в себе».

Разумеется, разговор коснулся и Рериха, поскольку я занимался изучением творчества художника и его биографии, и его последователей. К рериховцам (она называла их «рерихианцами») отношение у Надежды Михайловны было сдержанным и даже, пожалуй, суровым.

— У них, — говорила она, — во всяком случае, у тех, с которыми я встречалась, отсутствует религиозное чувство. Отвергнув в свое время официальную церковь, они не искали Христа в самом христианском учении, которое в большой степени — тут они правы — спрофанировали некоторые невежественные церковники. Живую Этику они восприняли как замену всего того, что несла с собою церковь. Вместе с водой из ванны они выплеснули и ребенка.

Я принимаю Живую Этику — не все, но некоторые книги Живой Этики я читала — как практическое учение для приближения к заповедям христианства, для выполнения их. Только так, и никак по-иному.

Спустя столько времени, естественно, я не могу припомнить всего, что поразило тогда мое воображение. Но отлично помню переломный момент беседы, имевший, как я потом уже понял, решительные последствия для дальнейшей жизни моей. Надежда Михайловна спросила, чем я сейчас занимаюсь. Я сказал: «Готовлю к изданию сборник стихов Рериха «Письмена». Собственно, это книга «Цветы Мории», но под другим названием». И тут я заметил, что Надежда Михайловна впала в какую-то странную задумчивость. Я решил, что она не поняла, и стал объяснять, почему изменил название: комментировать должным образом имя Учителя Рерихов и Блаватской в современных условиях было бы крайне затруднительно. А Надежда Михайловна, как бы выйдя из оцепенения, прервала меня вопросом: люблю ли я Учителя Морию? «Люблю», — отвечал я. И тогда прозвучало нечто, совершенно неожиданное в устах правоверной христианки: «Я тоже его люблю». И добавила, в еще большее изумление повергнув меня и Ларису: «Он нас и соединил. Он». И

руками как бы обозначила границы сферы, недоступной для обычного восприятия.

Кстати, Лариса обратила мое внимание на то, чего я поначалу и не заметил: на удивительную красоту и артистичность рук Надежды Михайловны.

— Они не просто пластичны, — восхищалась она. — Они принимают активное участие в разговоре. Они — живут. Они — одухотворены.

Спускаясь по лестнице опять мимо задымленной кариатиды, я еще не подозревал, что для меня начинается новый отсчет времени. Я не догадывался (да и как об атом можно было догадаться сразу?), что ныне я переступил порог университета духа, в котором мне суждено было заниматься чуть ли не целых семь лет. Регулярно, всегда с трепетным ожиданием чего-то нового и неведомого, я буду приходить сюда, вот в эту комнату на Арбате, напоминающую келью. Да, да — именно келью, ибо хозяйка ее жила жизнью монахини. А быть монахиней не в монастыре, отгороженном от суетливого мира, а в гуще суетливого мира под силу лишь избранным.

Рерих утверждал: «Как трудно найти пустытника здесь на земле». Мне повезло. Я — нашел. И когда осознал и прочувствовал это, то написал стихи, приурочив их ко дню рождения бабы Нади.

...Мне в Вашей комнатушке тесной—

О как я помню этот час! —

Вдруг открывался свод небесный,

Предел, невидимый для глаз.

Сквозь призму дивного кристалла

Забывтый близился причал.

И слава звездная сияла,

И голос вечности звучал.

Словами, нет, невыразима

Сия незримая волна...

И это ведь моя Россия!

Моя земля! Моя страна!..

Предчувствуя иные сферы,

Я говорю Вам не впервой:

Вы для меня — источник веры,

Родник небесный и живой.

И что бы ныне ни грозило

Затмить сверкание высот,

Я верю в миссию России:

Она спасется и спасет.

Следующая встреча с Надеждой Михайловной, как говорится, расставила все точки над *i*. Я приехал к ней довольно рано. Как и было намечено, мы отправились на утреннюю службу в церковь. Надежда Михайловна шла неторопливо, опираясь на тяжелую палку, внушительным, одухотворенным видом привлекая к себе внимание прохожих.

Я попытался рассказать о том, под каким впечатлением мы с Ларисой находимся от беседы с нею, какое чувство любви и благодарности испытываем к ней. Но Надежда Михайловна прервала мои излияния, заявив, что не любит слушать подобные вещи.

— Но вы же сами все видите, — возразил я, — вы же читаете в сердце.

— Да, но я прошу, друзья мои, никому не говорите обо мне. Мне скоро восемьдесят. Мне трудно общаться с людьми, я даже сократила число своих старых друзей. Встреча с вами — последняя на физическом плане.

О, как же она заблуждалась на сей счет! Вместе со мной в ее обитель ворвутся люди и события, от которых доселе она стояла в стороне. Она окажется как бы в эпицентре подготовки столетнего юбилея Рериха, благословит мое путешествие в гималайский ашрам Рериха, а потом ее пути пересекутся с путями Святослава Николаевича Рериха в моей квартире на Болотниковской улице. Но об этом, естественно, тогда она не ведала; Тем более не ведал об этом я.

Мы проехали две остановки на 31-м троллейбусе, а потом свернули в переулок и вышли к церкви, носящей название Обыденной. Надежда Михайловна рассказала историю необычного строительства этой церкви, ныне охраняемой государством как архитектурный памятник прошлого. В Москве свирепствовала чума. Трупы коченели на улицах. Москва, по свидетельству очевидцев, все больше становилась похожей на огромное кладбище. И вот жители домов, расположенных неподалеку от будущей церкви, дали торжественный обет: если чума остановится и отступит, то они в знак благодарности к Богу воздвигнут храм, причем в течение одного дня. И, как будто внемя этому призыву и проверяя крепость людского слова, эпидемия прекратилась. Люди начали готовиться к выполнению обета. Был

выбран самый длинный июньский день (21-го, по новому стилю). На рассвете застучали топоры; строительные материалы заготовили заранее: бревна, доски — все было под рукой, — и когда солнце стало заходить, оно осветило крест, к тому моменту водруженный на колокольне. Потом церковь перестраивалась. Из деревянной превратилась в каменную, обретая современный вид.

После революции, когда Кремль закрыли для посещения, из кремлевского собора сюда переместилась чудотворная икона Богородицы «Нечаянная Радость». Это как бы икона в иконе. На ней запечатлен человек, взывающий к образу Богоматери. Запечатлен в тот момент, когда внутренним зрением внезапно увидел кровоточащие язвы Христа и понял, что он вместе с другими грешниками продолжает распинать Христа. После покаяния и моления он получил не чаемую им уже радость прощения и искупления грехов. Отсюда и название — «Нечаянная Радость».

Икона пользуется особым почитанием. Она расположена в центре храма, озаренная колеблющимся пламенем многочисленных свечей. Да и во время службы люди по цепочке то и дело передают свечи, добавляя полушепотом: «К «Нечаянной Радости».

...Поскольку день будничным, народу в церкви было немного. На амвоне я увидел священника с негустой бородой, в очках, с Евангелием в руках. Выражение лица — кроткое, умиротворенное, каким и должно быть (но, увы, далеко не всегда бывает) у христианских пастырей.

Это был отец Владимир (в миру Владимир Иванович Смирнов). Со слов Надежды Михайловны я знал, что долгое время он работал инженером, занимал крупную должность. Но почувствовал неодолимое влечение к церкви и круто изменил свой образ жизни. Прежде чем стать священником, пятнадцать лет был дьяконом.

Мы терпеливо ждали конца службы, причем Надежда Михайловна несколько раз присаживалась на скамейку у стены. Потом отец Владимир окропил святой водой толпу и нас в этой толпе. А потом под его благословение, целуя медный крест, пошли прихожане. Я стоял поодаль, но до меня доносились обрывки разговоров: люди несли отцу Владимиру свои нужды и заботы. И каждому он говорил что-то утешительное. Я услышал:

— Ну какой же может быть пост, если она так больна? Да ведь и главная цель поста не в том, чтоб ограничить себя в пище или отказаться от нее. А в том, чтоб в эти дни обращаться к совести своей постоянно и очищаться сердцем и духом.

Какая-то женщина признавалась:

— Я крепилась-крепилась и все-таки сорвалась. Но потом покаялась, и мы помирились. Отец Владимир:

— Срываться — это по-человечески, а вот каяться — это по-Божески.

Последней подошла к отцу Владимиру Надежда Михайловна. Она взяла у него благословение, поцеловала его руку. В ответ он поцеловал ее руку тоже.

— Вот он всегда так делает, — жаловалась мне потом Надежда Михайловна, — хотя это и не положено.

Понятно, что ее рекомендация предрешила благополучный исход намеченного дела.

Но знакомство наше с отцом Владимиром на этом не кончилось. Мы сблизились. Встречались не однажды. На Пасху он обязательно присылал нам подарок: украшенное Христовым вензелем праздничное яйцо.

А в Обыденной церкви я теперь бывал постоянно. Пользовался каждым случаем, чтобы туда попасть. Здесь я приобщился к красоте пасхальных песнопений (особенно мне нравилось вот это: «Пасха всечестная, Пасха таинственная»). Здесь под впечатлением от коллективной молитвы, напоминающей совместную медитацию, родились строчки стихов: «Чтоб в сегодняшней спешке и смраде продолжалось мое бытие. Бога ради, Спасителя ради покаянье примите мое». Здесь в притворе алтаря, всегда, за исключением пасхальной недели, отгороженном от молящихся узорчатыми воротами (сюда в целях конспирации нередко приводил меня отец Владимир), пришла в голову мысль — пришла как озарение, — и впоследствии, в книге «Мост над потоком» я попытался донести ее до людей:

Христос спас мир не затем, чтобы он погиб.

И снова мы в комнате на Арбате. В ней Надежда Михайловна живет сорок четыре года. Невзирая на возраст, приходится нести дежурство по квартире.

— А вас не освобождают от этого?

— Нет, наоборот, ругают, что плохо линолеум в коридоре вымыт. Но мне помогают молодые друзья мои. Правда, из-за них у меня постоянные нелады с одной моей соседкой — одинокой, как и я. Ее раздражает, что у меня так много бывает гостей. Считает, что даю уроки и получаю за это немалые деньги. Потому и злится.

Но, слава Богу, что думает так, а не иначе. А то ведь и в КГБ могут вызвать.

Так как человек она набожный и обе мы верующие, не раз я делала шаги к примирению. Но ничего из этого не получалось. Мои попытки кончались скандалом. Приходится нести крест свой. Думаю, что расплачиваюсь за свои грехи и, главное, за грех зависти, который преодолевала в детстве: я, например, завидовала, когда мне было пять лет, подруге, потому что у ее куклы было более красивое платьице, чем у моей.

— Не обижаюсь ли я? — удивилась она моему вопросу. — Поймите раз и навсегда: я не могу обижаться, никак не могу. Когда соседка злобствует, кричит на меня, я переживаю из-за нее, из-за того, что она может так поддаваться натиску темноты. Вообще мы с вами не имеем права обижаться, да и кто может обидеть нас с вами.

Я сказал, что держусь несколько иного взгляда на эти вещи. Но Надежда Михайловна решительно пресекла мои возражения.

— Вы обязаны иметь большое чувство внутреннего достоинства. Когда вам кажется, что вам нанесли обиду, вспомните: кто вы? Сын Божий. Кто же может нанести вам обиду? Только вы сами. Постоянно вы должны иметь в виду, что вы — сын Божий. Однако это не должно рождать в вас гордыню, чувство превосходства над другими, ибо все окружающие вас люди тоже сыны Божии. Но вы-то знаете то, чего они пока не знают.

Я спросил — нет ли надежд на переселение?

— Ходят слухи, что дом забирают под гостиницу и жильцов должны расселить. Отдельной квартиры, хотя я имею формально

право на нее как кандидат биологических наук, мне, конечно, не дадут. Дадут комнату, но мне хочется, чтоб ванна и душ были (в теперешней квартире, как вы знаете, этих благ нет), я же человек водяной, люблю мыться.

Надежда Михайловна сварила кофе. У меня были припасены бутерброды с ветчиной, но, прежде чем выложить их на стол, я счел своим долгом осведомиться — а не является ли Надежда Михайловна вегетарианкой?

— Нет. В свое время — в общей сложности пять или шесть лет — была вегетарианкой. Теперь — нет. Да и как я могу отказаться от мяса, если мне категорически запрещены молочные продукты? А потом — подумайте сами, — какие в условиях нашей страны требуются колоссальные усилия, чтобы обеспечить себе вегетарианский стол. Не лучше ли поберечь свою энергию для других целей: сосредоточить ее не на поиске строго определенного вида продуктов, а на поиске духовного смысла вещей.

Вы ведь прекрасно знаете, как обстоит дело у нас: не мы выбираем продукты, а они выбирают нас. Бери, что есть и что еще не исчезло. Да и то, если сумеешь отстоять очередь. Рядом со мной фирменный магазин «Колбасы». Так вот, никогда не могу туда попасть: такое чудовищное скопление народа там всегда.

По моему глубочайшему убеждению, наш современный быт содержит все компоненты аскезы, необходимой для испытания (а значит, и воспитания) духа человеческого. И каждый, кто прошел через чистилище современного быта и при этом не озлобился, не ожесточился, а остался самим собой, уже подвижник.

Надежда Михайловна мгновение помолчала. Потом добавила:

— Урок жизни каждого из нас не случаен. Что касается меня, то мне было сказано и давно было сказано, для чего нужен урок моей жизни. Ты будешь духовно наставлять других, — предупредили меня, — и когда они будут жаловаться на помехи и условия, мешающие им сосредоточиться и работать (дескать, шум на улице, сосед включил радио и т. п.), укажешь на собственный пример. Тем самым тебе легче будет подвигать людей к осознанию, что суть дела все-таки в них самих, а не в окружающем мире.

А с молодыми друзьями Надежды Михайловны — их действительно окажется много — я вскоре познакомлюсь. Особо теплые отношения у меня установятся с Галей, которую Надежда Михайловна представила как свою духовную дочь.

Галя осталась в моей памяти вечно спешащей (под ее постоянной опекой то больные подруги, то дети подруг, нуждающиеся в сиделках и нянях), вечно голодной (в круговороте неотложнейших дел некогда приготовить обед или завтрак) и всегда пребывающей в приподнято-восторженном состоянии духа. Обжигаясь горячим чаем, торопливо глотая его, потому что опять надо куда-то мчаться (на этот раз, кажется, за город), она успевает поделиться с нами размышлениями по поводу символики церковных строений.

— Ведь луковицы церквей, — говорит она возбужденно, — это как бы пламена свечей, обдуваемых ветром. А значит, храм — это своеобразный подсвечник с постоянно возжженными свечами.

Византийцы считали храм частью неба на земле и строили соборы в виде полусферы. Эту полусферу, пришедшую из Царьграда, Руси было суждено превратить в сферу Беспредельности. Язычество достигло высокого уровня, оно имело свою космогонию, и потому византийское зерно упало не на бескультурную почву. Русь обогатила византийское начало лирической струей. Космический дух соединился с душой человеческой, — вот так и родилось русское православие.

Невзирая на то, что Галя приближалась к пенсионному возрасту. Надежда Михайловна обращалась с ней, как с малым ребенком. То и дело отчитывала ее за непослушание. И больше всего ей доставалось за то, что она, по мнению Надежды Михайловны, берет на себя слишком большую ношу, что, заботясь о других, не проявляет минимума заботы о себе.

Признаюсь: когда мне приходилось это слышать, я думал, что в том же самом можно упрекнуть и Надежду Михайловну тоже. Но излагать свое мнение на сей счет не считал себя вправе.

Репродукция «Мадонны Литта» повлекла за собой разговор о Леонардо да Винчи. Выяснилось — оба мы поклонники великого флорентийца. Оба ставим его на особое место, выше всех других художников.

— Когда я была гимназисткой, — сказала Надежда Михайловна, — мне удалось вместе с группой своих подруг побывать в Милане и увидеть «Тайную вечерю». Был вечер, сумерки, а на меня хлынули потоки света. И фигуры, казалось, двигались, и, казалось, о чем-то говорили.

Для меня, — продолжала Надежда Михайловна, — несомненно, что Леонардо да Винчи — это пророк, Учитель с большой буквы. Обратили ли вы внимание, что его взгляд на Землю и жителей Земли несколько отстраненный, как будто глядит он на нас из Космоса. Позвольте вам прочесть это.

Надежда Михайловна извлекла из ящика стола тетрадь, перетянутую резинкой. Нашла отчеркнутое красным карандашом место.

— Вот что он писал, например. «На Земле всегда будут происходить опустошительные войны... И смерть нередко будет уделом всех борющихся сторон. С беспредельной злобой эти дикари уничтожат множество деревьев в лесах планеты, а затем обратят свою ярость на все, что еще найдется вокруг живого, неся ему боль и разрушение, страдание и смерть. Ни на земле, ни под землей, ни под водой не останется ничего нетронутого или неповрежденного. Ветер разнесет по всему миру лишенную растительного покрова землю и присыплет ею останки существ, наполнявших когда-то жизнью разные страны».

Ведь это же как будто сказано именно о нас, подошедших предельно близко к черте Апокалипсиса!

— Значит, — обратился я к Надежде Михайловне, — если верить Леонардо да Винчи, положение наше безнадежно.

— Это не так. Вернее, не совсем так. Из Космоса не только предупреждают, но и обнадеживают. И кто знает: не является ли его Джоконда гостьей из Космоса? Ведь знаменитая неразгаданная улыбка

ее — это улыбка другого мира или, во всяком случае, человека, узревшего другой мир.

Видели позади нее небо и множество тропок, ведущих к нему? Это как бы символ тех трудных земных путей, которыми идет человек, пока не достигнет спасительной и спасающей всех нас гармонии.

Говорят: если долго смотреть на картину, то можно увидеть, как дышит грудь Моны Лизы. Поэтому сам Леонардо да Винчи считал, что ему удалось создать совершенное произведение. И до самой смерти не расставался с этой гостьей из Космоса.

И вот кофе выпит. Чашки убраны. Небольшая пауза. У Надежды Михайловны изменилось выражение лица, стало собранней и строже, ибо она считает, что мы приступаем к самому главному.

— Я знаю, — обращается она ко мне, — что вам необходим разговор со мною. Об этом я была предупреждена. Об этом мне сообщили по «беспроволочному телеграфу». Поэтому весь сегодняшний день я освободила для вас. Начнем с вопросов. О чем бы вы хотели спросить меня?

Я растерялся, потому что никаких вопросов в тот момент у меня не было.

— А они обязательно «должны быть», — настаивала Надежда Михайловна, — ибо атмосфера общения друг с другом зависит от их характера и качества. Ведь вопрос (если он не праздный, не интеллектуальный, а вырастает из глубинной сущности) всегда есть концентрация человеческого духа. И умение задать вопрос, поставить его должным образом говорит о степени внутренней подготовленности человека.

Помните легенду о Парсифале? В поисках святыни рыцарь проделывает труднейший путь, побеждает опасности и соблазны, и вот перед ним возникает волшебный замок. Единственное, что требуется сейчас от рыцаря: обратиться с вопросом, ради которого он, собственно, и отправляется в такое далекое странствие. Но рыцарь не в состоянии это сделать: то ли потому, что все силы израсходовал на предшествовавший путь, то ли потому, что внутренне не собран и рассеян. Замок исчезает. И рыцарь должен все начать сначала, должен повторить пройденный путь, но теперь с еще большими опасностями и трудностями, чтобы снова увидеть замок и задать наконец-то столь необходимый вопрос.

Собственно, человек, жаждущий духовного, и должен чувствовать себя Парсифалем. Раз он ищет, то волшебный замок может возникнуть внезапно в любой момент жизни, но и исчезнуть тут же, если человек не готов к его восприятию.

— Поскольку вы в затруднении, — сказала Надежда Михайловна, — поступим по-иному. В порядке исключения давайте я вам помогу сформулировать ваши вопросы. Вспомните, были ли случаи в вашей

жизни, которые, на ваш взгляд, выходят за рамки обычного и которые, может быть, представляют какую-то загадку для вас до сих пор?

Я отвечал, что были. Три эпизода навсегда врезались в мою память.

Первая история произошла в детстве, когда мне было семь лет. Наше село располагалось вдоль реки Потудань. Я только-только научился плавать и очень этим гордился. Обычно я демонстрировал свое умение прилюдно, подстрахованный другими ребятами, но на этот раз решил поплавать в одиночку. Выбрал пустынное место, зашел в воду. Вода по колено, потом по пояс, а потом — бултых — как будто провалился в какую-то яму, и холодный водоворот омота закрутил меня. От неожиданности и страха я забыл недавно приобретенные навыки. Стал кричать, звать на помощь. Но люди находились от меня достаточно далеко и не обращали внимания на крики. Может, думали, балуется.

Постепенно силы стали оставлять меня. Стал погружаться в глубину, время от времени, как бревнышко, выныривая на поверхность. А потом и выныривать перестал и почувствовал, что теряю сознание. И вдруг как бы в сумерках я увидел рядом с собой что-то длинное и белое. Холодеющими руками я вцепился в это длинное и белое. Рывок. И меня выбросило на мелководе.

В общем, это было стечением обстоятельств, которое в своем положении я мог воспринимать как чудо. Когда я уже был под водой, к месту моего неудачного заплыва подошли два подростка. На спор один из них вызвался перенырнуть речку. Думаю, что он выиграл бы этот спор — не такая уж она широкая, — если б я не прервал его подводное плавание.

Буквально вытряхнув меня на мелкое место, он стоял рядом со мной, а зубы его выбивали дробь от испуга. Бог знает, что пережил мой невольный спаситель в то короткое мгновение, когда холодная глубина мертвой хваткой вцепилась в его ногу.

— Вам сколько было? Семь?

— Ровно семь, — подтвердил я.

— А это как раз тот рубеж в жизни человека, когда завершается его ангельский безгрешный период и когда душа становится ответственной за все, что она делает. Примите как гипотезу, но не как истину: может, душа ваша убоялась испытаний и тягот будущей жизни

и ответственности своей тоже? Может, дрогнула на мгновение и попыталась уклониться от выполнения задачи? А ее, — Надежда Михайловна улыбнулась и указала рукою вверх, — остановили и, может быть, вразумили, что предначертанное и намеченное, как бы ни было трудно, исполнять надо.

Ну а другой случай? — спросила она у меня.

Это произошло спустя семь лет, когда мне было четырнадцать. Я учился в девятом классе, причем в классе был самым младшим. Дело в том, что тогда принимали в школу с восьми или даже девяти лет. Мне же — благодаря собственной настойчивости, а также благодаря знакомству моих родителей с учителями — удалось поступить в школу в шестилетнем возрасте. Естественно, я во всем тянулся за своими более старшими сверстниками, стараясь им ни в чем не уступать. А последние годы в школе — это пора начинающих романтических отношений с девочками (во всяком случае, так было в наше время), первых любовей. По примеру своих одноклассников я подружился с девочкой из параллельного класса и считал своим долгом провожать ее из клуба — после кино или концерта самодеятельности — на дальний конец седа. Расстояние приличное, но по молодости лет я его не замечал.

И вот после очередного провожания возвращаюсь домой. Время где-то близко к полуночи. Морозно. Звезды. И ни души. И вдруг замечаю, что в доме — он в левой стороне от меня — мерцают разноцветные огоньки: желтые, синие, красные (больше всего красных). Думаю: ребята балуются сигарками. И тут же вспоминаю: дом заколочен досками, в нем никто не живет. Подхожу ближе и вновь убеждаюсь: дом заколочен досками. Тем не менее, непостижимым образом сквозь стены вижу хаотическое блуждание огоньков. Мало того: когда я поравнялся с домом, раздался дикий нечеловеческий хохот, да такой, что все оцепенело у меня внутри. И самое главное: чувствую, что не могу ни бежать, ни остановиться. Как автомат, иду тем же размеренным шагом, что и шел. Как будто ничего и не случилось.

Сворачиваю на другую улицу и — новое явление. У хаты с обледеневшей соломенной крышей черная кошка. Да нет, ошибся — не кошка, собака. Вглядываюсь — а это уже не собака, а лошадь. Лошадь растет и становится выше хаты.

И все это совершается беззвучно, как в немом кино. Как будто картинка из сказки Гоголя предстала передо мной наяву. Причем должен заметить, что галлюцинациям до этого не был подвержен (после этого тоже).

Все в том же оцепенелом состоянии продолжаю свой путь. Уже недалеко от своего дома. И вдруг голос — как будто небо расколосось надо мной:

— Куда идешь?

И вот тут-то я, наконец, испугался, а ноги мои обрели подвижность. Я припустил что есть духу. Взбежал на крыльцо. Застучал в дверь. Бабушка, открывшая мне, говорила, что на мне лица не было.

На другой день на лыжах я отправился к дому, так напугавшему меня. Ничего особенного. Дом как дом. Постепенно впечатление стерлось, я вновь провожал девушку, вновь возвращался, проходя с некоторой опаской мимо заколдованного дома. Но он уже ничем не проявлял себя, и никаких огней я больше не видел.

— Ну, это, — улыбнулась Надежда Михайловна, — пожалуй, опять возрастное. Считается, что именно в четырнадцать лет дух овладевает человеком, оккупирует, так сказать, полностью тело, предназначенное для него. Момент этот ответственный, переломный и, как правило, сопровождается мучительными изменениями в физиологии и психике.

Третья история случилась в Москве, когда мне было уже тридцать. В тот день нервы мои были напряжены до предела. Возбужденное состояние духа, в котором я находился, послужило причиной обморока близкого мне человека. Пришлось вызывать «скорую», а мне превращаться в сиделку.

Так как я не слишком полагался на свое умение, то пригласил на помощь одну знакомую. Глубокой ночью, отдыхая от дежурства, мы сидели на кухне за чашкой чая. Я пребывал все в том же возбужденном настроении и с нарастающим пафосом вел разговор. Неожиданно в какой-то момент своего монолога я почувствовал в себе прилив необычайной, прямо-таки сверхъестественной силы. Собеседница потом говорила, как изменилось мое лицо, как расширились глаза, как вздыбились волосы, словно наэлектризованные. Странное ощущение

возникло во мне: если прикажу **вот** этим стенам «валитесь», они немедленно рухнут.

И вдруг — щелк! Над головой ночной собеседницы вспыхнуло яркое сияние. Оно представляло собой как бы корону, испускающую лучи коричневого цвета. Видение было столь четким и даже слепящим, что я вынужден был закрыть глаза.

Тогда я не был еще начитан в оккультной литературе, не имел понятия об ауре и потому самым элементарным образом испугался. Что я только не предпринимал, дабы прогнать наваждение. Плескал в лицо холодной водой, пил валерьянку. Ничего не помогало. Корона сияла как ни в чем не бывало. Испуг передался моей знакомой, она уже знала о случившемся и время от времени спрашивала с надеждой: «Не погасла?» — «Нет», — с отчаянием отвечал я.

Ситуация, что и говорить, любопытная и парадоксальная: в центре Москвы, в квартире, залитой электрическим светом, сидят два цивилизованных человека и не могут справиться с элементарным суеверным страхом, увы, торжествующим над их рациональным мышлением.

Аура держалась устойчиво в течение нескольких часов. Исчезла лишь на рассвете.

А силы, возникшей во мне, я испугался еще больше. Мысленно воззвал к кому-то неведомому: «Лиши меня этой силы, ибо не знаю, как ее использовать».

— Данный случай наиболее прост и объясним, — заявила Надежда Михайловна. — Дело в том, что в вас несомненно проснулся и заработал один из невидимых центров: плексус (если употреблять западную терминологию), чакрам (если употреблять индийскую). Они обычно пробуждаются в человеке после тридцати лет. Вы, а вернее — ваше сознание, оказались неподготовленными к этому событию. А что касается силы, которую вы почувствовали в себе, зря от нее отказались. Не отказываться было надо, а сказать: «Отдаю ее Господу Богу». Так я, например, и поступила, когда пережила подобное состояние. Ощущение силы пронизало меня, когда я ехала в трамвае, причем переполненном людьми. Спаслась лишь тем, что повторяла: «Отдаю эту силу тебе, Господи!» Говорю об этом специально, чтоб вы учили это на будущее.

Я пообещал, что если паче чаяния такое опять случится, то я обязательно последую ее совету.

— Евангелие от Матфея, надеюсь, читали? — полувопросительно, полуутвердительно сказала Надежда Михайловна. — Помните заповеди блаженства? Помните первую из них: «Блаженны нищие духом; ибо **их** есть Царство Небесное»? Сколько сомнений и споров возникло из-за нее! Некоторые на этом основании считали, что благодать Божия может коснуться лишь юродивых и безумцев. Другие видели в ней унижение человеческого достоинства. Лев Николаевич Толстой даже выдвинул гипотезу, что она появилась в результате ошибки переписчика. Но ошибся не переписчик, ошибался Толстой, не понимая, что данная заповедь — это формула великой мобилизующей силы.

Прежде всего, нищий вовсе не значит бедный. Нищий тот, кто смиренно просит подаяния. Бедность же может сочетаться с гордыней, и есть люди, которые не унижутся до милостыни, даже если будут умирать с голода. Лишь активно просящий о помощи имеет шанс получить ее. Точно так же, как на улицах стоят с протянутой рукой, так и мы должны просить — постоянно просить — подаяния в мире духовном. Только к таким людям, в конечном счете, может прийти и приходит озарение.

Текст Евангелия как бы соткан из символов. Если не попытаемся приоткрыть ткань таинственного — не сможем понять многого, может быть, даже самого главного. Вот одно из нерасшифрованных мест в Евангелии от Иоанна (а таких у евангелистов, смею уверить, немало).

Филипп, будущий ученик и апостол Христа, приходит к некоему Нафанаилу — судя по всему, человеку уважаемому и авторитетному. Спешит поделиться радостью: объявился обещанный библейскими пророками спаситель человечества — Иисус, сын Иосифа из Назарета. Но Нафанаил не склонен разделять энтузиазм Филиппа. В его словах — недоверие и ирония: «из Назарета может ли быть что доброе?» По-видимому, Назарет пользовался дурной славой, и это в еще большей степени настраивало Нафанаила на скептический лад.

Но любопытства ради он идет взглянуть на Иисуса. Иисус встречает его восклицанием: «Вот подлинно Израильянин, в котором нет лукавства». А потом говорит: «Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя».

И происходит невероятное. Скепсис Нафанаила исчезает в одно мгновение. Убежденно и горячо он возглашает: «Равви! Ты — Сын Божий. Ты — Царь Израилев».

Что же произошло? А произошло то, что невозможно понять, если не учесть малоизвестное обстоятельство: смоковница являлась символом седьмой — высшей — ступени посвящения ордена ессеев, находящегося в Иудее на нелегальном положении. Эта ступень называлась «Совершенный» или «Победитель», и ее удостаивался тот, кто сумел победить свои человеческие слабости и, очищенный, принял на себя миссию служения Богу. Посвящение совершалось в строжайшей тайне под кроной смоковницы. В ритуале принимали участие лишь глава ордена и сам посвящаемый. Лишь они — двое — знали об этом, ну и, конечно, Бог.

Вот почему слова Иисуса вызвали такую реакцию у посвященного седьмой степени, каковым являлся Нафанаил. Они прозвучали для него как пароль.

Отнюдь не невежественными рыбаками были апостолы и евангелисты (как иногда их пытаются представить). Они были посвященными. Они прекрасно знали тайную иероглифику древней мудрости, в которой как бы зашифрован космически-посвятительный путь человека. Моя работа и состоит в изучении символики Евангелия, неразрывно связанной с эзотерическими источниками древности, и ее расшифровке. Если хотите, приобщайтесь к этой работе и вы.

— С удовольствием, — отвечал я, — но, естественно, в качестве ученика.

— Хорошо. Но тогда я ставлю свое условие тоже — не видеть во мне Учителя. Ибо — как сказано в Евангелии, и этого закона я придерживаюсь всю жизнь — Учитель у нас один: Иисус Христос. Будем учиться вместе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЗНАКОМСТВА

1

«Из биографических рассказов Надежды Михайловны» — так, пожалуй, я мог бы назвать эту главу. Дневник я никогда не вел (исключая путевые тетради некоторых зарубежных поездок). Но встреча с Надеждой Михайловной заставила меня перестроиться. По горячим следам я перекладывал на бумагу содержание наших бесед. Потому и имею возможность воспроизводить их сегодня, не напрягая памяти, не фантазируя и ничего не добавляя.

— В этой жизни, — говорила Надежда Михайловна, — я изживаю трудную карму. И началась она буквально со дня моего рождения. Меня сразу невзлюбила мать. Когда после рождения меня поднесли к ней, я показалась ей чрезвычайно похожей на брата ее, которого она терпеть не могла. И эту нелюбовь она распространила на ребенка. До пяти лет я жила у бабушки и совершенно не знала материнской ласки. Потом мать забрала меня к себе. Но к тому времени у меня появилась младшая сестра. Помню, в детской она качает ее кроватку. А я ною:

— Мам, приласкай меня.

— Отстань. Ты большая.

И вот это «ты большая» определило всю мою жизнь. С детства и до старости всегда «я большая». Всегда о ком-то забочусь, кому-то помогаю.

Замужем никогда не была. Некогда было. Учеба — я занималась живописью, — а потом на руках у меня очутились больные родственники. Просто не было времени для личной жизни.

— Чего, чего, а времени на личную жизнь у людей обычно хватает, — возразил я. — Значит, у вас устремленность другая была.

. — Очевидно, так, — согласилась Надежда Михайловна. — Но я очень хотела ребенка. Обращалась с просьбой к Богоматери: «Ведь у тебя был ребенок. Сделай так, чтоб был и у меня, пусть даже незаконный». Но вот не получилось.

— Зато теперь у вас столько детей, — сказал я.

— Да, но мне хотелось, чтоб он был у меня в животе.

— Сны я вижу редко, но когда вижу, то, как правило, это сны-предвидения. И первый такой сон мне приснился, когда мне было семнадцать лет, и когда я была далека от всякой мистики. Я увидела

себя в лесу и увидела, что надвигается нечто ужасное и мохнатое. Это была Смерть. И я поняла, что от нее мне надо спасать самых близких людей: отца и брата. А спасти можно единственным способом: взобраться на дерево, чтобы Смерть не увидела. Я взобралась на верхушку, и в тот же момент Смерть меня увидела. И я умерла.

Помню ощущение: я стою, живая, и с недоумением смотрю на свое неподвижное тело. А потом радость, невероятная радость охватила меня, светлые существа окружили меня.

— Я хочу остаться здесь! — закричала я.

— Ты можешь остаться, — сказал мне чей-то голос. — Но для этого ты должна подняться по ступенькам вот того храма.

Мне показали на высокий, увенчанный куполами храм. Поднялась. Уселась на последнюю ступеньку.

— Нет, ты должна посмотреть в окошко. В зеленой стене растений заметила окошко и заглянула в него.

Передо мною возникла картина города, обычного города. Шел дождь, и шли обычные люди, укрывшись зонтиками. И чувство любви, острой-острой любви к этим людям пронизало меня насквозь. И я воскликнула:

— Нет, я не могу остаться. Я должна вернуться к ним, помочь им прийти сюда.

И я проснулась. Когда мне бывало трудно, я вспоминала этот сон и говорила себе:

— Не ропщи. Ты сама избрала себе эту участь.

— Незадолго до революции я с моей сестрой и гимназической подругой решила совершить паломничество к мощам святого Сергия. Паломничество мы начали, как и положено, с Хотькова, где тогда располагался женский монастырь. Придя пешком из Москвы, остановились в монастырской гостинице. Покормили нас гречневой кашей, отвели в комнату, где стояли три аккуратно убранные кровати. Мы уже собирались ложиться, как вдруг заметили, что на стенах шевелятся обои. Заглянули за обои, а там — о ужас! — несметные полчища клопов. Мы выскочили как ошпаренные из комнаты, заплатили сколько следует за несостоявшийся ночлег и — на улицу. Смотрим, а там народ бежит: схимонахиня вышла из своих покоев, и все бегут, чтоб получить ее благословение. Схимонахиня — последняя ступень монастырского пострижения. Обычно она находится в

молитвенном уединении и чрезвычайно редко бывает на людях. Побежали и мы. Она дала каждой из нас благословение, сопроводив его какими-то словами. Сестре сказала: «Ох, как нужно тебя благословить!» (Через три года сестра умрет в тюрьме от сыпняка.) Подруге сказала: «Далеко поедешь». (Во время гражданской войны она выйдет замуж за белого офицера и эмигрирует.) А мне ничего не сказала. А я была самолюбивая. Стою в недоумении. Она посмотрела на меня и говорит: «Чего же мне благословлять тебя, когда тебя сам Бог благословил».

А на обратном пути, на вокзале теперешнего Загорска я купила книгу Рамачараки «Пути достижения индийской йоги». Там мне понравилась одна медитация, для которой надо вставать в четыре часа утра и садиться в определенной позе. Я сделала все по правилам. И действительно, я почувствовала, что как будто отделяюсь от тела. И тогда я впервые услышала внутренний голос, но как бы идущий извне. Теперь-то я понимаю, что это голос Учителя. Но тогда я этого не понимала. А голос произнес:

— Немедленно прекрати и никогда этим больше не занимайся.

Голос был такой властный и убедительный, что я сразу ему поверила, и никогда больше такими упражнениями не занималась.

— Самое значительное переживание я испытала в двадцать один год. Это было на Пасху. Тогда дела с живописью и дела семейные — все обстояло хорошо. А я не была счастлива и хотела понять: зачем я живу? После пасхальной службы вечер и часть ночи я просидела на балконе седьмого этажа. Ждала: должен появиться Христос. Но Он не появился. Я легла спать. И перед тем как заснуть, я в отчаянии закричала:

— Христос, если Ты есть, Учителя, если Вы есть, Вы должны появиться. Вы не имеете права не явиться.

И провалилась в забытие без сновидений. И ничего не произошло.

На другой день я пошла в гости к крестной (она жила в Сокольниках, мы — на Мясницкой). И, возвращаясь от нее (это было примерно в три часа дня), я неожиданно вступила в другой мир. Мир иного измерения — без всякого усилия с моей стороны — раскрылся для меня. Я увидела Христа, я увидела свое высшее «Я». Я прозрела прошлое и будущее свое. Я ощутила Вечность. Я почувствовала, как пульсирует мое бытие в Боге. Причем это было так реально, что для

меня скорее нереален стол, нереальны вы, сидящий передо мной, а не тот мир, внезапно открывшийся мне. Состояние это продолжалось часа три. В мире физическом я двигалась, ощущала людей, разговаривала (но все это происходило отдельно и отстраненно от меня). Помню ужасного вида нищего, прошлую и будущую жизнь которого я прочла. Такое больше со мной не повторялось. Такое, очевидно, переживается лишь один раз.

— Вы, конечно, знаете знаменитое изречение Маркса: «Религия есть опиум для народа». С ним у меня связано забавное воспоминание. После революции это изречение тиражировалось в большом количестве в виде лозунгов. Как правило, они водружались на фронтонах зданий неподалеку от церквей и часовен. Повсюду только и видишь: «Религия есть опиум для народа».

Однажды я взяла извозчика. Едем мимо Тверской. Вдруг он оборачивается ко мне и говорит:

— Какой хороший лозунг. Не правда ли, барышня?

— Чем же он хороший? — в недоумении спрашиваю я.

Он объясняет:

— Конечно, хороший. Когда человек болеет, ему дают опий, чтоб полегчало от лекарства, чтоб боль утихла. Так же и с молитвой. Прочтешь ее — и на душе легче, и успокаиваешься потихоньку. Как будто лекарство принял. Так что лозунг этот в самую точку и попадает.

— Я очень любила Кремль. Путь в школу лежал через кремлевские площади, я готовилась к экзаменам в кремлевском саду; словом, он был как бы продолжением дома моего. И к тому же я знала духовную значимость Кремля.

Я знала, что в особо избранных местах планеты заложены священные магниты. Заложены они под египетскими пирамидами, тайна которых еще не раскрыта. Находятся они и в основании кремлевского холма. И потому здесь все пронизано огненными токами. Сходите в Успенский собор, постойте в безмолвии несколько минут у гробницы патриарха Гермогена и, если будете чутки и внимательны, обязательно почувствуете эти токи.

Не надо также забывать, что Кремль и Москва находятся под защитой Троице-Сергиевой лавры, под защитой духовной волны преподобного Сергия. А что такое Троице-Сергиева лавра? Если прибегать к терминологии Рериха, то это не что иное, как русская

Шамбала. Существует предание, что создатель обители русской Шамбалы, святой Сергей, преодолевал расстояние от монастыря до Кремля в течение ночи. Возможно, не одну ночь забирал у него этот путь, но шел он непременно в ночное время. Почему? Да потому, что тогда атмосфера особенно насыщена космическими излучениями. Да потому, что в тишине и одиночестве легче было прокладывать сокровенные пути среди девственных и дремучих лесов, которыми была окружена тогда Москва. Духовный центр России как бы физически смыкался с ее политическим центром и освящал его своими флюидами.

И вдруг узнаю — Кремль закрывают. Это было весной восемнадцатого года. Я не могу попасть в Кремль! Но я была боевой и неукротимой. Пригляделась: люди показывают красные удостоверения, часовой их пропускает. А у меня студенческий билет красного цвета. Показываю часовому. Пропускает. Так и стала ходить в Кремль. И вот однажды я попала в Успенский собор. Попала тогда, когда пустоту его стали заполнять монахи. Кремль был закрыт, но монастырь на его территории еще действовал. Нечто особенное ощущалось в окружающей обстановке. Неожиданно — я не успела заметить, как это произошло, — появился синодальный хор. Это — необыкновенное зрелище. Как будто ожили фрески. Затем внесли патриарха. Не ввели, как обычно, под руки, а внесли на золоченом сиденье. Началась служба. Одни монахи, из светских — лишь я одна. И только после я узнала: это было последнее прощальное богослужение в Успенском соборе. После этого он был закрыт.

2

А вот эту историю Надежда Михайловна выделяла особо. Рассказав ее, она попросила обязательно ее записать, что я, разумеется, и сделал.

В сталинские времена — помимо других вещей — практиковалась высылка людей в определенный город или определенное место, где их бросали на произвол судьбы. Как устроишься — дело твое, но проживать разрешалось только здесь, и нигде более.

Двух монахов из подмосковного монастыря сослали в Архангельск. Высадили. Иди куда хочешь. Ходят они по городу, заходят то в один дом, то в другой. Но кто же пустит — ссыльные. Но они не теряют надежды, призывают на помощь Царицу Небесную и продолжают поиски жилища. Вот уже и вечер. Вышли на окраину. Видят — на самом конце города изба, огонек светится.

— Зайдем туда.

Постучались. Выходит женщина и сразу с криком бросается к ним: — Где же это вы до сих пор пропадали? Мне Божья Матерь еще с утра сказала, что вы придете. Я пирогов напекла, баньку истопила. А они все шлендрают и шлендрают по городу.

Надежда Михайловна засмеялась и с удовольствием повторила:

— Все шлендрают и шлендрают по городу. Здорово отчитала. И ведь не за себя обиделась, а за Божью Матерь. В старину, кстати, считалось, что Россия — это Дом Богородицы. А такой дом, как понимаете, должен быть широко открыт для странников и нуждающихся.

3

Честно говоря, меня несколько тревожила мысль о том, как отнесется Надежда Михайловна к письму гималайских Махатм, адресованному Советскому правительству в 1926 году. Только что я опубликовал свою первую статью о Рерихе «Русский друг Индии», где привел текст этого документа, до той поры практически неизвестного.

Я не опасался за основной пафос послания, в котором приветствовались акции, призванные освободить дух человеческий от унижительных оков. «...Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных... Вы признали ничтожность личной собственности... Вы преклонились перед красотой».

В конечном счете, ведь все это так совпадало с революционным стилем поведения Иисуса Христа, который изгонял, как известно, торгашей из храма и обличал с беспощадной резкостью фарисеев и начетчиков-книжников.

Беспокоила меня фраза, с которой, собственно, и начиналось письмо, и которая успела вызвать возмущение некоторых моих знакомых, считающих себя верующими. «Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий».

Но к моему величайшему удивлению. Надежда Михайловна, столь усердно посещающая церковь и неуклонно исполняющая церковные предписания, отнеслась к этой фразе совершенно спокойно. Более того. Она сказала:

— Я воспринимаю ее через призму давней, но очень значимой для меня встречи. Она произошла вскоре после революции на Благовещение. Так уж получилось, что патриарх Тихон вел службу в той церкви, к приходу которой мы принадлежали. Не помню, каким образом (может быть, потому, что у нас были знакомые из церковного старостата), но я попала на банкет по случаю праздника. И сидела я за столом в оригинальном соседстве. По одну руку — патриарх, по другую — старик, настоятель Успенского собора. Патриарх накладывал мне что-то на тарелку, но я, хотя время было голодное, совершенно игнорировала еду, потому что слушала, что говорит мне настоятель Успенского собора, обладавший, кстати, высоким правом от имени Бога венчать царей на царствование. А он, почему-то обращаясь

ко мне, девчонке, говорил буквально следующее, что церкви предстоят гонения и разрушения, что виновато в этом само духовенство, которое недостойными поступками навлекло на себя грозу. Церковь должна быть разрушена, чтобы очиститься и возродиться.

Вот вы видели отца Владимира, — продолжала Надежда Михайловна. — А знаете ли вы, что, если б он был священником до революции, синод наверняка упек бы его в дальний монастырь, в ссылку. За его неординарность и чрезмерную отзывчивость.

Перед революцией священники превратились в замкнутую касту, пекущуюся о доходных приходах, о материальных благах. Грубость и нетерпимость их были ужасны. Помню, как пятнадцатилетней девочкой попала на исповедь к священнику, который задавал мне прямолинейные циничные вопросы. Это было так оскорбительно, что после я три года не ходила на исповедь и чуть-чуть не превратилась в атеистку.

А вспомните скандальную историю отлучения Льва Николаевича от церкви! Вспомните преследования, которым подвергались старцы Оптиной пустыни, поскольку не вписывались в бюрократически-официальную структуру церкви! Не случайно, что Толстой, когда бежал из дома, первым делом направился в Оптину пустынь, где его, невзирая на официальное отлучение от Церкви, приняли и приютили как родного. Преследуемые всегда находят общий язык друг с другом.

Так вот, та церковь должна была быть разрушена, она была разрушена. Вернее, разрушена не церковь, а церковность. Церковь не как организация, а как носительница живого духовного начала осталась. Именно к ней и относятся слова Иисуса Христа: «Созижду церковь, и врата адовы не одолеют ее».

Разумеется, и в письме Махатм речь идет об отказе от церковности, ставшей камнем преткновения на путях духовного развития людей. Видеть же в нем чуть ли не санкцию на гонения и преследования, которые обрушатся на церковь позже, — значит быть во власти или заблуждения, или предубеждения. В двадцать шестом году, когда пришло письмо Махатм, — я отлично помню это время — положение церкви более или менее стабилизировалось. Да и в послании о проблеме церкви говорится в прошедшем времени («Вы упразднили церковь»), имея, по всей вероятности, в виду уже совершившийся акт отделения церкви от государства.

Другое дело, что потом положение церкви разительно изменилось. В буквальном смысле слова, истекая кровью, ей пришлось протискиваться через адские врата. Да и сейчас, хотя формы борьбы с церковью стали мягче, она является и гонимой и презираемой.

Одним словом, положение церкви изменилось, а негативная фраза о церкви в письме Махатм осталась. Это порождает, да и будет порождать смущение в умах. Тем не менее, думаю, что отказываться от нее не следует. Она должна жить как предупреждение тем же самым церковникам, что и в будущем они могут привести церковь на грань разрушения, если не усвоят полученного урока и если — не дай Бог! — из гонимых опять превратятся в гонителей.

Как-то я познакомил Надежду Михайловну с любопытным эпизодом из жизни Рерихов в Гималаях. Местный почтмейстер-индус попросил у них Евангелие, о котором был наслышан, но не читал. Через какое-то время он возвратил книгу с таким умозаклчением:

В этом прекрасном Учении я не нашел и следов современного христианства.

А ведь боюсь, что он прав, — с грустью в голосе произнесла Надежда Михайловна.— Мне рассказывали, что на Западе видели храм, над дверями которого была надпись: «Нищим вход воспрещен». О каком же христианстве здесь может идти речь? На порог этого храма не пустили бы и Христа, ибо он общался с нереспектабельной публикой — нищими, блудницами, мытарями — и сам потому стал нереспектабельным.

Вот вам типичный пример современного фарисейства, которое напрочь изгнало из памяти и совести великую заповедь, что истинный христианин — это тот человек, которому Бог поручил заботу обо всех людях. Обо всех. Без единого исключения.

5

В очередной раз заговорили о Толстом. Надежда Михайловна прочла отрывок из его письма — помечено 1903 годом — писателю Наживину, ныне основательно забытому.

«Невозможно написать биографию, историю, жизнь Иисуса потому что то, что мы знаем из этой жизни, есть самое высокое в духовной области из всего того, что мы можем знать. Его слова, Его учение есть то божественное откровение, которое чрез него стало нам доступно. Для того, чтоб описать его жизнь, надо объяснить источник, из которого возникло это. Как же я могу описать это, когда я только еле-еле понимаю то, что он сделал для меня доступным, открыл мне? Я не только не желал бы прибавить подробности о жизни Христа, желал бы откинуть и те, которые есть».

— Прекрасно сказано! — восхитилась Надежда Михайловна. — Убей Бог, если понимаю, что здесь может не устраивать церковь, даже самую что ни на есть правоверную.

— Вообще-то я еретичка, — заявила мне однажды, слегка иронизируя над собой, Надежда Михайловна. — Разумеется, еретичка. Ведь я решительно расхожусь с какими-то ортодоксальными догматами церкви. Я не согласна, в частности, с постановлением одного Вселенского собора, осудившего веру в переселение человеческих душ. Не согласна хотя бы потому, что реинкарнация для меня — реальность, и я отлично помню некоторые свои бывшие воплощения.

Да, да, помню, но не думайте, однако, что погружение в прошлое обязательно доставляет удовольствие и радость. Это приносит и страдание величайшее, ибо ужасней ужасного — вторичное переживание трагедии своих ошибок и заблуждений. Например, помню, как в одной из жизней стала самоубийцей.

Могу подтвердить, что муки самоубийцы самые страшные муки. Недаром Данте в «Аду» изображал самоубийц в виде деревьев с человеческим торсом и лицом. Дерево — символ неподвижности и прикованности к тому, из чего человек тщетно хочет вырваться.

По личному опыту знаю, как трудно потом воплотиться, как трудно даруется потом возможность воплощения. И как часто, воплотившись, бывший самоубийца рано и неожиданно умирает: ребенком или в расцвете сил своих и возможностей. Нас щадят, к нам милосердны, скрывая от нас картины нашего прошлого.

Разумеется, предыдущие воплощения заключают в себе не только трагедии, но и пронзительные мгновения восторга и радости. Однако не следует приковывать к ним слишком пристального внимания, не надо замыкаться на них, ибо существует опасность, что человек может загипнотизировать себя своим прошлым и устранился от действий в настоящем. Единственное, о чем, очевидно, следует помнить — что самые значительные встречи в нашей теперешней жизни приходят к нам из прежних воплощений.

Убеждена, что вы — мой старый знакомый и что мы не раз встречались с вами в предыдущих жизнях. Но, как уже говорила, не хочу копаться в прошлом, а хочу глядеть вперед.

Не миновало Надежду Михайловну и поветрие увлечения теософией. Идеи Блаватской и ее учеников в первые десятилетия XX века в России стали модными.

— Мачеха моя, — говорила Надежда Михайловна, — была теософкой. Она втянула в теософию отца моего, попыталась приобщить к ней и меня. Правда, председательница московского теософского общества сказала, что я слишком молода и что потому она меня запишет в орден «Звезда Востока».

Как вы знаете, именно в это время руководители теософского движения Чарльз Ледбитер и Анни Безант в Адьяре взяли под особую опеку индийского мальчика Кришнамурти. На весь мир они объявили его новым мессией — вторым воплощением Иисуса Христа. А пока — в ожидании грядущей деятельности нового Иисуса Христа — занялись формированием штата апостолов (в число двенадцати апостолов, естественно, вошли и Ледбитер, и Безант). Для молодежи был создан духовный орден «Звезда Востока», патроном которого провозгласили Кришнамурти.

Меня записали в эту организацию. Я носила, как знак принадлежности к ордену, серебряную звезду на золотой цепочке. Это мне нравилось, потому что было красиво. Ходила на собрания. Боже, что за сумбур там царил! Кто садился за рояль и пел псалмы, кто декламировал Бхагавадгиту, кто, приняв определенную асану, занимался медитацией, и т. д.

Однако случилось так, что вскоре я познакомилась с одним ясновидящим. Он-то и посоветовал мне выйти из ордена, потому что, сказал он, путь это неверный. Под его влиянием я и решилась на этот шаг. Меня принялись отговаривать, но я была непреклонна.

И в ту же ночь я увидела сон: будто иду по раскаленным улицам какого-то южного индийского города. И вижу: навстречу идет Кришнамурти.

— Вы знаете: я ушла от вас.

— Знаю. Но все равно мы будем работать вместе. Как известно, когда Кришнамурти достиг зрелого возраста, он повел себя не так, как ожидали теософы. Он отказался от услуг новоявленных апостолов. Он распустил орден «Звезда Востока» (за что я ему очень благодарна —

сказала Надежда Михайловна. — И видите, я как будто угадала его намерения, порвав с орденом.) Сохраняя высокое уважение к своим теософским воспитателям, Кришнамурти решительно отверг теософские каноны. И остался в одиночестве, избрав особый путь служения людям, очищая их сознание от предрассудков и заблуждений, связанных с верой в любые — пусть даже самые величайшие — авторитеты.

— Возможно, он и прав, — добавила Надежда Михайловна. — Возможно, как он и обещал, мы работаем вместе, но не общаясь на физическом плане бытия. Ничего удивительного в этом нет. В духе — если дух действительно проснулся в нас — мы все едины.

Как я понял, Надежду Михайловну весьма коробила иерархическая табель о рангах, тщательно расписанная теософами.

— Слишком уж много воображения занимают у них так называемые степени посвящения, в соответствии с которыми они пытаются с математической точностью различать ниже и выше стоящих на духовной лестнице. Чересчур уж благоговейный трепет вызывает у них само слово «посвящение». «Этот — имярек — принял третье посвящение, а этот — предел возможного на земле — четвертое!»

А, собственно, что означает этот термин, которому пытаются придать столь таинственную окраску? Посвящение — это сгустившаяся в короткий отрезок времени эволюция человечества. В силу определенных обстоятельств человек получает возможность пройти в ускоренном темпе те этапы развития, которые когда-то, но, естественно, в более замедленном ритме пройдет все человечество. Так что ступени посвящения — это, по существу, лишь ступени открывающегося знания. А вот на какой ступени неземной иерархии стоит твой дух — сие должно быть для тебя закрыто и не интересоваться тобой вовсе. Иначе получается, как говорится, арифметика вместо души.

Главная линия расхождения Надежды Михайловны с теософами — отношение к Иисусу Христу.

— Теософы не сумели приблизиться к тайне Христа, — считала она. — В вопросе с Христом они запутались и запутали других. А произошло это потому, что они пытались механически расставить все по полочкам, земными мерками измерить неземное. Вот и — ускользнуло от них самое главное, а именно то, что явление Христа —

единственное, несопоставимое ни с чем, переломное событие в космически-посвятительной жизни человечества.

Теософы не поднялись до уровня мысли блаженного Августина, который утверждал, что христианская религия в своей изначальной сути «существовала уже среди древних народов и не было времени, когда она не существовала».

Теософы не поняли того, что понимали Махатмы, перед которыми они преклоняются и которые, в свою очередь, преклонились перед тайной Христа. Помните их слова о Христе в «Криптограммах Востока»: «Мы знали многое. Он же мог все. Послужить Его Учению решили мы тогда».

«Земля наша обогатится многими замечательными медиаторами», — писала Елена Ивановна Рерих в одном из писем, которое мне довелось прочесть, когда я изучал архивы нью-йоркского музея Рериха.

Непривычное для русского слуха слово «медиатор» больше всего, пожалуй, соответствует понятию «проводник». В оккультной литературе «проводником» называли человека, который развил свои внутренние способности до такой степени, что может воспринимать информацию, идущую из гиперфизического пространства, и потому может выступать в роли связующего звена между двумя мирами: видимым и невидимым.

Елена Ивановна просила, однако, не путать медиатора с медиумом, ибо между ними лежит разница принципиального характера. Если медиум передает сверхчувственную информацию, находясь в сомнамбулическом, полубессознательном состоянии, то медиатор работает в полной ясности своего сознания. Если способности медиума определяются специфическим строением организма, данным ему от рождения, то медиатором (как и йогом) не рождаются; им становятся в результате особой внутренней духовной дисциплины.

«Высокий медиатор, — сообщает Елена Ивановна, — может достичь многих ступеней Йоги. Лишь самые высокие для него не доступны, такие, как дальние полеты в сферы высшие и космическое сотрудничество и строительство. Но для непосредственной эволюции на земле медиаторы могут даже иметь больше приложения, нежели Йог, оявленный на космическом строительстве».

Так вот, Надежда Михайловна и принадлежала к числу людей (редчайших людей), которых Елена Ивановна именовала медиаторами. Собственно, Надежда Михайловна этого и не скрывала и говорила по этому поводу следующее:

— Когда во мне хотят видеть наставника и Учителя — а такое, увы, случается, — я отвечаю, как уже отвечала вам: я не Учитель, Учитель у нас один — Иисус Христос. Я же обладаю двумя дарами, которыми могу поделиться: знанием и даром проводничества. Моя работа с Тем, кого принято называть Учителем (а я же для себя

называю его старшим братом), заключается в слиянии с Ним во Христе. Через меня могут обратиться с вопросом к Учителю (будем уж употреблять старую, устоявшуюся терминологию), но получение ответа в значительной степени зависит от самого вопрошающего: он должен быть предельно чист и искренен в своем обращении к Учителю, освободив себя на это мгновение от всего наносного и личного, а это трудно, ох как трудно!

Что же касается проводника, то его сознание должно быть отшлифовано, словно линза, дабы пропускать чистый, незамутненный свет. Когда идет работа с Учителем, не должно быть меня и ничего личного. Иначе неизбежны искажения.

Главное условие проводничества — безусловное и полное отрешение от себя. Представьте себе, если б я, предположим, радовалась тому обстоятельству, что провожу Учителя. Я б не смогла тогда донести в нерушимой цельности его мысли. Здесь должна отсутствовать даже радость. Не говоря уже ни о чем остальном.

Я не ясновидящая, — говорила Надежда Михайловна, отвечая на мой вопрос, каким образом она видит то, что мы, обычные люди, не имеем возможности видеть. — Могу объяснить при помощи аналогии. Можете представить себе сейчас лицо Ларисы? Можете. Примерно так же и перед моим внутренним взором возникает лицо Учителя. Только это произвольно и неожиданно. Особенно ясно вижу глаза. Но вообще я ощущаю и очертания фигуры. — Надежда Михайловна скосила глаза вбок. — Вот и сейчас Он здесь.

Во время первой нашей встречи Учитель Мория — по ее словам — обозначился с чрезвычайной четкостью (как я понимаю, это и послужило решающим аргументом в пользу продолжения нашего знакомства).

— Он подошел так близко, что я вздрогнула.

Надежда Михайловна разделяла мысль Елены Ивановны о том, что «медиумов много, но грядущее время позволит иметь медиаторов».

— Это время уже пришло, — говорила она, — и людей, обладающих даром проводничества, будет появляться все больше и больше.

Чем это объяснить? Особенности нашей Эпохи. Дело в том, что Тонкий Мир предельно приблизился к земному плану, и космический огонь (о котором так много говорится в Агни Йоге) пронизывает сферы физического бытия. Устраняются последние препятствия. Контакты с Тонким Миром облегчены донельзя, и они в скором будущем могут стать заурядным явлением. Но это, как вы понимаете, не заслуга людей, не результат развития их духовных центров, а заслуга времени, на уровень которого нам нужно восходить.

К сожалению, люди не готовы к такому повороту событий и в силу своего нелюбопытства и замкнутости, и потому, что отсутствует должная информация, а у нас еще и потому, что наложен решительный запрет на эту тему. Людей ждут серьезнейшие испытания, грозящие подчас и потерей душевного равновесия, и расстройством психики, если они стихийно и по-партизански будут вторгаться в огнеопасные зоны Тонкого Мира. Вот почему проблема взаимодействия с Тонким Миром и постижения его законов должна обрести, если хотите, даже научно-методологическую основу. Вот почему, очевидно, столь актуальны для нашего времени книги Живой Этики или Агни Йоги: в них, как вы знаете, все это рассмотрено подробно и основательно.

Несколько фрагментов из бесед с Надеждой Михайловной, которым можно предпослать тематические заголовки.

О внутреннем спокойствии. — Внутреннее спокойствие — это не свидетельство достижения, если оно идет от равнодушия или если человек старается загнать внутрь все, что его мучает, дабы не помнить и забыть о нем. В детстве и юности я была потрясающе спокойна, все неприятности принимала с непоколебимым фанатизмом. Потратили массу усилий, чтоб вывести меня из оцепенения спокойствия, ибо это было состоянием мертвенности. Другое дело — спокойствие, вырастающее из преображения чувств и сил, которые в тебе действуют. Наш путь — это не уход от страданий (не загонять внутрь от самого себя мы их должны), а преображение и преобразование их.

— Но есть же продвинутые люди, — сказала Галина, — которые выше переживаний, ибо видят дальше и глубже нас. Я присоединился к ней, напомним постулат восточной мудрости о неуместности слез. «Когда плачут, то плачут только о себе».

Но Надежда Михайловна решительно нам возражала.

Чем выше по духу существо, тем тоньше и глубже его сопереживание. Вспомните Христа, который прослезился, когда ему сообщили о смерти Лазаря. Ведь знал, что воскресит его, но прослезился, сочувствуя страданиям, которые испытывает сейчас Лазарь.

— Выходит, что христианство, — сказал я, — в чем-то не совпадает с восточными учениями.

— Подчас оно вступает в противоречие, — сказала Надежда Михайловна, — с человеческой мудростью, ибо не забывают: Христос принес на землю любовь и мудрость божественные.

О йогических упражнениях. — Они таят в себе определенную опасность. Человек чувствует себя как бы в броне, неуязвимым для страдания. И в результате сердце черствеет. Христианский путь другой: он призывает не бояться страданий, идти через страдания. Страдание — радость. Голгофа суждена каждому из нас. И лишь через Голгофу возможно спасение и постижение истины.

О проблемах ясновидения. — Больше всего я боюсь, когда в человеке внезапно открывается гиперфизическое видение. В

православии такие видения именуют «прелестью», в оккультных книгах — «астральным опьянением». Блаватская справедливо предостерегала, что в астральном мире цветут чрезвычайно яркие розы, но под каждой розой притаилась ядовитая змея. В этих видениях нужно уметь разбираться, а люди к этому, как правило, не готовы. Поэтому предпочтительнее, чтоб процесс внутренней работы осуществлялся через сознание и контролировался им.

Кажется, суфийская традиция говорит о том, что существует сто одна ступень внутреннего познания. Первая — низшая, — где и больше всего путаницы, ясновидение, вторая — яснослышание, и так далее по восходящей. Так вот, высшая — сто первая ступень — это та, когда человек не видит и не слышит, а четко мыслит, наперед зная, как ему безошибочно действовать. Эту ступень, к достижению которой мы должны с вами стремиться, я бы определила словом «ясномыслие».

О медитации. — Не надо ждать от медитации результатов. Это тренировка, необходимая и нужная, это подготовка к духовному озарению, но само духовное озарение приходит неожиданно; оно может прийти в дороге, на работе, а не обязательно во время медитации. Здесь уместно сравнение с зерном. Поливка его необходима, но когда оно прорастет и взойдет, нам знать не дано.

О темных. — У темных очень развита работа с иллюзорными формами. Они создают обманчивые вихри, в которые стараются вовлечь человека. Обычный прием темных — взять прекрасную идею и повернуть ее немножко, сдвинуть и спутать. Темные тесно связаны с областью иллюзий в астральном мире. А что такое область иллюзий? Это свет, прекрасный свет и черные точки, символизирующие обман.

В темных деяниях и темных символах в искаженном виде присутствуют светлые приметы. Темные умеют подавать все это ярко и могут привлечь к себе неискушенные души. Они стараются привлечь к себе все творческое и талантливое, дабы заставить служить своим Целям.

Один из самых важных и принципиальных моментов, отделяющих темных от светлых, состоит в следующем. Темные стараются как можно шире привлечь к себе большое количество людей, рекламируя себя, зазывая и заманивая в свои сети. Что же касается нас, то мы должны уподобиться человеку, который зажег свечу, но не побежит по всем закоулкам, дабы не погасить ее. Нет. Он

поставит свечу на стол, и на ее спокойный свет придут не случайные, а именно те люди, которым она нужна.

О карме. — Многие думают, что изживание кармы обязательно связано с прорывом в прошлое, с показом картин предыдущих воплощений. Ничего подобного. По большей части в мелочах текущей жизни изживается карма. Вы замечали, очевидно, как неверно повернутый кран на кухне, разбитая чашка, какое-то неуклюжее движение вызывает реакцию, совершенно не соответствующую значимости поступка. Человек в негодовании может как бы перечеркнуть глубокие отношения, связывающие его с другим. Что это значит? Это значит, что произошел взрыв прошлой кармы, детонатором которого послужила ничтожная мелочь. Вот почему нужно быть особенно бдительным к мелочам. И конечно, надо быть постоянно собранным, ибо лишь в этом состоявши вы можете противостоять нахлынувшей волне старой кармы и преодолеть ее.

О гневе. — Гнев за правду Божию не создает правды Божией. Наоборот. Он уводит от нее. Во всех случаях жизни надобно помнить, что, может, вся правда Божия вот в этой простой поговорке: кто добрее, тот умнее.

О молитве. Я выразил сожаление по поводу того разрыва, который существует — и существует постоянно — между молитвой, с одной стороны, и текущей жизнью — с другой. Что толку в нашей молитве, если в суете и спешке она потом забывается и все идет обычным чередом? А хотелось бы жить так, как творят молитву.

— Ну, это идеал, к которому должно стремиться и который трудно достигим, — сказала Надежда Михайловна. — Мы живем не всей полнотой сознания, у нас действует лишь маленький его участок, а полнота сознания проявляется лишь в отдельные моменты. Но не думайте, что в течение дня вы живете без молитвы. Молитва это как электрическая лампочка, которую вы зажгли, пробудившись. Вы привыкли к ней, вы не замечаете света лампочки, редко когда вы обратите на нее внимание, но она ведь есть и она горит.

От Надежды Михайловны я получил листок, который потом долго-долго хранил в своих бумагах, с текстом стихотворения двадцатилетнего солдата Зацепы. Он был «бит в ночной атаке в 1944 году. В кармане его шинели обнаружили вот это стихотворение, написанное перед боем.

Послушай, Бог, еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я, но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя!
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
Что нет Тебя. И я, дурак, поверил!
Твоих я никогда не созерцал творений...
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной, —
И понял вдруг, любуясь их мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман...
Не знаю. Боже, дашь ли Ты мне руку,
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся Свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого, мне нечего сказать...
Вот только... что я рад, что я узнал Тебя.
На полночь мы назначены в атаку,
Но мне не страшно — Ты на нас глядишь...
Сигнал... Ну что ж, я должен отправляться...
Мне хорошо с Тобой... Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая,
И ночью я к Тебе, быть может, постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу... Боже мой, Ты видишь —
Со мной случилось то, что ночью я прозрел.
Прощай, мой Бог! И вряд ли я вернусь.
Как странно... Но теперь я смерти не боюсь!

Когда я впервые прочитал стихотворение Зацепы в Аудитории — это было в тысячелетний юбилей крещения Руси, — люди не аплодировали: люди — плакали.

Революция принесла Надежде Михайловне тяжелейшие испытания. Расстреляли отца. Брат, сражавшийся на стороне белых, погиб. Сестра умерла в тюрьме. Да и саму Надежду Михайловну неоднократно арестовывали из-за происхождения и нелояльных родственников.

— Правда, потом выпускали, но вот рукописи, изъятые во время обысков, — жаловалась она, — а я писала не только теоретические вещи, у меня были романы на эзотерические темы, остались погребенными в архивах ГПУ.

Но ожесточение ни в коей мере не коснулось души Надежды Михайловны, и ни разу я не слышал от нее слов негодования и осуждения (хотя, казалось бы, у нее были к этому все основания) в адрес советской власти. Она говорила:

— Когда приходит испытание, когда рушится вера, то, как справедливо сказано Лао Цзы, и выявляются истинно верующие. Воспринимать же историю через призму личной биографии, значит ограничивать себя и не понимать ее.

Сталин для меня, например, на уровне Аттилы. Но ведь даже и к Аттиле не может быть однозначного отношения, хотя орды его вихрем прошли по Европе, уничтожая и сжигая города и церкви. Известно, что христианский подвижник — впоследствии его канонизировали как святого, — увидев предводителя гуннов, пал перед ним на колени с восклицанием: «Приветствую тебя, Аттила. Ты бич Господень, который пришел покарать нас за грехи и беззакония наши».

Сваливать вину за трагические результаты исторического процесса на одну — пусть самую злодейскую — личность — это, возможно, и хорошо в качестве эмоциональной разрядки. Но по существу это отказ от подлинного анализа событий. Личность государственного масштаба обязательно фокусирует в себе психическую энергию масс. Поэтому, очевидно, Гегель и говорит, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает. Напасти приходят к нам не извне, они вырастают из нас самих, наших недостатков, невежества, искривленных устремлений.

На мой взгляд, начало первой мировой войны знаменовало собой начало Апокалипсиса. Ну, если не Апокалипсиса — то преддверия его.

Недаром в канун войны гималайские Махатмы как бы вышли из небытия и направили предупредительные письма в Германию Вильгельму Второму, в Россию — Николаю Второму. Во всяком случае, все началось именно с первой мировой войны, которая предопределила вторую мировую, а из второй мировой выросла «холодная война», которая в сочетании с современной экологической ситуацией грозит автоматически превратиться в третью мировую. А она, как и обещано в Апокалипсисе, действительно может уничтожить все живое на земле.

Словом, после первого августа четырнадцатого года время катастрофически сдвинулось. Его прежний отсчет безнадежно устарел. Прежние либерально-гуманные рецепты оздоровления обстановки (сами по себе правильные) оказались непригодными для новых условий. На первый план выдвинулся, если хотите, иррациональный фактор. Задним числом, на безопасном удалении от совершившегося легко давать советы и предлагать альтернативы той же самой Октябрьской революции. Но в то время страна стремительно ввергалась в хаос, а российский хаос сулил непредсказуемые последствия для всего мира. Ведь с иррациональной точки зрения, о которой раньше не было принято говорить, судьба нынешней цивилизации теснейшим образом связана с судьбой России. Гибель России будет гибелью современной цивилизации. Но об этом вы знаете, поскольку изучаете Рериха. Из хаоса, долженствующего вот-вот превратиться в апокалипсический, был единственный выход. Да, мучительный. Да, кровавый. Этот выход — Ленин.

Капитализм и коммунизм для меня не политические, а духовные понятия, издревле — еще во времена Христа — противостоящие друг другу. А если капиталистический строй мерить духовной шкалой, то, ей-Богу, он окажется ниже феодализма и даже рабовладельческого строя. При всех трудностях и сложностях докапиталистических эпох в человеке не вытравливалось все человеческое, существовала чистота патриархальных отношений; была романтика; величайшие духовные идеалы могли овладевать людскими массами: вспомним хотя бы первые века христианства. А капитализм? Он превращает человека в некое одномерное существо, сконцентрированное лишь на одной точке: материальные блага, деньги.

Мне как-то довелось прочесть рассказ о том, как в одном городе объявилась чудотворная икона. Она действительно была необычайной, ибо исполняла все желания жителей. Город процветал, и слава о его процветании разнеслась повсюду. Привлеченный слухами, город посетил пустынный. И вот на что он обратил внимание. Все желания исполняются, а люди ходят хмурые, недовольные, и выражение радости отсутствует на их лицах. В чем же дело? Выяснилось, что все желания горожан сводятся к сугубо материальным вещам; тот просит денег, тот новый экипаж, тот загородную виллу. Отказа нет ни в чем, но легко доступное, увы, легко рождает и чувство пресыщения. Но никто из горожан не догадался попросить об усмирении своего раздражения, гнева, зависти, о даровании внутреннего равновесия и гармонии. Никто не подумал попросить, как это сделал царь Соломон, знания и мудрости.

Словом, икона эта была не от Бога, а от дьявола. А дьявол, как известно, смеется, когда человек достигает желаемого (естественно, если это желаемое лежит в области материальных благ и внешних жизненных успехов).

Так вот, для меня этот город — символ капитализма. Лик, которому поклоняется капитализм, как бы его ни подкрашивали христианскими красками, навсегда останется ликом сатаны.

Вот почему, очевидно, русские писатели — предположим, Фонвизин, Карамзин, — когда попадали из своей крепостнической страны на Запад, то вместо того, чтоб восторгаться, приходили в ужас от соприкосновения с западной действительностью. По той же самой причине Герцен, а потом народники — через развитие крестьянской общины — мечтали спасти Россию от капитализма.

Собственно, Россия в чистом виде никогда и не знала капитализма. Во всяком случае, политической властью он у нас не владел.

Да и российские капиталисты разительно были не похожи на европейских и американских. И это не случайно. Дело в том, что там, на Западе, быть миллионером это почетно, а быть миллионером у нас это немножко совестно. Как бы осознавая свою ущербность, наши миллионеры бунтовали против себя (это прекрасно описано Горьким в «Фоме Гордееве»), жертвовали деньги на революцию, то есть подкладывали бомбы под собственное благополучие.

Мне думается, что здесь срабатывал инстинкт самосохранения, ибо Россия и капитализм — вещи несовместные. Разве страна богоносного начала, каковой считал Россию Достоевский, может когда-нибудь примириться с внедрением начала сатанинского? «Нельзя служить одновременно Богу и Мамоне» — это русский человек ощущает, быть может, гораздо острее, чем любой другой человек в мире.

— Но говорят, — вступил я в беседу, — что капитализм изменился, стал мягче и гуманнее.

— Разумеется, изменился, — согласилась Надежда Михайловна. — Но изменения эти касаются частных, а не сути. Да и пошли на эти изменения, может быть, потому, что над миром, как грозовая туча, нависала наша страна с новым строем и новыми идеалами. Еще неизвестно, как повели бы себя капиталисты, не будь нашей страны.

В частичные изменения капитализма верю. Но не верю, что он когда-нибудь откажется от сути своей — от накопления материальных благ как главной движущей силы, как самоцели. Ведь тогда капитализм перестанет быть капитализмом.

Разумеется, и наш социализм — далеко не райские кущи. Его называют казарменным, а я бы назвала двумерным, ибо он оторван от духовной основы и духовных корней. Потому как плоскость и парит в пустоте. И наша задача состоит не в том, чтоб оглядываться и тем более обольщаться призрачной трехмерностью капитализма — оглядываться назад значит окаменеть, — а в том, чтоб шагнуть в четырехмерное пространство духовного коммунизма.

Собственно, к этому и призывало письмо Махатм. Если б оно было воспринято! Но, увы...

Правда, меня несколько удивило, что авторы письма называют Ленина Махатмой. Вы же знаете, что к Ленину особых симпатий я не испытываю. Однако думаю, Махатмы исходят из знания чего-то более глубинного и сокровенного, нежели я.

И, во всяком случае, следует, очевидно, прислушаться к Черчиллю. Да, да, кажется, Черчилль, если мне не изменяет память, говорил примерно так: «Величайшим несчастьем России было то, что она породила Ленина, но и величайшим несчастьем России было то, что она потеряла его». Доживи Ленин до послания Махатм, ход истории — в этом я не сомневаюсь — был бы совершенно иным.

КНИГА ЕГИПТА

1

Надо сказать, что Надежда Михайловна была решительно не согласна с мнением (ставшим в то время расхожим), что все откровения идут из Индии и Гималаев.

— Это не так, — возражала она. — Традиция, которой я придерживаюсь, гораздо старше. Через Египет она получена нами из Атлантиды. Да, да — из той самой Атлантиды. Если теософия имеет свои корни в восточной мудрости, то эзотерическое христианство является непосредственным продолжением космического учения атлантов и египтян.

— Так, значит, — спросил я, — ваше учение можно назвать христианской теософией?

— Дело не в словах, — отвечала Надежда Михайловна. — Да и разница между нами и теософами в чем-то условна. В особенности если учесть то обстоятельство, что индийское учение представляет собой не что иное, как фрагменты и сколки сокровенных знаний Атлантиды.

— Грядущая гибель Атлантиды, — продолжала она, — не являлась тайной для высоких посвященных этой страны. Были предприняты все меры, дабы спасти посвященные центры, а значит, накопленные знания и небесные откровения. Задолго до потопа на берегах плодоносного Гапи (прежнее название Нила) были основаны первые колонии атлантов.

Солнечными учителями называли местные жители пришельцев с другого континента, ибо, если верить преданию, тела их были прозрачны и как бы светились, пропуская яркий огонь духа. Они стали наставниками местного населения и передатчиками тайн.

Атланты построили храмы, в которых религиозная атрибутика гармонически сочеталась с математически точными выкладками научных исследований. Поэтому подчас и непонятно было, что это: то ли храм, предназначенный для молений, то ли лаборатория, ждущая своих работников? И недаром пирамиду — а пирамиды в Египте сооружались по чертежам, полученным от атлантов — арабы называли книгой, застывшей в камне, которая содержит в себе, как писали они, «мудрость и результаты, достигнутые в разных науках и ремеслах,

чтобы познания арифметики и геометрии навсегда оставались запечатленными на пользу тем, кто оказался бы в будущем в состоянии понять их».

С атлантами в Египет как бы пришло небо, ибо они уделяли много времени и внимания эзотерической науке звезд. Они считали, что звезды начертаниями своих лучей и постоянно меняющимися позициями на небосводе говорят о будущем и предостерегают человечество от надвигающихся бедствий. (Кстати, благодаря именно этой науке звезд, подкреплённой пророческой информацией сновидцев и ясновидцев, и была предугадана катастрофа и определено оптимальное месторасположение эвакуируемых посвяtitельных центров.)

Однако астрология атлантов была бесконечно далека от того, что именуется безысходным фатализмом. Если опять-таки верить преданию, то их наставники учили следующему.

«Сын мой, зная теперь значение и силу звезд, не поступай слепо и не уподобляйся незнающему рабу, говоря: «Этот день неблагоприятный по звездам — не стану работать или молить богов, предамся безделию, покою, дабы не совершить чего-либо противного звездам, и они покарают меня». Поступая так, ты готовишь худшее, ибо вместо того, чтобы победить эти влияния своей умственной работой или работой рук, ты поддаешься течению слабостей и бессилия и можешь легко поступать так постоянно. Воля твоя, особенно сознательная, изменяет влияние звезд — запомни это. Звезды для мудрого лишь Указания, чего ему следует остерегаться».

Атланты принесли в Египет свои песнопения, обряды, обычаи. Но кое от чего им пришлось и отказаться.

В Атлантиде, например, высоко чтили таинственную жизнь волос, растущих на человеческом теле. Считалось, что они весьма чувствительны к тонким воздействиям а вибрациям. Поэтому жрецам категорически запрещалось брить бороду. Но то, что было приемлемым в стране умеренного климата (а таковой была Атлантида), стало невыносимо тяжелым в жарком Египте. Пришлось изменить прежний порядок вещей и разрешить служителям храмов прибегать к услугам бритвы. Но отношение к волосам осталось по-прежнему благоговейным. И не случайно фараону вменялось в обязанность носить привязанную бороду в качестве священной подставки для лица.

И, наконец, атланты принесли с собой арканы, или рисунки-символы, выдержанные в определенных геометрических пропорциях. В этих символах зашифрованы знания о строении Вселенной и духовном пути человечества.

На сакральном языке слог «Ар» означает свет. Буква «к» — для «Ан» — сын. Получается: «Свет для сына». Иначе говоря, это — послание Бога и Вечности человеку, в смысл которого он должен проникнуть, если хочет понять свою миссию в мире.

Изображения арканов в их строгой иерархической последовательности высекались на стенах подземной галереи. Храмовый ученик мог попасть туда, лишь выдержав серию тяжелейших испытаний и искушений.

В галерею вел длиннейший тоннель, где от непроницаемой тьмы можно было ослепнуть, а от гробового безмолвия — оглохнуть. Мрак внезапно обрывался пространством, наполненным мерцающим светом. И первое, что видел ученик, когда его глаза обретали способность видеть, — величественная фигура человека, над головой которого сияла лемниската, знак бесконечности в виде горизонтально лежащей восьмерки. Левая рука поднята вверх, правая опущена вниз. Ноги наполовину скрыты зеркальным кубом. На этом кубе, а точнее, престоле — жезл, чаша, меч.

Все предметы и жесты были исполнены особого смысла на этой древнеегипетской фреске, запечатлевшей первый аркан. Так, например, жезл, чашу и меч, по словам Надежды Михайловны, можно интерпретировать как символы Святой Троицы: Отца, Сына и Духа Святого. Жезл, говорила она, олицетворяет собой Волю Творца. Чаша — Любовь. Меч — Мудрость.

2

Арконология, может быть, самая загадочная и парадоксальная из всех эзотерических наук. Так, во всяком случае, полагал автор некогда знаменитых книг «Четвертое измерение» и «Tertium Organum» («Ключ к загадкам мира») Петр Успенский, перу которого и принадлежит вот эта легенда.

«Пришло время, когда Египет не был больше в состоянии бороться против нашествия иноплеменников. Зная, что на этот раз царство фараонов уже не восстанет, жрецы решили подготовиться к гибели всего. Тогда они собрали всех ученых, чтобы обсудить, как сберечь знание, накопленное тысячелетиями, как передать его будущим поколениям, которые, они знали, придут после варваров.

Сначала думали доверить знание добродетели. Выбрать среди посвященных особенно добродетельных людей и поручить им хранить знание и передавать его только таким же добродетельным людям, как они сами, из поколения в поколение.

Но один жрец возразил, что добродетель — это самая хрупкая вещь на свете и что, кроме того, ее труднее всего найти, особенно тогда, когда она нужна. Поэтому он предложил доверить сохранение тайн пороку, который везде и всегда имеется и необыкновенно прочен в людях.

Порок, сказал он, никогда не исчезнет совершенно, и мы можем быть уверены, что наши принципы, если мы доверим их пороку, сохранятся долго и надежно.

Это мнение было принято, и была изобретена игра, как служащая пороку, в которую была вложена вся тайная доктрина. Таро^[1] состояло первоначально из небольших металлических пластинок, на которых были выгравированы таинственные фигуры. Известно, что игроки очень суеверны. И они хотя и не понимали их значения, тем не менее в точности сохраняли все фигуры и знаки и передавали Таро из поколения в поколение гораздо лучше, чем могли бы сделать это какие бы то ни было добродетельные люди.

И таким образом, Таро, представляющее синтез или квинтэссенцию всего знания древнего мира, дошло до нас под видом игральных и гадалых карт».

В классическом варианте колода Таро делится на две части. Первая — 22 карты (что в точности соответствует числу мажорных арканов). Вторая — 56 (что в точности соответствует числу минорных арканов).

Для нас, по утверждению Надежды Михайловны, наиболее существенное значение имеют арканы мажорные, изображения которых и по сию пору можно видеть в некоторых святилищах Египта. Именно они нашли зеркальное отражение в знаменитых изумрудных таблицах Гермеса Трисмегиста и их двадцати двух скрижалях. Несомненна также и генетическая связь арканов с двадцатью двумя буквами древнееврейского алфавита. Следует, однако, заметить, — сказала Надежда Михайловна, — что «древнееврейский» — понятие условное, ибо корни этого языка уходят в глубину веков, в те времена, когда еще существовала Атлантида. Тогда и был создан алфавит, каждая буква которого рисунком своим воспроизводила контуры того или иного созвездия, сияющего над землей. Поэтому данные буквы, по существу, являются звездными знаками посвятельного словаря арканов.

3

Могу признаться, что в арбатской келье Надежды Михайловны я прошел целый курс арканологии. Причем особенности курса состояли в том, что он не опирался на источники, у нас неизвестные, но все же опубликованные, такие, как, предположим, «Энциклопедия оккультизма», изданная в Шанхае в тридцать восьмом году, или книги Шмакова, Леви, Папюса. Надежда Михайловна считала заслугой перечисленных авторов, что при всех их ошибках и недостатках они донесли все же до людей внешнее начертание арканологических знаков. Но вот ключ к внутреннему значению этих знаков ими, говорила Надежда Михайловна, утерян.

Что касается нас, то мы имели дело с теми работами, которые были написаны у нас в России в самый пик сталинского террора, а также в период величайшего напряжения сил народных — в Великую Отечественную войну. Не без трепета брал я в руки пожелтевшие, отпечатанные подчас на старинном «Ундервуде» страницы рукописей, которые властями предержащими могли восприниматься лишь на уровне идеологического диверсионного акта со всеми вытекающими отсюда последствиями. Религиозная и духовная жизнь России была загнана в подполье, но она продолжалась, она стала, может быть, еще более интенсивной, ибо на границе жизни и смерти и возникают искры подлинных откровений.

Час постижения этих откровений, думается, пришел. И если я не собираюсь сейчас углублять тему арканологии, то это лишь потому, что она требует специального исследования, выходящего за скромные рамки замысла данной книги. Одно лишь хочу добавить: увлечение арканами — непосредственно и опосредствованно — сказалось на моих стихах.

Особое впечатление на меня почему-то произвел шестнадцатый по счету аркан. Я знакомился с ним по рисунку, исполненному во времена Парацельса.

На фоне вспаханного поля — цилиндрическая каменная башня без окон. Это башня духовного посвящения, ибо над ней горит восьмиконечная звезда — символ Духа Святого. Башня заперта. Но в массивный замок на ее дверях бьет ослепительная молния. Башня рушится. С ее высоты ниспровергаются две человеческие фигуры. С

правой стороны — увенчанная короной (император). С левой — увенчанная тиарой (папа).

Текст, поясняющий рисунок, гласит:

«Падает Посвященный правой стороны, падает Посвященный левой стороны. Незыблем Маг, стоящий в центре».

Иными словами: в равной степени обречены на гибель и человек, слишком уж тяготеющий к земле и всему земному (император), и человек, слишком уж оторвавшийся от земли и устремившийся лишь в небо (папа). Для себя же я интерпретировал аркан следующим образом:

Не страшен вихрь, когда стоишь ты в центре,

Житейское с духовным сочетая.

Но если порознь эти два начала —

То человека бездна поглотит.

«Первичный двигатель — Отец всего — породил человека по подобию своему и возлюбил его, как собственного сына!

...Но человек, пожелав творить сны, отделился от Отца, вошел в сферы творчества и даже перешел положенный ему предел...

И этот властитель мира и существ смертных и лишенных разума показал низшей природе — сквозь гармонию и заслон небесных тел — прекрасный лик Божества. При виде этой чудесной красоты... Природа с любовью улыбнулась, так как она узрела красоту человека в водном зеркале и тень его — на земле. А он, увидев в воде отражение своего образа, воспылал любовью к нему и пожелал им обладать. Природа захватила своего возлюбленного и оплела его всего.

И вот почему из всех существ, живущих на земле, один человек двойственен: смертей телом, бессмертен по сущности своей. Божественный властитель всего — он подчинил себя судьбе, правящей тем, что смертно. Стоящий выше гармонии миров, он пленник ее пут!»

5

Это отрывок из работы Гермеса Трисмегиста («Видение Гермеса»). Родина Гермеса Трисмегиста — Египет. Но в стране пирамид его называли иначе, а именно:

«Тот, трижды величайший, писец божественной книги, изрекший сущее и создавший то, чего не было». Ему принадлежит пророчество, что никогда не иссякнет небесная мощь Египта.

— Разве это не так? — утверждала, облекая в форму риторического вопроса свое утверждение, Надежда Михайловна. — Разве исчерпаны нами тайны Египта? Разве приблизились мы хоть на йоту к разгадке секрета пирамиды Хеопса, внутреннее пространство которой стерильно чисто и совершенно лишено микробов и бактерий — они погибают, проникая сюда? Разве так уж абсурдна мысль некоторых ясновидящих, что в подземный помещениях, надежно спрятанных под основанием пирамид, продолжают действовать посвященные центры а значит, не прерывалась и не прерывается самая древняя духовная традиция на Земле? Наконец, разве в самой Библии не чувствуется отзвук египетского храмового учения и его знаменитого постулата: «Безмолвие изрекло свое Слово и выявило Бытие»?

«Книга Египта». Так называлась рукопись, с которой Надежда Михайловна знакомила меня в течение ряда вечеров. Эта книга — как и многие другие, обреченная на долгие годы подпольного существования — представляла собой основы древнеегипетского храмового учения, изложенного в форме беседы старого жреца со своим учеником.

Делая выписки из довольно объемистой рукописи, я по укоренившейся привычке своей и для удобства восприятия разбивал текст на определенные разделы, обозначая их теми или иными заголовками. В этом виде «Книгу Египта», а точнее — извлечения из нее, я и предлагаю вниманию читателя. Эпиграфом к ней, на мой взгляд, могло бы служить изречение, высеченное на стенах египетских храмов:

«Стань пирамидой среди Круга Вечности».

КНИГА ЕГИПТА

Раздел первый. Путь Посвящения.

Трудна дорога Посвящения, но, вступив на нее, не оборачиваются назад и не уходят на прежние тропы, ибо соприкоснувшийся с иным миром, с иными воззрениями, иной жизнью не может вернуться к старому. Так нельзя сложить растение обратно в зерно, невозможно плоду стать цветком.

Многие, еще не будучи посвященными, стремятся устроить свою жизнь в согласии с законами, считая истиною, что всякие искажения, неправильности, попрание божественных указаний есть нарушение Великого песнопения Мира и Божества. Так, сохраняя красоту жизни своей, они способствуют очищению мира и увеличению его красоты. Но ты скажешь, что далеко не все осознают важность жизни, указания богов, что мысль одних убога, не глубока, воля бессильна, сердце или жестоко, сухо, или тупо, безразлично. Да, сын мой, но все равномерно наделены богами различными способностями, но одни способствовали их развитию, сохранению в чистоте, а другие в небрежности, лени, противясь законам, не пожелали хранить их и теперь уменьшили их силу, а то и совсем закрыли их густой пеленой своих недобрых дел, мыслей и слов. Так появились «рабы». Истинно они рабы своего искаженного тела, своих смятенных мыслей, своей слабости, своего незнания.

Обманывает себя тот, кто говорит легкомысленно: «Я посвященный, омытый, в одежде чистой», а сам не вырывает из себя презрения к низшим душам, которых должен поучать своим примером, не борется с завистью, не умеряет гнева, не отказывается от мести. Ибо когда звучит одна струна тела и души, она невольно задевает другую и третью, и нельзя говорить «я чист», если не чиста мысль или слово. **Постоянно очищение для Посвященного.** Посвящение не может быть только на словах, только в обрядах или символах, только на несколько дней или часов, только для внешности.

Труден путь Посвящения, нелегко отказаться незнающему от соблазнов мира, от удовольствий, от суеты, напрасных разговоров, от мнения толпы и осуждения близких, но более всего — от своего искаженного воззрения на жизнь, на мир, и людей, и богов. Воистину, сын мой, все изменяется, все приобретает иную ценность, и мир людей незнających явится перед тобой как собрание слепых или разъяренных зверей. По-иному ты оценишь этот мир! Принимая иные указания,

запасаясь иным опытом, почувствуешь ты, как умираешь для легкомысленного, мятущегося мира, и вначале это переживание покажется тебе как горькое лекарство, как та чаша смерти, которую предлагали тебе в дни испытаний! Но горечь превратится в сладость, и смерть в жизнь, и скорбь сердца, и порывы его снова вернутся на стезю закрытости — в твердости познания и утверждения целебности Пути.

Раздел второй. Законы ученичества.

Если ученика коснулось Высшее, если Свет всколыхнул его душу, то обычно он стремится тотчас поучать других, как бы взойти на крышу храма и кричать оттуда всем о своем переживании. При этом он забывает, что не все готовы для внутреннего рождения, что именно сокрытое в жизни пугает многих. Если ученик станет говорить о высшем тому, кто погружен в домашние дела, материальные расчеты, то увидит на лице лишь усмешку и отрицание.

О, сын мой, помни и не старайся убедить неготовых: каждое сознание растет так, как надо — одно медленно, другое быстрее, иное только дожидается своего часа. Надо ли тогда только молчать или показывать видом своим, что ты мудрее их? Нет, надо уметь говорить согласно времени и определенному развитию. Ты не станешь говорить рабу о небе и небесных излучениях — это скользнет мимо его сознания. Но если ты начнешь говорить о порядке в доме, то незаметно перейдешь на порядок в мире, его законы, на порядок отношения между людьми. И пахарь поймет тебя, если услышит о тайне посева, как правильно исполнять свое дело и какая чудная тайна лежит в расцвете зерна. И каждое время показывает, насколько вперед ушел народ, насколько он готов к той или другой тайне, ибо, если открывать высокое откровение, народ по неготовности исказит его и более того — загрязнит в опрошении.

Молчание дается не ради того, чтобы выставить свою гордость, якобы высоту; не ради того, чтоб подчеркнуть, что знаешь тайны; оно предлагается ученику как воспитательное средство. Необходимо молчать ради сбережения блеска истины, ибо она совершеннейший драгоценный камень, который может быть захватан грязными руками, темными чувствованиями и сдвигами мыслей. Блюсти тайное значит уважать его.

Наш Учитель Тот, трижды величайший, говорил:

«Блюди тайное, склонись перед тайнами мира и человека и постигнешь еще большее тайное».

Если самолюбие твое еще слишком обострено, если тебя задевает всякий пустяк, значит, ты еще нетвердо стоишь на Пути Посвящения и тебя всякий может легко столкнуть с него, возбуждая в тебе все недоброе, протесты, неповиновение.

Наш Учитель Тот, трижды величайший, говорил:

«Не бойся, если, постигая иное — тонкое, станешь странным для людей, люди не поймут тебя и даже отстранятся от тебя в слепоте своей. Ты не одинок, ты с богами и высшими наставниками. Возрасти в себе прощение и снисхождение к их непониманию. Оставь озлобленных, не раздражайся на них. Горе ученику, если он носит в себе озлобленность и станет проклинять, захваченный бурей переживаний. Проклиная — он летит в бездну!

Некий ученик был приведен в сокровищницу храма и услышал от жрецов следующее повеление:

«Если ты пожелаешь что-либо взять отсюда, то бери свободно все, что можешь унести с собой без труда». Это был человек жадный, он увидел вокруг себя золото, серебро, драгоценные камни, чудесное оружие, богатейшие одежды и многое другое. Он помыслил: в руках я не унесу того, что мне желается, но повешу на себя мехи, чтобы наполнять их золотом.

Так он и сделал. Но ему была открыта дорога только через поток воды, струящийся от Гапи. Ему необходимо было его переплыть, ибо дверь за ним замкнули. Он же не хотел расстаться с сокровищами, бросился в воду, она наполнила мехи, в непосильная тяжесть увлекла его на дно.

Таков несознательный ученик, просящий постоянно о тайнах. Чем более жаждет он скорее и больше получить откровений, тем яснее, что этот ученик — быстро вспыхивающая солома и очень скоро от его желаний останется лишь кучка пепла. Открывая ему одну тайну, мы видим, как мало он трудится над ней, мало переживает ее, не входит в ее сущность.

Были у нас и такие ученики, которые крали священные папирусы высоких тайн и тоже уподоблялись этому тонущему безумцу. Тяжесть откровений угнетала их.

Посему заповедано ученику не просить Учителя открывать ему то или другое; Учитель, учитывая его силы, знает, что дать ему.

Раздел третий. Наука излучений^[2].

«Ты — свет», — указывают храмы. Как солнце убывает, постоянно давая из себя лучи, так не иссякает это истечение сил из человека. Лишь в момент смерти бурным потоком изливаются эти силы, и тогда тело холодеет, костенеет и разлагается.

Прозревая в чистых истечениях жизненную силу, естественно, жрецы пришли к мысли лечить ими слабых и больных; и так как руки, как и все конечности, излучают силы, то храмовые врачи возлагают руки на больных и укрепляют здоровье, исцеляют немощи и способствуют бодрости духа. Этот метод возложения рук так же древен, как и лечение лучами солнца или нагретой солнцем водой, или песком.

Человек толпы, удовольствий мира не знает о тайне этих излучений, иначе он больше бы обращал на это внимания и не посещал игроков, развратников, пьяниц и т. п. Он легко перепутывает свои излучения с другими и слишком много отдает жизненной силы. Сдерживать, согласовывать свои излучения — вот чему наставляют храмы своих учеников.

Ничто так не связывает людей, как излучения: добрый тянется к доброму, печальный к печальному, здоровый любит здоровых, веселый ищет радостных; но мало этого — сильная мысль притягивается к такой же, как и движение сердца. Так, наши излучения тел создают нам и наши влечения к особым людям, и равнодушие к другим.

Мысль тесно связана с чувством и волей. Как мы мыслим и чувствуем — таковы и мы. И наши переживания и чувства, и наши мысли действуют на истечения наши. Когда человек чего-либо пугается, вся сетка его истечений из тела сжимается и опускается — так произвольно защищает себя тело. Когда человек настроен благодушно — весел, доверчив, эта сетка расширяется и подобна лепесткам цветка. Больной для ясновидца имеет спутанные, медленно движущиеся струи излучений. Злой, недовольный, недоброжелательный сжат, как запеленутая мумия.

Наш Учитель Тот, трижды величайший, говорил:

«Не смешивайте ваших излучений с другими, которые как нечистые, несовершенные или даже несоответствующие вам могут

заразить вас, и это случится, если вы будете носить чужую одежду, обмениваться уборами или даже священными поясами. Не принимайте даров от лиц, вас задабривающих, льстящих вам, но в сердце не принимающих. Как может жрец принимать вещи, если они окружены недоброжелательностью, или корыстью, или завистью, не отдаст ли он обратно вещь, говоря: «поди и исправь вначале сердце свое!»

Раздел четвертый. Незримое и посох видимости.

Если мы указывали тебе на связь всех излучений в мире, то слово, как высшее орудие, наиболее связывает всех и все своей силой; если бы люди знали тайну этой связи, они обращались бы более бережно с этим даром. Познай: если слово отзвучало, то это не значит, что оно замерло, и действие его прекратилось. Сильное слово еще продолжает звучать в тонких сферах и влиять на них.

Что есть тишина? Это замена грубых звучаний более высокими. Низшие звуки замолкают, отходят — выступают более сильные, неслышные, вернее, не воспринимаемые организмом.

Но особенно действует дыхание. Последнему мы придаем большое значение, ибо дыхание есть жизнь, вбирание из мира жизненного начала, и как ладья быстро движется под напором ветра — так усиливается жизнь от равномерного, целесообразного дыхания.

Незримое — начало видимого; мы должны опираться на посох видимости, так как мы облачены телами. Те же, что отрицают необходимость изучения Тонкого, еще не подошли к своему часу; рано или поздно они коснутся небесных откровений.

Тело есть камень, ибо земное тело грубо и лишилось многих красот вследствие своей греховности — загрязнения. Но мы знаем многие просветленные тела. Тогда тело — не грубая глиняная плошка, непроницаемая для сияния огня, а подобно воде или драгоценному камню, пропускающему лучи.

Наиболее важной частью человеческого организма является тело мысли, представляющее собой тончайшую оболочку Духа. Мы изображаем тело мысли в виде птицы или птицы с человеческой головой. Когда Дух освобождается от своих переживаний и устремляется в чистую область возвышенных мыслей — этой основы мироздания, — он становится как бы воздушной легкой птицей, приобщающейся к божественному взлету.

Раздел пятый. Солнечный лотос.

Весь мировой порядок основан на выполнении законов, на повиновении им. Когда законы выполняются — выявляются равновесие и гармония. Откуда же наш грех слабостей, болезней и всякой нечистоты? Истоки его в том, что мы легко, беззаботно, бессознательно или упорно-злостно нарушаем законы.

Люди, закрытые в сознании, живущие мирскими удовольствиями, не останавливаются на значимости законов и не уясняют себе, откуда происходит Рок, накапливается черное облако дурных влияний. Этой тучей искаженных человеческих деяний и закрывается Истина; человек как бы теряет ее; это облако злых деяний сковывает человека, и он становится несвободным.

Когда ученик заглядывает в себя, то ужасается, постигая свою слабость и свою закрытую мощь.

Зло не создано, не выявлено свыше, оно не существует как некое самодовлеющее царство, оно всецело базируется на человечестве, утопающем в грехах, на противниках Света и Закона, отвергающих руководство, наставничество. Таким образом, зло не существует как нечто изначально рожденное, оно есть извращение Добра через свободную волю и человечества, и потусторонних духов. Эти духи, не могущие ничего делать, насаждают зло через соvrащенных ими людей, проводя через них свои мысли, извращенные переживания, бранные слова и пр. Соvrащение всегда идет через незнание: люди не желают и не умеют внимать Голосу Жизни, они также ленятся делать усилие, ибо добро требует усилий, а зло легко творить. Потому зовем мы зло «незнанием», а также — «бесси́лием».

Знай, ученик мой, что какво око земное, такова жизнь для видящего. Каким оком взглянешь — таким получаешь: гордое око ищет себе восхваления, оно пройдет мимо того, что просто, тайно и скромно; нечистый видит всюду лишь нечистое, ему скучно и тяжело среди высшего; недовольный всегда создает себе мучения. Незнающий осуждает мир, отделяя себя от мира, все ему нехорошо, все препятствует ему, он не видит в себе главной причины.

А мир идет во славе своей. Познай красоту сияния этого мира, и ты оправдаешь мир.

Многие, узнав в храмах, что они бессмертны, более не задумываются над этим. Они считают, что подобное откровение более

ни в чем не нуждается. Нет, мысль о бессмертии должна пронизать все существо человека, и жизнь его должна отвечать бессмертию, тогда последнее будет действительно. Но если человек будет вести ничтожную жизнь и окутывать себя тучей всяких излишеств и злостных дел, то это открытое ему бессмертие еще не явит свою жизненность. Оно должно, как зерно, как древо, пустить свои глубокие корни и оправдать свое тайное существование. Оттого и звучат такие слова нашего Учителя Тота:

«Кто постоянно думает о бессмертии — тот утверждает и укрепляет его, и кто поступаетя всем ради бессмертия — тот заслуживает его, ибо в воле каждого воскреснуть или оставаться мертвенным».

И говорит Учитель ученику своему:

«Расти, ученик мой, чтобы непрерывно входили в тебя излучения тайн — божественные откровения, ибо этим ты связываешь себя с Небом. Раскрывай истинный лик мира и человека. Так Лотос поднимается из хаоса и в цветке его покоится Солнце».

ЗНАКИ ХРИСТА

1

«Иисус, исполненный Духа Святого, возвратился от Иордана^[3], и поведен был Духом в пустыню. Там сорок дней Он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по прошествии их, напоследок взалкал» (Евангелие от Луки, гл. 4).

— Рассказ об искушении, — говорила Надежда Михайловна, — является как бы прологом ко всему Евангелию. Во всяком случае, именно в этот момент завязывается тот драматический узел, который приведет впоследствии Христа к Голгофе, Распятию и Воскресению.

Что значит «был в пустыне»? Пустыня — это земля, лишенная воды, то есть жизненной силы, опаляемая солнцем, все сжигающим. Солнце — источник жизни, но в пустыне солнце не созидает жизнь, а разрушает ее огнем своих лучей. Пустыня — образ омертвевшей планеты. Человек пал, и, вместо того чтобы нести свет, быть помощником и другом своим братьям, Ангелом, ведающим всей растительной, животной, материальной жизнью на планете, человек своим грехом омертвил не только себя, но и природу. Пустыня — это результат искажений, внесенный в жизнь планеты человечеством, подпавшим под власть Люцифера — ангела, превратившегося в сатану. Поэтому нет ничего для человека мучительней, чем пребывание в пустыне.

Апостол Марк в рассказ об искушении Христа добавляет выразительную деталь. Он пишет: «И был Он там в пустыне сорок дней, искушаем сатаною, и был со зверями».

Не с животными, а со зверями. В слово «зверь» включено понятие жестокости, враждебности животного к человеку. Это опять-таки один из результатов искаженности человеком всей природы. Мы знаем из описаний святых, как любовно относятся к ним животные, как в их присутствии между различными породами животных, обычно между собой враждующими, восстанавливается мир. Поэтому словами «был со зверями» апостол Марк подчеркивает исключительную искаженность и загрязненность того места, куда удалился Христос.

Сорок дней! Почему именно сорок? Это период, имеющий особое значение, — период окончательного погружения родившегося

человека в вихри материи физического плана, а в период после смерти — окончательного освобождения от этих вихрей.

При рождении — первые сорок дней — человек больше пребывает в астральном мире, а на физическом плане живет, тесно связанный с флюидами матери, он связан с нею невидимой пуповиной в астрале; их ауры слиты воедино, и только через сорок дней они разъединяются, и по правилам церкви ребенок должен быть принят в лоно церкви; мать приносит его в церковь теперь уже как индивидуальное существо и получает особую молитву, освобождающую ее от этого слияния.

После смерти сорок дней человек читает записи своей Книги Жизни, особенно те страницы, которые относятся к данному воплощению, и с помощью высочайших Учителей кармы познает свои неправды и узнает возможности их исправления в следующих воплощениях.

Какую же Книгу читал Христос? Он читал Книгу Жизни всего человечества, выявляя основные пути, на которых Люцифер овладевал и овладевает душами людей.

2

Первое искушение Христа связано с физическим планом бытия. Оно стало возможным благодаря элементарному голоду. «И постившись сорок дней и сорок ночей напоследок взалкал» (Евангелие от Матфея, гл., 4, ст. 2).

На первых ступенях своего развития человек настолько не отделяет себя от тела, что считает его своим подлинным «я», а удовлетворение его потребностей, в первую очередь насыщение, делает основной задачей своей жизни.

Воплощение на физическом плане требует питания, и Христос не раз в притчах указывал на святость питания, которое жертвенно дарует нам Ангельский Космос. В молитве, данной Христом, мы просим о насыщении — «хлеб наш насущный даждь нам днесь», — утверждая этим значимость физической жизни, значимость воплощения. И если люди не нарушают законов Бытия, не искажают природу, они получают необходимое насыщение.

Голод физический — мучительное переживание, но оно активизирует деятельность человека: чтобы утолить голод, человек трудится, совершенствует и себя, и окружающую природу. Но страдания голода, если у человека нет терпения и внутренней связи с Отцом Небесным, если потеряно чувство сыновства и вместо молитвы к Отцу о помощи возникает чувство протеста, возмущения и т. д., является благоприятной средой для соблазна со стороны темных. Мучения голода всегда были тем состоянием, когда темные легче всего овладевали волей человека и направляли ее на нарушение заповедей, раскрытых человечеству высокими Водителями Света.

Поэтому, когда Христос соприкоснулся с клише, зафиксировавшим падение человечества (а оно совершилось из-за потребностей плоти, и в частности — голода), и сам пережил мучения голода, Люцифер и предложил Ему использовать Свою Божественную Силу, чтобы насытиться, но нарушая при этом Божественные законы. «И сказал Ему диавол: если ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 3).

Ответ Иисуса ныне общеизвестен: «написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 4).

Если человек в воплощении не забывает свое истинное «я», духовное свое сыновство, если он всегда обращается за помощью к Отцу Небесному, ему всегда дается духовное и даже физическое насыщение по Воле Отца но сам он не имеет права использовать свои дары, свое могущество, знания для удовлетворения личных потребностей, нарушая тем самым законы. Конечно, Христос легко мог бы утолить свой голод, претворив камни у хлеба, но Он пришел утвердить закон, а не нарушить его. Своим ответом Христос как бы объясняет людям, что всем раскрыта возможность преодолевать страдания физической плоти, не отрываясь от мира духовного и все время обращаясь за помощью к Отцу Небесному, которая не замедлит прийти в час назначенный.

3

Второе искушение Христа связано с астральным планом. Этот план, более высокий, чем предыдущий, как вы знаете, ткнут наши чувства, симпатии и антипатии, эмоциональные взлеты и падения. Если, поддавшись первому искушению, человек становится рабом плоти, то, поддавшись второму искушению, он становится рабом низменных чувств и неукротенных эмоций.

На физическом плане дьявол обязательно должен искать себе проводников, дабы через их посредство воздействовать на людей и втягивать их в порочный круг соблазнов. Дело в том, что после падения Люцифер потерял право физического воплощения. А вот в астральном мире, пластичном, изменчивом и крайне неоднозначном, он чувствует себя хозяином. Особенно свободно он действует там, где грехом разрушена Божественная защита. Он может внушать искаженные мысли, чувства, возвращать гордость, жестокость, честолюбие и властолюбие. В этот иссушающий астральный вихрь он и пытался вовлечь Иисуса.

«И возведши Его на высокую гору, диавол показал ему все царства вселенной во мгновение времени. И сказал ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их; ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Итак, если Ты поклонишься мне, то все будет Твое» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 5—7).

Темнота воздействует насильем, подавлением воли другого. Та власть, которую знает человечество и олицетворением которой является Люцифер, всегда, увы, связана с насильем и возвеличиванием себя. собственно, это самое глубокое падение человечества, самое страшное его разъединение с Богом.

Христос сочувствовал стремлению человека быть первым, но интерпретировал его по-иному, давая ему высокое духовное наполнение. Он говорил: «Кто хочет быть первым, будь слугою всем». Слуга же отдает своя силы ради помощи другим, ничего не отнимая.

Истинное служение складывается из исполнения двух законов: первый — служение Богу, второй — служение ближнему во имя Бога. Ничего другого этими ясными, как первозданный свет, законами не предусматривается.

Отсюда — ответ Иисуса: «отойди от Меня, сатана; написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Третье искушение Христа связано с ментальным планом, то есть миром, который творят наши мысли и наши духовные устремления.

«И повел Его в Иерусалим, и поставил Его на крыле храма, и сказал Ему: если Ты Сын Божий; бросься отсюда вниз. Ибо написано: Ангелам Своим заповедует о Тебе сохранить тебя; И на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 9—11).

Здесь как бы высвечен тот опасный момент, который ожидает посвященных и священнослужителей, словом, тех, кто получил знания и силы для управления природой и кто познал уже в себе Божественное духовное «я».

Апостол Павел в одном из своих посланий предупреждает: «не говори — я стою, так как можешь упасть». Чем больше могущественных духовных сил раскрывается в человеке, тем опаснее для него самого использование этих сил, иногда лишь для проверки их наличия и своих возможностей. Не надо также забывать, что желание феноменов характерно для падшего человека, который хочет увидеть все физическими очами, а не духовными. Поэтому потакание такому желанию в сущности своей антидуховно.

Вот почему именно на этой ступени раскрытия психических даров особенно должна быть утверждена любовь и непосредственная связь с Богом и единство с ближними своими. Когда же человек начинает чувствовать себя могущественным вне единства со всеми, когда его захватывает волна самоутверждения, тогда может приступить к нему сатана Люцифер и соблазнить предложением продемонстрировать свои силы. Ведь действительно в Божественном псалме запечатлено обещание Ангельской помощи духовно посвященным: «И на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею».

Иисус отвечает: «сказано: не искушай Господа Твоего».

Впервые звучат слова, выявляющие в Сыне Человеческом Сына Божьего. «Не искушай Господа Твоего» — то есть не стремись своей волей, своими желаниями воздействовать на Божественное творчество, которое проявляется (если суждено ему проявиться) вне зависимости от твоей воли и твоих желаний. Думать и поступать по-другому —

значит противопоставить себя Богу, значит восстать против законов жизни и законов мироздания.

«И окончив все искушение, диавол отошел от Него до времени», — сообщает апостол Лука. До времени. Ибо впереди еще Голгофа и муки распятия, когда у дьявола появятся новые возможности для последнего решающего натиска на свободную волю Сына Человеческого.

Автор книги «Жизнь Иисуса Христа в оккультном освещении» (книги, по мнению Надежды Михайловны, несколько поверхностной и неровной, но содержащей порой глубокие мысли и верные догадки) Рамачарака назвал второе искушение Христа (в Евангелии от Матфея оно идет по счету третьим) «снами власти». Картины, проплывающие перед внутренним взором Иисуса в кульминационный момент искушения («вибрации их были подавляющи, — пишет Рамачарака, — никогда еще не собиралось столько темных сил для нападения на разум смертного»), как бы сконцентрировали психическую волю и затаенные желания того народа, которому Иисус принадлежал по крови.

«Он увидел себя, — продолжает Рамачарака, — спускающимся с горы и объявляющим, что Он — Мессия Царь евреев. Он увидел, как народ восторженно приветствовал в нем долгожданного спасителя Израиля и окружал его знамена. Видел себя во главе войска, наступающего на Иерусалим; видел себя, пользующегося высокими оккультными познаниями, дающими ему возможность предвидеть каждый шаг и намерение противника... Видел себя, чудотворно вооружающим и кормящим армию. Видел себя покоряющим врага при помощи своих оккультных дарований. Видел, как сбрасывалось иго римлян. Видел себя вступающим на престол своего предка Давида, водворяющим образцовое правление, которое превратило бы Израиль в самое передовое государство. Видел, как сфера влияния Израиля распространялась во все направления. Видел себя подъезжающим победоносно на колеснице, волоча за собой самого Цезаря, раба израильского царя. Видел Иерусалим столицей мира и себя правителем его, полубогом.

И дальше он видел, как религия евреев под его руководством превратилась в мировую религию. Он видел себя, осуществившим все мечты иудейских отцов, Мессией Нового Израиля, со столицей Иерусалимом, царицей всего света. И все это зависело лишь от его оккультной власти, управляемой его волей».

Когда читаешь описание этого великолепного, но несостоявшегося триумфа, начинаешь понимать, какое разочарование должны были испытать иудейские лидеры, каким отступником должен

был показаться им Иисус. Тем более что он уже выявил перед людьми такую психическую и духовную мощь, приковав к себе всеобщее внимание и вызвав великие надежды.

В этой связи можно допустить и иную версию предательства Иуды. Не из-за тридцати сребреников (от которых, как известно, он потом и отказался) отдал он своего Учителя на мучения и позорную казнь, а по другим мотивам, так сказать, идейно-психологического свойства: из-за того, что потерпели крушение его честолюбивые упования на возвышение Израиля во главе с Иисусом, а значит, и на собственное возвышение (ведь он находился в числе ближайших соратников Иисуса). Тот, кого Иуда и иже с ним готовы были считать Мессией, да уже считали, в одно мгновение, как некий сон, развеял мечты об избранничестве еврейского народа, ибо возвестил, что принадлежит не Иудее исключительно, а всему миру.

«Принять эту мысль как истину было смерти подобно. И может быть, самоубийство Иуды следует объяснить не только угрызениями совести, но и причиной опять-таки идейного характера: невозможностью примириться с мыслью, разрушающей для правоверного иудея саму основу его бытия.

Надежда Михайловна неоднократно напоминала о том, что в индийской религиозной и духовной традиции отсутствует аспект грехопадения человечества. Поэтому, говорила она, дьявол у них не является олицетворением силы, изначально враждебной человеку, а лишь символом его низшей природы, которая нуждается в укрощении, воспитании и постепенной трансформации. Поэтому искривления путей человеческих они объясняют лишь результатом незнания и невежества. Поэтому Закон Кармы не перерастает у них в Закон Искупления, с особой силой выявляющий приоритетную роль преображения духовного, которое может сжечь Карму, так сказать, в одно мгновение — в течение одного воплощения, а не унылой череды однообразных человеческих жизней. Отсюда — непонимание величия жертвы Христа и истинного масштаба миссии Христа, восстановившего разорванные связи между человеком и Божественным началом.

Возможно, для победы над дьяволом, символизирующим низшую природу человека, достаточно сил самого человека. Но для победы над дьяволом, увлекшим все человечество в бездну падения, одних человеческих сил мало! Тут требуется прямое вмешательство Бога.

Не будь Люцифера, не подпади мы под его власть — не было бы необходимости и в искупительной жертве Христа, продиктованной Божественной любовью к нам, людям.

Духовно-космогоническая концепция Надежды Михайловны, таинственная и возвышенная (как и все, с чем она меня знакомила), сводилась к следующему.

Когда были созданы человеческие монады. Ангел ближайший к Господу Богу, Люцифер (что значит «светоносный») получил задание: облечь эти возникшие из небытия монады в оболочки чистой материи.

Надо сказать, что материя, с которой мы привыкла иметь дело, — это нечто уплотненно тяжелое, даже загрязненное. Подлинная, первозданная Материя — другая: легкая, прозрачная, подвижная; она сверкает, как радуга на снегу. Ее называют Тканью Матери Мира, и она является идеальным материалом для праздничных и радостных одежд, предназначенных душам человеческим.

Следует заметить, что данная задача должна была стать первым уроком самостоятельной работы Люцифера. Творческой работы. Ослепленный важностью порученного дела, он вообразил себя творцом, равным Богу, И вместо того чтоб утверждать высшее «я» человеческой монады, целью которой является самопознание, то есть раскрытие в себе искры Бога Единого, он занялся самоутверждением, направляя человеческую монаду (и себя) на обособление от Абсолюта, от Единого. Таким образом, путь человеческий уже в самом начале — из-за гордыни, обуявшей Люцифера, — был искривлен.

Человеческая история, согласно древнеиндийским и теософским источникам, разбивается на периоды от одной планетарно-космической катастрофы до другой. Они называются манвантарами. Не думайте, однако, что это знание является привилегией древней мудрости Индии; в Евангелии манвантаре соответствует понятие «век» (грубейшая ошибка, когда евангельский «век» пытаются приравнять к привычному столетию).

В первой манвантаре — гиперборейской — материя была светящейся и разреженной (это была материя ментального мира). Во второй — лемурийской — она несколько уплотнилась, но не потеряла своей прозрачности (это была материя астрального мира). Плотные физические формы, которые мы видим и в которые мы облачены, появились в третьей манвантаре, протекающей в основном на материке Атлантиды. Но в отличие от нашей — четвертой — манвантары, для людей тогда не были закрыты тонкие сферы бытия. Присущий нам страх смерти отсутствовал, поскольку общение с человеком могло быть продолжено и во время его посмертного существования.

Как известно, борьба между светлыми и темными в Атлантиде закончилась победой темных. После этого и в связи с этим планы бытия были напрочь отгорожены друг от друга. Двери в астральный и ментальный миры закрылись наглухо. Только при помощи особых магических приемов отныне можно было туда проникнуть.

Лишь воплощение Христа, Его Голгофа, Распятие и Воскресение ликвидировали эти перегородки. Говорят, что перед приходом Христа материя уплотнилась до чрезвычайности, испуская мертвящие излучения. Появление Христа как бы взрывной волной встряхнуло косную материю, и Христос принял на себя мертвые лучи этой

материи и погасил их, спасая человечество: смертью смерть поправ. Самый опасный момент погружения духа человеческого в бездну был пройден, и началось его неуклонное восхождение из склепа инертной материи к исходной точке своей.

Воскресение трансформировало плотную материю, которая обрела присущую ей подвижность и прозрачность (потому так изменчивы были облики Христа после Воскресения) . Верующие, произнося «Христос воскрес!», не до конца понимают космический характер происшедшего. А суть происшедшего в том, что сила, преобразующая материю, внедрилась на физический план и теперь бесповоротно действует здесь. Суть происшедшего в том, что Христос отдал тело свое, сотканное из чистейшей материи, нашей Вселенной и это тело растворилось в ней.

Во время обряда евхаристии, совершаемого в церковном храме, соответствующие токи притягивают частицы тела Христова в чашу с вином, в хлеб освященный. И значит, не только символический, но и абсолютно реальный смысл приобретают слова Иисуса Христа. Помните, когда, преломив хлеб, Он говорит: «ядите; сие есть тело Мое». А взяв чашу с вином, призывает: «пейте из нее все; сие есть кровь Моя нового завета».

В трактовке Апокалипсиса Надежда Михайловна решительно расходилась с общепринятой догматической точкой зрения.

— Здесь много путаницы и непонимания, — утверждала она. — В церкви вы можете видеть, например, изображение Страшного Суда, ада, людей, лижущих раскаленные сковородки, и т. п. В педагогических целях эти устрашающие картины, возможно, и играют свою положительную роль, но разве соответствуют они реальности на самом деле? Было бы ошибкой так же прямолинейно воспринимать и Апокалипсис. Считать, что гибель Земли неизбежна — значит опустить руки и ничего не делать, Мысль о неизбежности гибели Земли — тонкая уловка темных, и эту мысль они очень бы хотели внушить всем людям, чтоб подтолкнуть их к катастрофе, а по возможности заставить пойти на самый страшный грех — самоубийство рода человеческого.

Темным выгоднее разрушение планеты, нежели ее сохранение: гибель физического мира планеты не означает гибели ее астрального мира, он останется, а значит, и останутся у темных надежды на успех. А вот если уцелеет физический мир планеты с накопившимся и воплощенным в плотные формы потенциалом добра и духовности, то, значит, силы света утвердятся здесь окончательно и темным придется покинуть планету.

Поэтому, во-первых, пророчество следует воспринимать не как фатальную неизбежность, а как предупреждение. Свободная же воля человека, вняв предупреждению, может изменить многое, если не все. Об этом надо помнить особенно сейчас, когда внешние признаки Апокалипсиса выявились столь резко и зримо и могут смутить и замутить наше сознание.

А во-вторых, следует уяснить, что Откровение Иоанна Богослова имеет в виду не время как таковое, а состояние духа человеческого. Именно этим состоянием определяется, в каком космическом отрезке времени действует человек как носитель искры Божественной. Есть люди, находящиеся еще на уровне первой манвантары, той самой, когда сознательность еще не пробудилась или была в зачаточном состоянии. Но есть люди, находящиеся уже на уровне последней — седьмой — манвантары, той самой, когда светящейся сознательности

будут соответствовать светящиеся прозрачные тела. Мы не отдаем себе до конца отчета, насколько пестра и узорчата мозаика земной жизни: ведь здесь будущее тесно соприкасается с прошедшим — не в воображении, не в мечтах и фантазии, — а совершенно реально. И люди будущего были и есть среди нас. Это — святые. Все, кто встречался с Серафимом Саровским — а он, как известно, жил, целиком погруженный в тайну Воскресения, и каждого проходящего в любое время дня и ночи приветствовал возгласом: «Христос воскрес!» — отмечают одно и то же: прозрачность его тела и физически ощутимые излучения, исходящие от него.

Не календарные, а космические сроки, неподвластные обычному исчислению, подразумевает Откровение Иоанна, и потому нужно делать акцент, так сказать, на времени психологическом, строго индивидуальном для каждого из нас.

— Пути человеческие искривились, — продолжала Надежда Михайловна, — однако не все монады подпали под власть Люцифера. Некоторые из них — их было немного — нашли в себе силы противостоять его искаженной воле. Были также духи, которые с течением времени сумели вырваться из-под власти Люцифера. Все они имели возможность уйти в иные сферы, но в подавляющем большинстве своем остались вместе с падшим человечеством, дабы помогать заблудшим душам, дабы бороться с Люцифером.

На Востоке их называют Махатмами, или Учителями, я же, как вы знаете, считаю их нашими старшими братьями. Они и составляют то самое Белое Братство, существование которого на протяжении веков ставилось под сомнение и подвергалось язвительным нападкам. Доходило до того, что понятие Белого Братства в его истинной духовной наполненности начисто исчезало из памяти людской. Почему? Да потому, что признание существования Белого Братства незамедлительно влекло за собой вопрос об установлении контактов с Ним, а такие контакты как раз и являются обязательным условием и гарантией победы над темными силами. Отсюда — отрицание, играющее на струнах гордыни и невежества нашего.

Величайшая заслуга Блаватской состояла в том, что она возвратила людям утраченное знание о Белом Братстве. Собственно, она была вестником, посланным человечеству Белым Братством. Но, увы, искривленное сознание всегда ведет к искривленным действиям.

И как всегда случается с вестниками и пророками, ее встретили злобной руганью и клеветой.

Белое Братство можно разделить на две части. Первая — те, которые не воплощены физически. Они образуют небесную Шамбалу. Вторая — те, что физически воплощены. Они образуют земную Шамбалу.

Шамбала, как известно, священное буддийское понятие, но Шамбала как реальное место на реальной земле не является монопольным владением последователей буддийской религии. По сведениям людей, побывавших в Шамбале непосредственно, а также людей, побывавших в Шамбале опосредствованно при помощи астрального и ментального плана, на ее территории находятся храмы всех религий, как существовавших, так и существующих. Тем самым как бы подчеркивается одинаково уважительное отношение к духовному поиску всех людей. Кстати, именно отсюда, именно из Шамбалы и пришел к теософам их знаменитый лозунг: «Нет религии выше истины».

— О, как мы высмеивали, — восклицала Надежда Михайловна, — наивную космогонию древних за то, что она ставила в центр Вселенной нашу грешную Землю! И зря высмеивали! Дело в том, что древняя космогония имела в виду не географический, а духовный Космос. А центром этого Космоса действительно является Земля, ибо здесь физически воплощался Христос. Поэтому именно здесь, как ни в каком другом месте Вселенной, и концентрируются силы света и тьмы. Земля — исключительное место Вселенной, и не только потому, что отсюда должно начаться возвращение падшего человечества к Отцу Небесному, но и потому, что отсюда должно начаться возвращение Ангела падшего.

— Ну, тут вы полностью совпадаете с Оригеном, — сказал я Надежде Михайловне. — Он тоже считал, что, в конечном счете, дьявол осознает свои ошибки и заблуждения, станет на путь их исправления и примирится с Богом. Поэтому, очевидно, труды Оригена и были объявлены еретическими. («Лишнее доказательство того, что я — еретичка», — улыбнулась Надежда Михайловна.)

Учение Оригена — по словам Мережковского — было отвергнуто потому, что оно выходило уже «за пределы христианства», но, разумеется, не того христианства, которое можно назвать

космическим, а того, которое исторически ограничено временем. «Тут какое-то новое, — писал Мережковский, — пока еще едва мерцающее откровение, которое соединяет прошлую вечность с будущей: в прошлой завязалась, в будущей — разрешится трагедия зла».

Но вот в чем Надежда Михайловна абсолютно была убеждена и на чем решительно настаивала.

— Неверно понимают христианство как религию скорби, — утверждала она. — Это религия высочайшей радости, победившей страдания и потому неуязвимой для них. Давно уже сказано: христианин не умирает, умирает его смерть.

Да, лишь через преодоление страданий мы идем к истине. Однако недаром Христос сравнивает страдания человека с муками рожаящей женщины. Родился ребенок — и все муки забыты сразу. Таково же и рождение духовного человека. Появился на свет — и исчезли муки и даже воспоминания о них.

Мы не раз в течение жизни (или жизней) проходим Голгофу. Но главное — не в Голгофе, а в нашем отношении к ней. Только тогда, когда у нас установится такое же или примерно такое же отношение к Голгофе, как у Христа, она обретет свой смысл и оправдание и человек наконец получит освобождение.

Должен сказать, что к тому времени наши встречи поднялись на уровень диалога, и потому я тоже поделился с Надеждой Михайловной некоторыми своими мыслями (с которыми она согласилась). Суть моих размышлений заключалась в следующем.

«Распятие Христа совершилось в результате трагической дисгармонии между духовным планом бытия и физическим. Скрепленное кровью Христа, Единение планов теперь утвердилось во Вселенной. Но каждому человеку на земле предстоит индивидуальное распятие, дабы привести в гармонию высшие и низшие планы своего бытия. Разумеется, распятие не должно восприниматься как физический акт, но страдания души во время распятия могут не уступать физическим.

Для облегчения страданий необходимо добровольное принятие распятия. Необходимо абсолютно ясное понимание того, что могила и распятие — разные вещи. Пассивное принятие смерти означает лишь временное усыпление ветхого человека в себе; проснувшись, он вновь явит свой звериный облик. Активное принятие смерти ветхого человека через распятие означает отвержение зверя в себе, гибель его окончательную и, следовательно, обретение жизни истинной.

Человек, стоящий на перепутье между могилой, олицетворяющей пассивную смерть, и распятым, олицетворяющим смерть активную, стоит перед свободным выбором. Это еще не преддверье истины, это за дверью истины. Преддверье истинной жизни начинается тогда, когда человек сделал выбор и решился на распятие. А жизнь истинная начинается тогда, когда наступила смерть ветхого человека, и крест из орудия пытки и муки превратился в инструмент блаженства и радости. Но это состояние практически описать невозможно. Каждый должен пережить это сам.

Главный зов Христа — зов о Воскресении не как недостижимом идеале туманного будущего, а как о насущной задаче настоящего. В любое мгновение жизни — быть может, в то самое, когда я пишу эти строки или когда вы читаете эти строки, — оно может свершиться».

Конечно, беседы с Надеждой Михайловной накладывали отпечаток на внутреннюю жизнь мою. Конечно, они находили отзвук в моих медитациях. Например, вот в этих.

Тайну постигают не умом, а сердцем, истекающим кровью и исторгающим радость одновременно. Страдание должно превратиться в сострадание, тогда радость овладеет тобой.

Христа не видят. Он должен видеть твоими глазами, слышать твоими ушами, чувствовать твоими чувствами. Тогда ты со Христом и во Христе.

Христос не говорит. Говорят раны Его, говорит Его сострадание. Если б мы научились их слушать, не причинили б горя никому.

Беседы с Надеждой Михайловной находили отзвук и в моих стихотворных медитациях тоже. Например, вот в этих.

Когда к Христу сознательно идешь,
Когда Его Евангелием проникся,
То это знак, что в настоящей жизни
Все прошлые сгустились воплощенья,
А ты сейчас возможность получил
Преодолеть одним порывом Карму.

Преображение человека значит,
Что он прошел внутри все манвантары.
И Страшный Суд, и светопреставление
Внутри себя он тоже пережил.

Христос преобразовывает вас.
Спаситель мира — Он спасает души.
И даже если худшее случится,
И жизнь прервется на планете нашей, —
Мы на планете радости с Ним будем
Воскресшие вслед за Христом. Аминь.

Уход от Христа догматического, законсервированного в Бога, может означать обретение Христа живого, Христа реального, близкого, как самый близкий человек, — говорила мне Надежда Михайловна. — Удивительное и непередаваемое мгновение, когда ощущаешь не Его, бессмертного, а Его, действительно живого. Так как Он — человек, то Ему, как никому другому, понятны страдания и пути наши, а так как Он — Бог, то Он, как никто другой, может помочь в страданиях наших и путях наших.

В трудные минуты жизни я вспоминаю историю одного индуса, ставшего христианским миссионером. Его рассказ был напечатан в каком-то старом издании.

Когда я принял христианство, рассказывает он, мои соплеменники объявили меня отступником и искали случая расправиться со мной. Улучив момент, они схватила меня и подвели к крутому обрыву. «Отрекись от Христа или мы бросим тебя в пропасть». Бездна была ужасна, а страх овладел мной, но в сердце своем положился я на Христа. Толчок — и я полетел в пропасть. Но произошло нечто, похожее на чудо, потому что крона дерева растущего в ущелье, смягчила удар. Правда, я был весь в крови и совершенно обессилен. Не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и лишь стонал и сетовал: «Вот я один, и нет никого, кто бы мне помог». Не знаю, сколько прошло времени, но вдруг слышу чей-то голос: «Нет, ты не один». Я оглянулся. Вижу: подходит человек, помогает мне придвинуться и опереться на скалу. Я оперся, попросил пить. Незнакомец пошел к ручью, принес воды в пригоршне. Но жажда продолжала мучить меня, и он пошел за водой второй и третий раз. И вот в третий раз, когда я пил из его рук, я неожиданно увидел, что они прободены! Тогда я понял, что передо мной Христос. Но в тот момент, когда я это понял, Он исчез, но тело мое исцелилось.

— Так что, — заключила Надежда Михайловна, — когда нам помогают, будем смотреть внимательней: а не прободены ли руки у того, кто несет нам помощь?

— Почему семнадцатилетний период жизни Иисуса Христа, от 13 до 30 лет, опущен в Евангелиях? — спрашиваете вы. А разве вы сами не понимаете почему? Не обо всем сокровенном можно говорить людям.

— Но эта часть жизни Христа, — продолжала Надежда Михайловна, — отражена в апокрифах, а также в «Криптограммах Востока».

Книгу Елены Ивановны Рерих «Криптограммы Востока» — она была опубликована в 1929 году в Париже — Надежда Михайловна выделяла особо.

— Насколько я знаю, — говорила она, — только в ней и содержится недвусмысленно-четкая информация об индийских странствиях Иисуса. Главной целью его путешествия в Индию была Шамбала.

Рассул — так звали проводника Иисуса в этом путешествии. От его имени в «Криптограммах Востока» ведется повествование о неизвестных страницах жизни Христа.

По свидетельству Рассула, три года они провели в пустыне, ожидая благоприятного сочетания звезд. Затем три года находились в пути. И, наконец, три года «пробыл Он там, — сообщает Рассул, — куда я не мог войти».

Духовный итог пребывания в Шамбале запечатлен в рассказе Рассула «Знаки Христа». Надежда Михайловна считала его кульминационным пиком всей книги «Криптограммы Востока», и по ее просьбе я не раз и не два читал ей вслух вот этот текст.

«Звезда Алахабада указала путь. И так мы посетили Сарнат и Гайю. Везде нашли поношение религий. На обратном пути в полнолуние произошло памятное изречение Христа.

Во время ночного перехода проводник потерял путь. Я нашел после поисков Христа, сидящего на песчаном холме и смотрящего на пески, залитые луною.

Я сказал: «Мы потеряли путь, надо дожидаться звездного положения».

«Рассул М., что нам путь, когда вся земля ждет нас!» Взяв бамбуковую трость, Он очертил квадрат вокруг отпечатка Его следа,

прибавив: «Истинно говорю — ногою человеческою». Потом, отпечатав ладонь, также заключил ее в квадрат. «Истинно рукой человеческою». Между квадратами Он начертал подобие колонны и покрыл как бы полусферой.

Он говорил: «О, как Оум проникнет в сознание человеческое! Вот Я сделал пестик и над ним дугу, и заложил основание на четыре стороны. Когда ногами человеческими и руками человеческими будет построен храм, где процветет заложенный Мною пестик, пусть Моим путем пройдут строители. Почему ждем пути, когда он перед нами?» И встав, тростью смешал начертанное.

«Когда имя Христа произнесено будет, тогда выступит начертание. Запомнив Мое созвездие, квадрат и девять звезд засияют над Храмом. Знак ступни и руки будут начертаны над камнем краеугольным». Так это Сам сказал накануне новолуния.

Жар пустыни был велик».

— Таинственно? Загадочно? Не поддается расшифровке? — комментировала этот текст Надежда Михайловна. — Вполне естественно. Потому и называется — «Криптограмма». Однако основной смысл ее все-таки ясен: лишь руками человеческими, лишь ногами человеческими, лишь усилиями человеческими достигается истина, а значит, и духовное освобождение человечества. Других путей не существует. Но отсюда следует, что спасти человечество может только человек. Поэтому Бог и должен был стать человеком. Иначе спасти людей было бы невозможно.

Надежда Михайловна четко делила сказанное ею на две части: то, что идет от нее самой, и то, что она получает — по ее словам — по «беспроволочному телеграфу». Информацию последнего рода она всегда давала несколько отстраненно, подчеркивая значимость ее некоторой торжественностью интонации. Того, кто пользовался каналами яснослышания, вряд ли удивит заявление, что сведения, которые я решаю ныне вынести на Свет Божий, принадлежат непосредственно Учителю с большой буквы, духовному водителю Блаватской и Рерихов. Если верить чистоте проводнического дара Надежды Михайловны, то Он, как бы продолжая рассказ, начатый в «Криптограммах Востока», говорил следующее.

«На горе Мориа располагался священный город, который должен был принять воплощенного Бога. Но он не принял Его. Я сопровождал воплощенного Бога в Его странствиях. Тогда Я назывался другим именем — Рассул. Но после Голгофы, Распятия и Воскресения Христа я взял имя горы, на которой расположен город, не принявший Его и распявший Его. Ибо отныне миссией моей стало утверждение истины Христа на физическом плане бытия».

УЧЕНИЕ ПАРАКЛЕТА

1

Мы отмечали Духов день в комнате Надежды Михайловны. По случаю праздника мы даже сделали по глотку вина.

— Такого рода праздники и мистерии, — говорила Надежда Михайловна, — совершаются в Космосе, но при помощи таинства церковного обряда они как бы перемещаются на физический план.

В пятидесятый день после Воскресения Христа апостолы собрались, как они привыкли собираться, в доме Богоматери. И там на них сошел Дух Святой в виде огненных языков. Изображение этого события можно видеть на многих иконах.

Апостолы получили дар пророчества, дар постижения всех языков земли. Не думайте, однако, что имеется в виду простое знание того или иного языка. Нет, этот дар означает нечто другое. Они получили возможность общения в духе с каждым человеком каждой нации. Они получили возможность убеждения человека на духовном языке.

Такое огненное крещение могло быть воспринято лишь избранными. Так было во времена апостолов, Да и потом тоже. Но сейчас наступило особое время. Огонь Духа Святого пронизывает ауру и атмосферу земного плана. То, что было доступным лишь апостолам, сегодня становится открытым для всех. Если еще несколько лет тому назад мы созидали пути приготовления новой эпохи, то сейчас она наступила.

Надежда Михайловна перекрестилась и торжественно продолжала:

— В высшие слои духовной атмосферы нашей планеты вошли волны Параклета — да святится Имя Его в веках и мирах!

Греческое слово «Параклет», или «Параклитос», переводится на русский язык как «Утешитель». Лишь в одном из канонических Евангелий, а именно в Евангелии от Иоанна, содержится весть о Его приходе. По свидетельству Иоанна, Христос обещает своим ученикам:

«Утешитель же, Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит все, что Я говорил вам».

Приход Духа Утешителя заповедан в критический момент существования человечества. Его зов должен быть обращен ко всем и должен быть услышан всеми. Вот почему в пророчествах о Его приходе — а Он выступает под разными именами в священных писаниях равных народов — просматривается тенденция преодолеть ограничение тем или иным именем, той или иной традицией. Вот почему в Евангелии от Иоанна о Нем говорится так: «Когда же приидет Он, ... то наставит вас на всякую истину».

Русскому писателю Алексею Ремизову, волею судеб очутившемуся в эмиграции, принадлежат слова, которые, на мой взгляд, могли бы стать паролем новой эпохи: «Человек человеку — Дух Утешитель».

Внезапно, как вспышка молнии в безнадежном мраке, озарила его эта догадка. И неспроста озарила именно его. С чувством высокого внутреннего достоинства принял он свою Голгофу: прошел через страдания, унижения, испытание разлукой с Родиной, что для него было смерти подобно. Но не ожесточился, не озлобился, не впал в уныние, а поднялся над личной судьбой и болью и потому смог как бы заглянуть в будущее и увидеть: человек человеку — Дух Утешитель».

Как известно, древние римляне были убеждены в прямо противоположном: «Хомо хомини лупус эст» (Человек человеку — волк).

Спустя какое-то время на гималайских вершинах прозвучит другой лозунг. Он дойдет до нас в виде индийской поговорки: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый человек тебе Учитель». Иными словами, говоря: «человек человеку — Учитель».

И вот теперь новый — русский — девиз: «человек человеку — Дух Утешитель».

Попытаемся, однако, прикоснуться к его сокровенной глубине. Что значит «Дух Утешитель»? Ведь это Дух Святой — ипостась Божественного начала. А значит, девиз этот мы можем сформулировать следующим образом: «человек человеку — Бог».

Разумеется, пока мы будем воспринимать данный девиз — «человек человеку — Бог» — на уровне слов, ничего не изменится ни в нас, ни в мире, окружающем нас. Более того, мы можем даже измениться в худшую сторону, если попадемся в сети умственного искушения: будем тешить себя мыслью о своей божественности, забывая о той же самой божественности в других людях.

Но если мы будем воспринимать его на уровне сердца, то это изменит мир решительней, чем все революции, вместе взятые. Если ты будешь видеть Бога в другом человеке, а он будет видеть Бога в тебе, то это значит, что исчезнет гордыня, разделяющая вас. Развеются взаимные сомнения, затуманивающие истину. И это значит, что в духовной атмосфере, создаваемой вами, может проявиться и обязательно проявится Бог.

3

— Людям, строящим всякие догадки и предположения насчет будущего и судьбы человечества в будущем, можно посоветовать лишь одно, — сказала однажды Надежда Михайловна. — Не насилюйте Грядущее, не конструируйте его в соответствии со стереотипами прошлого: все равно Грядущее не будет похожим на них. Недаром говорится: будьте сами Грядущим, то есть живите и действуйте в атмосфере духа и сердечной интуиции, я тогда Грядущее будет проявляться через вас легко, свободно и радостно.

Работа над собой — вот что должно быть поставлено во главу угла. Не стремление к глобальному масштабу и изменению всей Вселенной, а четкое и конструктивное желание изменить и одухотворить тот микрорайон Вселенной, которым вы, собственно, и являетесь. Учителя повторяли и повторяют: вы должны четко проводить различие между своим вечным «я» и личным «я».

— Без понимания этого различия (а отсюда, естественно вытекает необходимость преодоления своего личного «я») никакие Учения вам не помогут.

Не Учение само по себе является фундаментом истинной религии, а люди, сделавшие Учение жизнью своей.

Апостол Павел называл таких людей живыми камнями христианства.

Сейчас, как вы знаете, растет число последователей Живой Этики и Агни Йоги. Но по моему мнению — а мне приходилось встречаться с ними, — лишь немногие из них смогут стать живыми камнями этого Учения. Ими станут лишь те, которые осознают, но не умственными клетками, а всем существом своим, что Учение Живой Этики — не теория, а практика. Не читать и перечитывать параграфы Учения, а практически прилагать его к своей жизни, к повседневному обиходу — вот в чем состоит усвоение Учения. Только тогда и можно рассчитывать на достижение цели: очищение и преображение при помощи психической энергии, которая есть не что иное, как энергия Духа.

Но, разумеется, эту энергию Духа высвобождает в человеке не только Агни Йога. Тот же самый процесс очищения и преображения может свершаться и в церкви, и в мечети, и в буддийской пагоде —

езде, где человек воспринимает не внешнюю сторону религиозных обрядов, а их внутреннюю сущность.

То, что я называю Учением Параклета, строится на очень простой основе. Впрочем, подлинно великое Откровение всегда просто. Все, что несет в себе крупитцы неясного света, имеет право на существование. Все, что несет в себе крупитцы небесного света, имеет право на ваше внимание. Поэтому ничто не отрицается. Не отрицается церковь, но не отрицаются и люди, избравшие себе путь вне церкви.

Ничто не отрицается, но ничто и не возводится в ранг абсолютной истины. Ибо все воплощенное носит на себе печать ограничения. Поднять над ограничением может лишь Дух. Дух, поднимающий нас над ограничением, есть Дух Святой, Дух Утешитель.

Если в тебе пробудилось это знание, то ты должен поступать лишь по велению сердца: иди в церковь, если это отвечает потребностям твоей души, не иди в церковь если это не отвечает потребностям твоей души. Энергия Духа не терпит ни малейшего насилия с твоей стороны. Она может действовать лишь в чистой атмосфере твоей независимости и внутренней свободы твоей.

Можно ли назвать Учение Параклета религией будущего? Думаю, что нет. Термин «религия», как мне кажется, здесь неуместен. Духовная волна Параклета пронизет все. Произойдет раскрытие тайного и сокровенного, что есть в христианской церкви, любой светлой религии вообще,

— Но попытка такого синтеза, — сказал я, — уже предпринята в Агни Йоге, интегральной йоге Ауробиндо Гхоша, да и других нерелигиозных, а точнее говоря, надрелигиозных духовных учениях нашего века.

— Вы правильно сказали: попытка. Это лишь первый подход к раскрытию тайны, но еще не раскрытие тайны. А что касается Учения Параклета, то оно явит собой синтез всех синтезов.

— То, что происходило с нами, — говорила Надежда Михайловна, — напоминало первые века христианства. Мы, истинно верующие, были загнаны в своеобразные катакомбы. Но насилие над истиной всегда дает обратный результат. Вспомните, чем кончились преследования и казни первых христиан. Тем, что вера утвердилась, причем в значительной мере за счет ярости преследователей, и в конечном итоге завоевала мир.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и сейчас (правда, время чрезвычайно уплотнилось, и мы имеем дело не с веками, а с десятилетиями и даже годами). На репрессии и гонения всего духовного Россия ответила Новым Откровением, которому суждено (я в этом убеждена) завоевать, а точнее — спасти весь мир.

Это лишь со стороны могло казаться, что все погибло и что Россия превратилась в духовное кладбище. Ничего подобного. Просто ее духовная мощь осела в тайниках, и в уединении и безмолвии выковывалось новое мировоззрение и Новое Учение. Когда тайное станет явным — а это время близко, — люди поймут, что крестные муки распятия, на которые обрекла себя Россия, повторяя подвиг Христа, не были напрасными. Да они и не могут быть напрасными, ибо за распятием следует воскресение и вознесение духа человеческого. Но если это так, то мы должны быть счастливы, да, да, именно счастливы — лично я действительно счастлива, — что оказались причастными величайшему подвигу самопожертвования в истории человеческой.

— И вот что примечательно, — продолжала Надежда Михайловна, — проводниками новой духовной волны России стали женщины. Исключительно женщины.

— Ну, это согласуется, — сказал я, — с мыслью Николая Константиновича Рериха о том, что наступает эпоха Матери Мира.

— Она же эпоха Святого Духа, — добавила Надежда Михайловна.

— Вот вы высоко чтите, — обратилась Надежда Михайловна ко мне, — автора «Двух жизней» Конкордию Евгеньевну Антарову, сумевшую донести до людей возвышенно-гармоничные мысли Учителей Востока^[4]. (Между прочим, Надежда Михайловна была хорошо знакома с Антаровой и даже подарила мне фотографию,

запечатлевшую ее в юности в монашеском одеянии: Антарова была послушницей в женском монастыре и собиралась совершить обряд пострижения, но потом раздумала.) Но в том же духовном токе работала и моя старшая подруга, которую я считала своей наставницей, автор «Книги Египта» — вы недавно ее изучали. Да и сейчас, слава Богу, еще жива и полна энергии женщина высокого духовного плана и огненного характера, которая приобщила меня к Учению Параклета и которой, возможно, — Надежда Михайловна сделала маленькую торжественную паузу, — я когда-нибудь вас представлю.

— К ним, — подхватил я, — нужно присоединить еще одну выдающуюся русскую женщину — Елену Ивановну Рерих. Она в то же самое время работала над книгами Агни Йоги. Как вы знаете, Елена Ивановна была уверена в космической миссии России, а скептикам и нытикам из числа эмигрантов она говорила: есть белые сестры России. Им труднее, чем нам, но они живут и действуют в России во имя спасения России. Думаю, что она имела в виду вас и тех женщин, о которых вы упоминали.

— Во всяком случае, — сказала Надежда Михайловна, — ни на мгновение не прерывалась в России духовная эстафета. Может быть, сроки физического воплощения нашего были продлены затем, чтоб мы имели возможность передать ее вам, по разным причинам столь задержавшимся в пути своем.

Одной из постоянных тем наших бесед была Индия. Это естественно, потому что я занимался тогда продвижением книг Рериха в печать, писал книгу о Рерихе, а Надежде Михайловне приходилось в то время общаться с нашими российскими йогами, как и она, в силу обстоятельств вынужденных действовать в подполье. Как я понимаю, Надежда Михайловна служила для них своеобразным мостиком к христианству. С церковниками, гневно обличающими любое инакомыслие, общего языка найти они не могли. А вот Надежда Михайловна — дело другое. Нередко общение кончалось тем, что йоги принимали обряд крещения и, таким образом, добровольно прибавались к православному берегу.

— Почему так тяготеют друг к другу Россия и Индия? — говорила Надежда Михайловна. — Да потому, что две эти страны заповеданы для будущего. На основе их духовного единения сформируется и будет развиваться новая раса человечества. Почему так важна деятельность Рериха? Да потому, что она служила делу единения России и Индии, а единение России и Индия будет предшествовать эпохе Параклета, ознаменует собою начало этой эпохи.

К Западу Надежда Михайловна относилась скептически. Порою она была категорична.

— Люди, ориентирующиеся на Запад, не понимают, что европейская культура исчерпала свою миссию. Ждать какого-то откровения оттуда нелепо. Да на Западе и сами прекрасно это ощущают и ждут нового духовного импульса от нас или из Индии.

И снова мысли ее возвращались к русско-индийскому сюжету.

— Мы до конца не подозреваем, — утверждала она, — насколько отвечает православию дух светлой религии Индии, вернее, древнего истока — «Веды», «Упанишады», — из которого впоследствии выросли современные религии Индии. Так, например, Иисусова молитва с ее определенным, организующим ритмом дыхания как бы воскрешает принципы древнеиндийской йоги. Близость России и Индии не всегда была выявлена на физическом плане, но всегда была ощутима в плане духовном. Наши страны насыщали друг друга своими флюидами. Особенность теперешнего времени состоит в

том, что в Индии сейчас воплощены многие христиане, а в России — индийские йоги.

— Этим, очевидно, — вступил я в разговор, — следует объяснить столь широкий интерес в нашей стране к йоге и индийским источникам вообще. Но отсюда следует, что и в Индии по идее должен обнаружиться подобный же интерес к христианству и христианским книгам.

— Он есть, — убежденно заявила Надежда Михайловна. — И он будет шириться, особенно когда станут доступны неизвестные ныне источники христианского эзотеризма.

Вспомните, кстати, Рамакришну, проделавшего необычайный эксперимент. Религиозный опыт разных людей он решил пережить непосредственно. Индуистскую веру, к которой он принадлежал по рождению, он сменил на мусульманскую, мусульманскую — на христианскую. Вспомните, о чем он заявлял в конце жизни, как бы подводя итоги своего эксперимента: наибольшую радость и духовное удовлетворение он получил от слияния с волною Иисуса Христа. Думаю, что недаром он обещал воплотиться в будущей жизни — лет через сто — в России: его притягивают сюда ее христианские токи. Уже само обещание — а великие духи всегда выполняют обещанное — является, если хотите, залогом грядущего единения Индии и России.

Майтрейя — это Будда Грядущего. Как известно, Гаутама Будда не призывал людей ограничить себя на веки вечные тем Учением, которое он проповедовал. Он сравнивал свое Учение с лодкой, которая необходима человеку, если он решился переплыть реку. Но, достигнув берега, человек должен оставить лодку и идти, опираясь на посох Нового Учения.

Майтрейей теософы называют Мирового Учителя, прихода которого они ждут в скором будущем. Где-то в начале века в их среде появился портрет Майтрейи, ныне достаточно хорошо известный. В облике Будды Грядущего или Мирового Учителя угадываются черты Иисуса Христа. Очевидно, это отвечало замыслу автора таинственного портрета, — дело в том, что появление его на свет Божий — тайна, и имя его автора тоже тайна — подчеркнуть таким образом мысль о единстве религий.

Надежда Михайловна знала этот портрет («Он произвел на меня сильнейшее впечатление в детстве», — признавалась она) и знала пророчества о грядущем приходе Майтрейи. В конечном счете, она пришла к выводу (о котором сообщила в одну из очередных наших встреч), что, по ее мнению, Майтрейя является восточной персонификацией Духа Святого. Помню, как она мне говорила:

— Христос открыл нам истину, что мы — Сыны Божий. Майтрейя открывает нам другой аспект истины, что мы братья по духу. И то, и другое откровение одинаково божественны.

Я уже говорил и могу лишь повторить, что беседы с Надеждой Михайловной, как правило, находили продолжение в моих медитациях. Я знакомил ее с итогами своих размышлений и переживаний, и это превратилось у нас в традицию. Она внимательно вслушивалась не только в тексты, но и в ритмику и звучание их, придавая первостепенное значение вибрации, пронизывающей материал. Редактировать она не редактировала, но случалось, что слегка корректировала отдельные места, а потом как бы благословляла тексты. Вот почему они являются для меня, если хотите, результатом нашей совместной работы, а точнее, совместной медитации нашей на тему, которая может быть обозначена греческим именем — Параклет.

I

Новое всегда настолько неожиданно, что его не принимают даже те, кто работал во имя его.

Формы и представления сковывают сознание. Когда же поймут, что Дух — над представлениями и формами, что Дух есть все?

Тот, кто сердцем приблизился к единому источнику Срета, тот не раздражается разнообразными путями, ведущими к нему, а благословляет их. Необходимо обращать внимание на устремление, а не на формы, в которых оно выявляется.

Единство живет в разнообразии, подобно лучу, который заставляет по-разному вспыхивать неисчислимые грани кристалла. Не огорчаться надо, а радоваться всевозможным оттенкам цвета. Надо полюбить эти красочные переливы. Это одно из неизменных условий возвращения в Дом Отца нашего. Путь возвращения — не отрицание, ибо, отрицая, ты отрицаешь Единого, который проявляется в окружающем мире.

Путь возвращения — утверждение. И если ты хочешь утверждать Единого, приучайся видеть Его дыхание во всем.

II

Бессмертье приблизилось к нам, но вместить его в наше сознание гораздо труднее, чем смерть. Но ныне усилия наши должны перестроить сознание: реальность высшего плана на смену реальностям прежним идет.

Бессмертье должно быть осознано нами в нашем земном воплощении. Так воскресает твой дух, твое высшее «я».

III

Нет ничего хуже и кошунственней, чем профанация, ложь, суеверие, недомыслие у подножия высшей реальности. Они наказуются с особой силой, ибо возмущены сферы мира Огненного и Духовного, и обратный удар неизбежен, и обратный удар ужасен. Но в нем ты сам виноват, человек.

Наступает время, когда распри и кровь у подножия высшей реальности должны прекратиться. Иначе — гибель если не всей планете, то всему живущему на земле. Господь Единый, Отец Небесный, Абсолют — не имеет значения, каким термином обозначишь высшую реальность, лишь бы присутствовала мысль о Единстве. Если же мысль о Единстве далека от тебя, не рассуждай о Нем, а займись изучением законов Тонкого и Духовного Мира, так приблизившихся в наши дни к миру физическому. Если будешь изучать их честно и добросовестно, они приведут тебя к той же мысли о Единстве.

Бог Един, иначе теряется смысл самого слова «Бог» — Отец Един, ибо не бывает двух отцов, один из них ложен; Абсолют Единым Светом насыщает все и вся.

Помни об этом — и ты спасен.

Помни об этом —и ты победитель.

IV

Беседы с высшей реальностью или попытки этих бесед должны стать такою же необходимостью, как потребность есть, пить, дышать. Но это лишь первый этап. Да не покажется странным то, что услышишь: беседы с высшей реальностью должны стать большей необходимостью, чем потребность есть, пить, дышать. Но это придет тогда, когда прочувствуешь и осознаешь, что лишь благодаря высшей реальности ты живешь и дышишь, и когда это осознание не будет лишь красивой фразой, а побудителем мыслей и действий. Тогда то, что делают йоги, тебе покажется детской игрой.

V

Ты — волна Света, которая ударяется в монолитные глыбы инертной материи и извлекает их из тьмы и небытия и возносит то, что может быть вознесено, к источнику Света. Удар за ударом, волна за волною!

...Какие б вихри и бури ни крутили тебя, посылай призывы о помощи ввысь, и всколыхнется материя Света, и невидимые корабли причалят к тебе. Но не забывай посылать сигналы бедствия не только в горе, но и в довольстве, особенно в сытости и довольстве.

VI

Распятие Христа имеет слишком много планов, чтобы можно было ограничиться одним соображением. Все, что сказано в Писаниях о распятии — правда; многое из того, что было отмечено в комментариях к Писаниям — правда; и, наконец, личные переживания каждого в связи с распятием — правда.

Но есть правда всех правд: Бог стал человеком для того, чтобы человек поднялся к Богу. Это указание должно вселить оптимизм: невзирая на все искривления и падение в бездну, человечество все же смогло создать приют для Божественного Духа.

Сейчас — иная эпоха. Божественный Дух не нуждается в физическом воплощении. Он действует по-другому, преобразуя людей. Сейчас предстоит не распятие, но вознесение, если человек откажется от самости и устремится к Свету Единому. Это и просто, и сложно одновременно. Но подвиг Христа и нарастающая волна Параклета дают основания для уверенности: Свет победил тьму. Это уже непреложно.

VII

И еще можно назвать Параклета проводником в Дом Отца Твоего, ибо путь возвращения зарос кустарником и чащобой, а по обочинам воют хищные звери. Имя Его — талисман и пароль. Произноси Его — и отступят страшилища мрака, и вынырнет из тьмы, и ляжет перед тобой полоскою света тропа.

Он послан Отцом Небесным за тобою, жаждущим возвращения и встречи с Отцом, и поэтому Он — твой поводырь, помощник, водитель.

VIII

Небеса и земля должны сочетаться в тебе, не рассекая тебя на две половины. Только лишь Дух, устремленный к Отцу, может сделать так, чтоб небеса зазвучали, а земля открыла тайну небесного происхождения нашего.

Незримой чертою Огня разделены сегодня те, кто возвращается, те, которые могут возвратиться, и те, которые не могут. Молитесь о тех, кто не может возвратиться, в первую очередь, о тех, кто возвращается — во вторую.

IX

Возвращение — это значит вся жизнь твоя идет отныне под знаком восхождения. Молитва — восхождение медитация — восхождение, сон — восхождение, явь — восхождение, смерть — восхождение. Даже срывы и падения свидетельствуют все о том же подъеме в гору, который требует сверхчеловеческой терпеливости и сверхпристальной внимательности и к окружающему миру, и к себе. Всего этого нет в тебе, но обязательно появится, если ты не на словах, а на деле устремлен в Дом Отца своего.

Колокол Отца Небесного созывает детей, разбредшихся по дальним дорогам. Он беззвучен для тех, кто закрыл свои уши, для открывших уши он громом стократным гремит.

Х

По плодам — как в Евангелии сказано — узнаются деревья. Имена лишь опорные пункты духовного развития, ибо все, решительно все зависит от устремления, от того, каким светом наполнишь ты имена.

Неважно, каким именем — Параклета, Майтрейи или другим — вызываешь ты Безмолвье, лишь бы приблизилось Безмолвье к тебе. Безмолвье — это та атмосфера, в которой становится четкой и ясной дорога к Отцу, и сын слышит Отца, и сын видит Отца, если хочет слышать и видеть. Время остановилось и вспять потекло, ибо дорога восхода параллельна дороге нисхода.

ЛЕГЕНДЫ МАЛЬТИЙСКОГО РЫЦАРЯ

1

О своей духовной подруге, точнее — духовной сестре своей, Надежда Михайловна говорила редко и односложно. Единственное, что я узнал от нее, — так это то, что если Надежде Михайловне принадлежит арканологическая расшифровка трех канонических Евангелий — от Матфея, от Марка и от Луки, то ее духовной сестре («старшей духовной сестре», — подчеркивала Надежда Михайловна) принадлежит подобная же расшифровка Евангелия от Иоанна. Иногда Надежда Михайловна намекала — но достаточно туманно — на возможность моего знакомства и общения в будущем с ее таинственной соратницей. Боюсь, однако, что это осталось бы благим пожеланием, если б не инициатива самой Марии Вадимовны (так звали духовную сестру бабы Нади). Оказывается, когда Надежда Михайловна стала рассказывать обо мне, выяснилось, что Мария Вадимовна знает меня по стихам моим, давно обратила внимание на духовную направленность стихов и даже делала какие-то выписки из них.

Вот так и получилось, что мы встретились. Но произошло это год спустя после знакомства с бабой Надей.

Надобно сказать, что Надежда Михайловна и Мария Вадимовна были в чем-то разительно непохожи друг на друга и потому, быть может, как бы дополняли друг друга. На фоне представительной и внушительной фигуры Надежды Михайловны (она любила жаловаться, несколько сгущая краски, на свою тучность) худенькая Мария Вадимовна казалась хрупкой и даже юной. Ее стремительность и быстрота — я почти не помню ее в достоянии покоя — контрастировали с медлительно-плавными движениями Надежды Михайловны. Сухонькая, подтянутая, как гимназистка, Мария Вадимовна заставляла забывать о своем возрасте: а ведь ей к моменту нашей встречи исполнилось 86 лет!

Надежда Михайловна — из-за недугов, в особенности она страдала ногами — вынуждена была вести сидячий образ жизни. Другое дело — Мария Вадимовна, которую подчас и дома было застать невозможно: то она в гостях, то на выставке, то в театре.

Консерваторию она посещала регулярно, приобретая, как правило, не один, а два-три абонементы на музыкальный сезон. И вообще была она как спрессованный комок энергии. И ощущение огненности не покидало тебя, когда ты беседовал с нею, а она время от времени прожигала тебя насквозь своими глазами.

Если Надежда Михайловна жила в основном безвыездно в Москве, покидая город в исключительных случаях, то Мария Вадимовна была неутомимой путешественницей. Когда вышла на пенсию, исколесила всю страну. Прежде всего — горные районы. Памир, Карпаты, Кавказ. Но любила она морские маршруты тоже. В один из туристских вояжей — по Карскому морю — вовлекла и Надежду Михайловну. С юмором вспоминала Надежда Михайловна об этой поездке.

— На море сильнейшее волнение. Лежу чуть ли не бездыханная. Другие так же, как и я, страдают и маются в своих каютах. А Мария Вадимовна как ни в чем не бывало носится по палубе.

Именно в этот день — так уж, наверно, было хитро задумано организаторами туристского маршрута — на обед подали деликатесы: икру, осетрину. Но кто же может обедать в таком состоянии? Помоему, лишь одна Мария Вадимовна и обедала. Она и мне принесла мою порцию осетрины, но я смотреть на нее не могла, и она съела и мою порцию тоже.

Мария Вадимовна с улыбкой подтвердила:

— Любую качку я переношу без всякого труда. В молодости мне пришлось путешествовать по Италии. Из Генуи на пароходе я отправилась в Неаполь. И вот в пути нас прихватил страшный шторм. Все, абсолютно все лежали вповалку, и только я да капитан парохода свободно расхаживали по судну. Капитан так восхитился моим поведением, что взял мой адрес и постоянно посылал мне открытки. Они составили целый альбом.

(Потом Мария Вадимовна показывала мне этот альбом, и я с любопытством рассматривал старинные цветные и черно-белые — в основном черно-белые — изображения Средиземноморья.)

— И еще одна история случилась у меня в той же Италии, — продолжала Мария Вадимовна. — На море опять буря. А мы с подругой — обе настойчивые — решили во что бы то ни стало добраться до знаменитого Лазурного грота. Уговариваем рыбаков

отвезти нас туда. Те, естественно, отказываются. Тогда, исчерпав все аргументы, я заявляю: «Значит, итальянские моряки трусы! Русские моряки не испугались бы».

Это задело итальянцев за живое, они говорят: «Ну, хорошо, едем», однако предупредили, что нам тоже придется поработать: вычерпывать воду из лодки. До грота добрались. Налюбовались вдосталь красотой его. А вот обратный путь оказался труднее. Лодка никак не могла вырваться из пещеры. Говорят, что во время бури здесь можно просидеть трое суток. Но рыбаки как-то изловчились, лодка ударилась о каменную стену, но не разбилась, а, отскочив от стены, вылетела наружу. На обратном пути пришлось вычерпывать воду, но делать это пришлось мне одной, потому что подруга заболела морской болезнью.

Обе, и Надежда Михайловна, и Мария Вадимовна, жили в коммуналках, но — Боже! — как отличались интерьеры их комнат. Отлично помню первое посещение Марии Вадимовны. Она жила неподалеку от Театра Красной Армии на улице Достоевского. Грязный двор с не просыхающими лужами, через которые переброшены доски. По этим доскам надо идти с осторожностью, балансируя, дабы не оступиться. Покосившийся двухэтажный дом. Обшарпанная деревянная лестница. Но когда мы поднялись на второй этаж и переступили порог комнаты, то буквально ахнули от изумления. На какое-то мгновение мы застыли, не решаясь двигаться дальше. То, что предстало перед нашими глазами, напоминало музей или антиквариат. Картины художников XIX и XVIII веков в массивных золоченых рамах. Гобелены. («Это я привезла из Парижа», — сообщила Мария Вадимовна, указывая на ковер с танцующими пастушками.) В углу жемчужно-матовым светом отливало высокое зеркало. («Венецианское. Я купила его в магазине на площади Святого Марка».)

Но особенно много было фарфора. Тарелки, большие и маленькие, с изображениями античных сюжетов висели на стенах. В шкафу из красного дерева стояли изящные статуэтки, а на шкафу виселись две саксонские вазы эпохи короля Августа.

Непостижимо было, как могла сохраниться в бурях и потрясениях современного века вот эта хрупкая красота! Но слава Богу, что сохранилась...

Я подошел к большому концертному роялю, на котором стоял фиал из голубого стекла, оправленный в черненное серебро. С разрешения хозяйки взял его в руки.

— Фамильное, — сообщила она. — Мой отец был барон. (Она назвала имя, но я запомнил его.)

— Так, значит, вы баронесса?

— Выходит, что так.

— Ах ты, милая моя баронессочка! — воскликнула Надежда Михайловна, прижимая к себе миниатюрную фигурку Марии Вадимовны.

Обычно сдержанная и даже строгая, Надежда Михайловна становилась непохожей на себя, встречаясь с Марией Вадимовной. Выражая — и довольно бурно — свое восхищение и обожание, она претупала иногда чувство меры, смущая Марию Вадимовну и вызывая ее неудовольствие. (Мария Вадимовна была предельно скромным человеком, и любые похвалы в свой адрес решительно пресекала.) Но Надежда Михайловна ничего не могла поделать с собою.

— Что же вы хотите? — как бы оправдываясь, говорила она потом. — Ведь Мария Вадимовна — единственный человек на земле, с которым я могу общаться в Духе. Сейчас она дряхлеет, уходит с физического плана (я это чувствую.) Она говорит, что все уже сделала, а мне по-человечески грустно. Трудно оставаться одной. Вы же знаете, что именно работы Марии Вадимовны составляют основу моей духовной жизни, а значит, являются стержнем жизни моей вообще.

Марии Вадимовне — это было заметно — нравилась наша радость по поводу ее вещей.

— Я к ним очень привыкла, — признавалась она. — Вообще люблю старинные вещи, потому что благодаря им я как бы живу чувствами той эпохи, когда их делали. Ведь мастер (если он не ремесленник, а действительно мастер) вкладывал в каждую вещь определенную идею, вкладывал часть своей души. Поэтому я люблю с ними разговаривать, люблю их слушать.

Вот фарфоровый чайник виноградного завода. Когда он со мной беседует, я переношусь в атмосферу того времени. Я ощущаю, например, даже момент негодования, который был у мастера, когда у него что-то не ладилось.

Или — обратите внимание вот на эту бронзовую фигуру мальтийского рыцаря. Видите — шпага. Видите — большой крест на груди. Он, если угодно, просвещает меня, потому что рассказывает по ночам легенды средневековья.

Из своего давнего итальянского путешествия Мария Вадимовна вывезла необычный сувенир: кусочек вулканической магмы. Ее поездка в Неаполь — это был 1906 год — совпала с извержением Везувия, и она имела возможность воочию наблюдать редкостное огненное зрелище. Но наблюдать издали это ей показалось мало, и она подговорила нескольких храбрецов подняться вместе с ней на фуникулере — он еще действовал — вверх, к руслу вулканической реки.

— Мы прошли, — рассказывала Мария Вадимовна, — вдоль огненного потока, причем было так горячо, что у меня начали тлеть подошвы обуви. А фуникулер, на котором мы приехали, через двадцать минут был сметен лавой, и нам пришлось спускаться пешком.

Только, ради Бога, не преувеличивайте мою смелость. Никакой особой заслуги в моих смелых поступках нет. Дело в том, что я с самого детства начисто лишена чувства страха.

— И вы никогда-никогда ничего не боялись?

— Никогда, — подтвердила Мария Вадимовна.

— Ну, знаете, — сказал я, — чем больше вас узнаешь, тем больше вам удивляешься. Я же впервые в жизни вижу человека, который не испытывал боязни и страха.

Но Мария Вадимовна, казалось, удивилась моему удивлению.

— А неужели вы чувствуете страх? — обратилась она ко мне.

Увы, чувствую. И не только чувствую страх, но и вообще чувствителен.

— А я думаю, — продолжала Мария Вадимовна, — что мое бесстрашие объясняется тем, что я уже в раннем детстве ездила верхом на коне. Вначале мама брала меня с собой на седло. А потом уже я скакала самостоятельно.

— Весьма сомневаюсь, — возражал я, — чтобы одной лишь привычкой к верховой езде можно было объяснить такое исключительное качество, как бесстрашие. Это божественное, это дар свыше.

Принадлежа к родовитой фамилии, Мария Вадимовна училась в Московском Екатерининском институте благородных девиц.

— Нам повезло, — вспоминала она, — потому что музыку нам преподавали Скрябин и Рахманинов.

Особой популярностью, по ее словам, пользовался Рахманинов.

— Когда он появлялся, мы упрашивали его сыграть нам что-нибудь. Обычно он отказывался, говорил, что сейчас не в форме, потому что занят дирижированием. Но мы продолжали настаивать. «Ведь мы же затворницы. Живем как в монастыре. Сыграйте, пожалуйста». Поддавшись на просьбы, он садился за рояль, а потом так увлекался, что забывал обо всем и долго-долго импровизировал.

А однажды, когда дирижировал в Большом театре оперой «Жизнь за царя», неожиданно прислал билеты, в ложи бенуара воспитанницам института. Сделал он это из благородных побуждений, но переполох получился ужасный: такого рода мероприятия надо было согласовывать с Петербургом. Но связаться с Петербургом не удалось, и наше начальство на свой страх и риск отправляло нас в театр в закрытых каретах. Как на праздник ехали мы в театр, но, увы, опера не доставила нам никакого удовольствия, потому что зрители смотрели не столько на сцену, сколько на наши ложи: институтки в театре!

— Это что же, было чрезвычайным событием? — спросил я.

— По тем временам, да.

— Я не москвичка, — сказала Мария Вадимовна отвечая на мой вопрос. — Родилась во Владимире. Но мои лучшие воспоминания — воспоминания детства и юности — связаны с Тамбовской губернией. Там находилось поместье моего отца, и там до революции я проводила каждое лето. Именно там я и приобщилась к мистической красоте природы и научилась любить все живое, от головастика до змей включительно.

— Змей? — переспросила Надежда Михайловна. — Вот если кому испытываю чувство антипатии — так это к змеям. Я их боюсь.

— А я их люблю, — повторила Мария Вадимовна.

— А есть ли существа, которых вы не любите? ~ спросил я. — Может быть, крокодилы?

— Да нет, пожалуй, нет. А что касается змей, то я, правда, не змее, а одному ужю специально играла на рояле. Этот уж объявился в подполье отцовского имения. Я однажды покормила его молочком из блюдечка, и мы подружились. Так вот, когда я начинала играть на рояле, уж вылезал из своего убежища и по лестнице — а наш дом был

высотой в полтора этажа — вползал в помещение, полз через кабинет в гостиную, а затем устраивался под роялем и раскачивался в такт музыке. Может быть, благодаря этому в то лето я добилась больших результатов в музыкальных упражнениях.

Вообще летнее время проходило у нас весело, и были мы с сестрой неистощимы на всякие выдумки. Помню, как мы с нею надумали учить французскому нашего конюха Платона. Тот оказался восприимчивым к учению и кое-что усвоил. А дальше случилось вот что. Мы ждали к себе гостей. Имение в тридцати верстах от станции. Послали за ними Платона. Гости едут. Говорят между собой по-французски и между прочим роняют фразу: «А сколько, вы думаете, осталось верст до имения?» И вдруг кучер, повернувшись к ним, говорит — и тоже по-французски: «Осталось немного. Всего полтора лье». От неожиданности гости чуть не выпали из брички.

Кстати, на письменном столе Марии Вадимовны стояла открытка, воспроизводившая белоколонную отцовскую усадьбу и церковь неподалеку от нее.

— На открытке это не видно, — говорила Мария Вадимовна, — но за усадьбой находился сад. Он был большой-пребольшой, и яблок было великое множество, но яблоки у нас никогда не воровали, и вот почему. В промежутке между церковью и усадьбой под тяжелым могильным камнем покоилась девушка по имени Таня. Предыдущий владелец усадьбы — некий генерал — был жестоким крепостником. Таня была красавицей, и генерал хотел взять ее в свой гарем, но гордая девушка кончила жизнь самоубийством. По этому поводу существовало предание. В полночь Таня встает из гроба и с легкостью опрокидывает могильный камень. Идет в сад, где к тому времени появляются генерал и его постоянный собутыльник — дьячок. Таня их настигает, набрасывается на генерала и начинает душить его под истошные вопли дьячка. Продолжается это до первых петухов.

Местные жители знали легенду и по ночам стороною обходили сад.

— А вы не боялись этого призрака?

— Вы же знаете, что у меня совершенно отсутствует чувство страха.

— Да, это то, что отличает вас от нас, людей.

— Ну, почему? Что же, выходит, я не человек? — обиделась Мария Вадимовна.

— Человек, и все же есть то, что отделяет вас от человека. Ведь чувство страха мы все испытываем, а вы — нет.

— Да нет, пожалуй, у меня есть страх. Перед житейскими мелочами и житейскими затруднениями.

— Ну, это явление совсем другого рода, — сказал я. — И понять вас здесь можно. То испытание бытом, которое предлагает наша страна, порой не под силу не только человеку, но даже и сверхчеловеку.

3

С Марией Вадимовной в мою жизнь вошло вибрационное поле посвященных легенд. Следует сказать, что легенда для нее не была выдумкой или символом, а живой реальностью сокровенного плана. Но чтобы увидеть эту реальность, надо иметь особым образом утонченное внутреннее зрение. Мария Вадимовна этим зрением, судя по всему, обладала.

Может быть, поэтому легенду о третьем глазе Денницы она отказывалась считать легендой: для нее неоспоримым фактом было то, что для других выглядит сказкой.

По ее словам, во лбу Люцифера находился магический Камень. Он служил ему третьим глазом.

— То был Камень мудрости, — говорила Мария Вадимовна. — Камень утверждения Истины, в стремительном полете Люцифера Путь правый ему озарявший, Свет Отца отражая. Когда же мудрость Творца покинула павшего, тьма застлала очи и разум его, и остались ему только тропы лжи, хитрости и насилия, убожество призрачной славы и великолепия. Вот тогда и упал Камень чудодейственный, дабы пути мудрости духовной освещать снизу и, когда истечет время, сына раскаявшегося опять к Отцу привести.

В дальнейшем Камень попал в руки Соломона. Он получил его от царицы Савской. Частицу Камня Соломон отколол и оправил ее серебром. Это и был тот волшебный перстень, при помощи которого он повелевал джиннами, строящими Храм на горе Мории. А из Камня Соломон приказал сделать Чашу, «пламенем просиявшую», которой было суждено сыграть выдающуюся роль в космической мистерии человечества.

— Много мифов, правдивых и придуманных, — продолжала Мария Вадимовна, — известно о путях земных Камня этого, превращенного в Чашу сверкающую. Истинно то, что на Тайной Вечере Христос вкушал из этой Чаши и на груди своей сохранял ее Иоанн до Голгофы.

Когда же свершилось то, чему суждено было свершиться, и когда Иисус испустил свой дух на кресте, один из воинов пронзил ему ребра. Едва копье коснулось тела, как три капли крови истекли и оросили Землю. С благоговением приняла Земля священную жертву

Искупителя. А к зияющей ране была поднесена все та же Чаша, доверху наполнившаяся светом жертвенной Крови Спасителя.

Вселенная Грааль свой получила!

Согласно преданиям средневековья Чаша Грааля хранилась в Испании в недоступном для простого смертного замке в горах Пиренеев. Его охраняли рыцари, прошедшие трудный обряд посвящения. К этому священному замку и пробивался Парсифаль, которого ныне в основном мы знаем по опере. Однако нет никакого противоречия, — обратилась Мария Вадимовна ко мне, — с информацией Рериха, что Камень Грааля находится в Шамбале. Ведь земная Шамбала не одну-единственную обитель имеет — в Гималаях. И если это так, то почему бы Камню Грааля не храниться в Пиренеях, или на Памире, или в любой другой горной местности, где Шамбала пожелала возвести незримую для наших очей твердыню?

Мария Вадимовна не случайно упомянула имя Рериха. Дело в том, что в «Криптограммах Востока» целый раздел посвящен Чинтамани, или Камню счастья. Нетрудно, однако, уловить, что речь здесь идет все о том же Камне Грааля. Нетрудно также заметить, что легенда о Люцифере получила своеобразное преломление в рукописи Тристана по прозвищу «Лун», отрывок из которой приводится в «Криптограммах Востока».

«Когда Сын Солнца сошел на землю научить народы, с неба упал щит, который носил силу мира. Посреди щита, между тремя отличными пятнами, выступали серебряные знаки, предвещавшие события под лучом Солнца. Явление неожиданной тьмы на Солнце повергло в отчаяние Сына Солнца, и он выронил и разбил щит, ибо созвездие было враждебно. Но сила осталась в обломке середины, там касался луч Солнца. Говорят, царь Соломон вынул внутреннюю часть камня для перстня. Сказания наших жрецов также говорят о разбитом щите Солнца. Злейшая ошибка отрицать Камень. Поистине я видел его — осколок щита мира! Помню величину его, длиною с мой пятый палец, серый отблеск, как сухой плод. Даже знаки помню, но я не понял их».

Хранителями осколка «щита мира», что величиною с человеческий палец, вслед за Улугбеком, Акбаром, а также — да не покажется сие странным! — Наполеоном (ибо на него была возложена определенная миссия, которой он не смог соответствовать) выступали

Рерихи. Ныне это не является тайной, как и не является тайной то, что хранимый ими осколок должен со временем соединиться со «щитом мира», восстанавливая тем самым первозданную целостность Камня. Но пророчество исполнится лишь тогда, когда нынешнюю бездушную машинно-механическую цивилизацию сменит царство духовной культуры.

Рерихи считали, что таинственный Камень, породивший такое количество легенд и преданий, является даром созвездия Ориона. Именно оттуда он и пришел на нашу землю.

Мария Вадимовна говорила:

— Не забывайте, что наша Вселенная во многих эзотерических источниках именуется ориенталистской. Именуется она так потому, что сокровенный центр Вселенной, той, которую мы можем объять нашим мысленным взором, — созвездие Ориона. Оттуда наша планета получает духовные лучи и живительную энергетическую силу.

Когда говорят об Орионе, то обычно выделяют две яркие звезды — Ригель и Бельтельгейзе. И мало кто обращает внимание на так называемый «пояс Ориона» — три звезды поменьше, очень близко расположенные друг к другу. А между тем именно они и являются подлинными путеводителями Земли и человечества.

Убеждена, что три круга в кольце Вечности на белом Знамени Рериха представляют собой символические начертания звезд Ориона, пославших, как четко сказано в «Криптограммах Востока», Камень миру. Собственно, это и есть знаки небесной Шамбалы.

Мария Вадимовна считала, что мы страдаем недооценкой средневековья. Мы находимся, говорила она, во власти стереотипов и предубеждения — дескать, сплошное царство тьмы и невежества — и потому не в состоянии проникнуть в истинный духовный смысл этого романтического периода человеческой истории. Конечно, Ренессанс ознаменовал собой свободу от многих предрассудков, но он же ознаменовал и торжество рационализма и аналитическо-научного мышления, не способного, увы, подняться до высот гармонического божественного синтеза. А это означало, что человечество вступило на путь однобокого развития, и вместе с тьмой средневековья был отброшен и свет, мерцающий в тайниках монастырей и посвященных рыцарских орденов. Завоевания в духовно-интуитивной сфере были поразительны — такое нашей современности и не снилось, — но в силу обстоятельств, в силу того, что массовое сознание было косным и примитивным, все эти знания держались в строжайшем секрете, и обязательный обет молчания сковывал уста посвященных. Вот мы начинаем прорываться в Космос и самонадеянно полагаем, что наконец-то! что мы первые. А на самом деле это не так. Путешествие в Космос — да еще с прорывом в другие Вселенные — было не редкостью в средневековье. В качестве своеобразного испытания оно практиковалось, например, среди рыцарей одного полулегального мистического ордена. Они должны были учиться осуществлять скачок через небытие, через пустоту Абсолюта. Благодаря колоссальной концентрации воли и внутренней силы (превосходящей, кстати, любую механическую энергию) они попадали в другую Вселенную, не-ориенталистскую, совершенно непохожую на нашу. Тем самым они как бы воочию убеждались в правоте слов Иисуса Христа о том, что в «Доме Отца Моего обителей много». Обратный путь совершался таким же образом — через небытие, через умирание себя.

Средневековью принадлежит и концепция эгрегориального строения Космоса. В чем ее суть и что такое эгрегор?

Эгрегор — это сокровенный, четко очерченный круг космически близких существ. Дело в том, что каждая человеческая монада перед воплощением получает определенное задание, и вот потом —

сознательно или бессознательно (но большей частью бессознательно) — мы как представители той или иной монады стремимся выполнить предначертанную задачу. Души, имеющие похожие задания и потому как бы неким магнитом притягиваемые друг к другу, образуют эгрегоры. Эгрегоры считаются космическими, потому что все земные центры возникают под импульсом из Космоса, и Космос время от времени направляет на землю своих посланников для организации руководства и помощи людям, воплощенным в данную эпоху, в данной манвантаре.

Следует отметить, что каждая манвантара представляет собой до известной степени замкнутую духовную культуру со своей спецификой и особенностями. Поэтому в разных манвантарах действуют разные космические эгрегоры, и число их для каждой манвантары неодинаково. В нашей, например, на землю ниспускают духовные лучи три космических центра. И ввысь (так, во всяком случае, представляется ясновидящему взору) — голос Марии Вадимовны в этот момент преобразился, стал звенящим и торжественным — ведут или двенадцать золотых ступеней первого эгрегора, или восемнадцать серебряных ступеней второго, или двадцать две алмазные ступени третьего.

На протяжении веков эгрегоры эти назывались на земле по-разному. Но для нас важнее всего то, что каждый из них олицетворяется знаком того или иного мажорного аркана.

Например, первому эгрегору соответствует двенадцатый аркан (отсюда двенадцать золотых ступеней, ведущих ввысь). Эзотерический символ аркана: распятый вниз головой на Зодиаке Мессия. Ноги перекрещены, руки раскинуты; фигура образует крест. Крест Распятия, он же Крест Творчества.

Это аркан жертвы, добровольной космической и индивидуальной жертвы, совершаемой во имя грядущего восхождения нашего. К выполнению этой миссии и должен готовить *себя* человек, ощутивший свою принадлежность к первому эгрегору.

Второму эгрегору соответствует восемнадцатый аркан (отсюда восемнадцать серебряных ступеней, ведущих ввысь). Эзотерический символ аркана: женщина, осиянная лунным серпом, летит над пустыней, на песке которой проступают кровавые следы. Кровавыми слезами плачет и женщина при виде той грустной картины, которую

являют собою волк, выползающий из лужи, собака, воющая на луну, и застывший в оцепенении рак.

Это аркан величайшего сострадания, любви самоотверженной, целью которой является преобразить и поднять до своего уровня все существа низшего плана сознания, все, с кем связывают узы прошлого. К выполнению этой миссии и должен готовить себя человек, ощутивший свою принадлежность ко второму эгрегору.

И наконец, третьему эгрегору соответствует двадцать второй аркан (отсюда двадцать две алмазные ступени, ведущие ввысь). Эзотерический символ аркана: женщина, из головы которой как бы вырастает Солнце, а в ногах ее покоится Луна. В одной руке она держит молнию, а в другой — лилию.

Этот аркан является, если хотите, эмблемой Вселенной, преображенной духовным творчеством человечества. Это полный итог того, что сделал человек, вырастающий в Бога. Недаром третий эгрегор называют иногда Храмом Полноты Проявленного Абсолюта. Называют его также и эгрегором магов.

Надо сказать, что этот центральный, этот главный эгрегор (а он является именно таковым) теснейшим образом связан с тайной андрогината. Расщепление единой человеческой монады на две половины — мужскую и женскую — стало следствием страшных завихрений, сопутствующих ее воплощению на физическом плане бытия. Но само собой разумеется, что возвращение в Дом у Отца своего, которое заповедовал Христос, невозможно без восстановления разрушенной целостности. Недаром Христос в Евангелии от Фомы обещает наступление Царства Небесного, но лишь тогда, «когда из двух вы станете одним и сделаете внутреннее внешним и внешнее внутренним, и верхнее, как нижнее, и когда вы соедините мужское и женское в единое целое так, что мужское не будет мужским, а женское — женским».

Так вот, если в первом — жертвенном — эгрегоре преобладает мужская ипостась, а во втором — эгрегоре любви и сострадания — преобладает женская, то в третьем — магическом — эгрегоре можно наблюдать действие восстановившей свое единство монады. Для существ, составляющих третий эгрегор, различие в поле не имеет значения, потому что все они — существа андрогинные, то есть неразъединимые ни при каких обстоятельствах со своей женской или

мужской половиной. Дело в том, что только таким образом и может быть реализована Полнота Проявленного Абсолюта. Иных путей не существует.

5

Эзотерический чертеж, пришедший из глубокой древности, рисует мироздание покоящимся на двух космических колоннах. Они символизируют собой двуединство творчества и жизни, разделение на активное и пластическое начало. Это — колонна Человека и колонна Природы.

На первый взгляд непроходимая пропасть лежит между ними. Природа обладает сознанием, довольно развитым, но коллективным в отличие от человека, которому дано сознание индивидуальное. Однако, как известно, временные параллели обязательно пересекаются в Вечности. И недаром на том же старинном чертеже можно видеть едва различимые контуры третьей, срединной, колонны, призванной соединить две основы космического бытия.

Выполнение задачи было возложено на Люцифера, возглавившего третью магическую андрогинную колонну.

— Гармонично сливаться должно было Творчество Отца и Творчество Матери несказанных, — говорила Мария Вадимовна, — сознание человеческой иерархии и коллективное сознание природы, активность творчества и жизнь, творчество реализующая. Но ослепленный могуществом своим, замороженный значением миссии своей и свободой в своих действиях, не к Абсолюту поднял очи свои Люцифер, а в себя и в свои возможности погрузился, — погрузился в ограничение, забыв, что и он только часть сотворенная. Гордыня власти обуяла его, а с ней пришло и самомнение: «Раз я могу помогать раскрытию индивидуальности в монадах, значит, монады подвластны мне, и, следовательно, они образуют царство мое, в котором я могу заменить им их Создавшего. Он их, правда, сотворил из Вечности, но Бытием буду управлять я и поведу куда сочту нужным».

Так были искривлены пути человеческие, и человек, попав под власть Люцифера, забыл о своем происхождении и разучился сочетать «я» и «мы». Жажда поглощать, а не излучать стала первопричиной его эгоцентризма и отчужденности. А божественная сущность материи, из которой сотканы Вселенная и Земля наша, это — излучение. Тяжелый панцирь сковал его душу, тьма застлала духовные очи человека и будет застилать их до тех пор, пока в нем не пробудится совесть, которая есть не что иное, как воспоминание о своем небесном происхождении.

Так усугубился трагический разрыв между человеком и природой. Смертельная опасность нависла не только над природой, но и над человеком, который неразрывен с природой, ибо в момент его физического воплощения она жертвенно дарует ему свои пластические, светящиеся одежды.

Синонимом природы у Марии Вадимовны выступало понятие «Белый Поток».

— «Белый потому, — объясняла она, — что чиста и незапятнанна Природа в первозданной сути своей; мутят и загрязняют ее лишь греховные деяния человека. «Поток» потому, что постоянная смена форм физического мира имеет ярко выраженный текучий характер. Как поток жизнь Природы, который **не** останавливается и не прерывается.

И стихии, о которых так много говорилось в древности — земля, вода, воздух, огонь, — образуют как бы четыре мощные струи этого стержневого потока. Вообще планету следовало бы воспринимать как Храм стихий. А в Храме не только трудятся, но и молятся. К сожалению, именно-то молиться мы и разучились, а значит, и разучились относиться с благоговением к Храму и содержать его в чистоте.

Особо выделяла в Белом Потоке Мария Вадимовна растительный покров Земли. Вот что она говорила:

— Мир растений — это мир служебных форм, может быть, самый трогательный и жертвенный мир, владеющий тайнами слияния сферы стихий и сферы действия будущего человека. Эти невидимые и неведомые элементали среды, вечные труженики превращений и метаморфоз, ничего не требуют для себя, а только работают и отдают. Это они покрывают пышным ковром пастбища и лесные поляны, альпийские луга; это они колосятся стеблями пшеницы и риса и коробочками белоснежного хлопка; это они, благостные, слагаются в форму земляники или торжественный плод ананаса; они расцветают лесной фиалкой и нашими священными эмблемами — розой, лотосом и лилией; они стелются флорой подводного царства. Они несут в себе все, что необходимо для Жизни в воплощении, и не ропщут на то, что человек не замечает их покорную жертвенность, эгоистически пользуясь их дарами, не задумываясь над тем, что и у него есть обязанности по отношению к ним.

— Не кажется ли вам, — сказал я однажды Надежде Михайловне, — что у Марии Вадимовны есть какая-то тайна?

— А она сама — тайна! — воскликнула Надежда Михайловна. — Мария Вадимовна — существо необычайное. Разве вы не чувствуете, как даже сейчас, даже сквозь дряхлеющие физические оболочки пробивается великий огонь? Она несомненно принадлежит к двадцать второму эгрегору, эгрегору магов. Вот почему она с одинаковым успехом работает как в человеческой колонне, так и в колонне природы, сливаясь с коллективным сознанием Белого Потока и постигая его.

Мария Вадимовна пришла на землю для выполнения ответственной миссии. Она вся там, — показала вверх Надежда Михайловна. — Поэтому в практических делах она подчас абсолютно беспомощна.

Не случайны сами поездки Марии Вадимовны. Неспроста побывала она у подножия многих вершин. Она закладывала там магниты, приуготовляющие приход Параклета.

— А когда впервые прозвучала для вас весть о наступающей эпохе Духа Утешителя? — спросил я у Марии Вадимовны. — Как и когда это произошло?

— Случилось это в период безысходного отчаяния и тоски нашей, — отвечала она. — Нас было трое, духовно близких людей, чудом оставшихся в живых в революционные и не менее страшные послереволюционные времена. И вот мы, трое, собравшиеся во Имя Его, как я предписано Евангелием, обратили ввысь свою мольбу-молитву. И пришел ответ. И прозвучало Имя, ставшее отныне смыслом жизни моей — Параклет. Было это в тридцать шестом году.

Я обратил внимание Марии Вадимовны на то, что тысяча девятьсот тридцать шестой — год особый. В некоторых буддийских источниках им датируется конец темной эры — Кали-Юги. Он упоминается в знаменитом письме гималайских Махатм Советскому правительству («Знаем, многие построения совершатся в годах 28—31—36»). На тридцать шестом годе обрываются древнеегипетские пророчества. Этого Мария Вадимовна не знала и порадовалась столь знаменательному совпадению.

— Эпоха Параклета, — говорила Мария Вадимовна, — должна начаться с утверждения четырех незыблемых законов: Единства, Мудрости, Гармонии, Красоты.

На первый взгляд кажется: о, как бесконечно далеки мы от воплощения этих божественных принципов на нашей грешной земле! Для многих они являются абстракциями, не имеющими практического применения. Но давайте внимательней и пристальней взглядимся в процессы, окутанные пеленой заблуждений наших. Может, сумеем различить невидимую подземную работу зерен, долженствующих превратиться в колосья.

Да, еще силен в людях дух противостояния, да, невежество и предрассудки, причем подчас сознательно культивируемые, способствуют разъединению их. Но ведь наряду с этим и вопреки этому идет перестройка и гуманизация социальных отношений стран и народов, пробуждаются оторванные от общего поступательного движения человечества племена. Как ни странно, но главной помехой на пути эволюции человечества ныне являются цивилизованные

дикари так называемых развитых стран, которые эксплуатируют, развращают и способствуют вырождению и уничтожению народов, поднимающихся к новой жизни. Эти цивилизованные дикари — а в духовном отношении они именно дикари — не понимают, что тем самым они отдают себя в рабство своим жертвам и готовят себе я потомкам своим тяжелую участь. Но это — временное, потому что остановить эволюцию им не дано, они могут лишь задержать ее на какие-то сроки. Но как ни противятся темные силы, идея объединения человечества все больше и больше овладевает сознанием масс. Когда же она будет базироваться не на страхе или сугубо прагматической выгоде, а за духовной основе, она победит.

Стремление к знаниям — характерная черта нашего века. Но, увы, тьма и здесь прилагает немало усилий, стараясь направить научные открытия на разрушение Жизни и психологическое закабаление человека. Поэтому и становится ныне первоочередной задача: пронизать знания Божественной Мудростью. Только тогда они в будущем нам не в тягость, а в радость.

Что же касается Гармонии и Красоты, то даже напоминание о них кажется неуместным: настолько поруганы они повсюду. Однако всмотритесь и вдумайтесь:

Гармонии нет, а жажда гармонизировать международные отношения и отношения между людьми стоит на повестке дня. Искусство опошляется, но никому не приходит в голову отрицать искусство как таковое, выступать в открытую против него. Наоборот, наблюдаются бесчисленные попытки приобщиться к искусству и Красоте. Пусть принимает это наивные, а иногда и уродливые формы. Важна сама тенденция.

Словом, не надо опускать рук, как бы ни страшила очевидность. Кто знает, не последнее ли это испытание, ниспосланное духу твоему?

— Когда свершится приход Параклета на Землю? — спрашиваете вы. Ответ здесь может быть только один: или скоро, или никогда. Ведь Земля и без атомной войны — при современной экологической ситуации — в течение ближайших десятилетий превратится в сплошной могильник. Если не спасем природу, некуда будет являться благому Духу Утешителю. Не станет сосудов, способных вместить Его.

— Значит, скоро?

— Будем надеяться, что так.

Оптимизм Марии Вадимовны основывался на убеждении, что великий космический перелом в жизни человечества уже наступил. Путь Нисхода, а точнее, отхода человеческой иерархии от Отца Небесного завершился. Точка наибольшего удаления от духовного центра мироздания пройдена. По ее словам, это произошло в районе сороковых годов, то есть в середине нашей четвертой манвантары. Так называемое Колесо Rota, оно же Хризантема буддистов, оно же Perpetuum Mobile, — оно же Колесо Жизни, падения и подъема сделало первый поворот в сторону возврата.

В связи с этим картина мира — Тонкого Мира в первую очередь — разительно изменилась. Открытая ясновидческому взору Марии Вадимовны, она выглядит так.

«Надземное пространство пронизывают крики: «Искупления! Искупления!..» Они все громче и громче... Сонмища прозрачных существ толпятся перед Вратами воплощения. Они в различных позах, но все они молят, просят, требуют скорейшего воплощения, чтобы искупить ужас, созданный в прошлой жизни.

Среди них светлые облики Учителей; они стараются помочь им, объяснить, что нужно для искупления, на что нужно обратить внимание сейчас, здесь, чтобы жертва искупления оказалась истинной, что опора только на страсть и боль душевного порыва ненадежна, что она может ослабнуть в воплощении и тогда вместо искупления будет только усугубление Кармы. Учат, как закрепить в душе и духе жажду искупления и как следует применить ее.

Да! Это те несчастные, которые убивали, мучили, терзали себе подобных. В предбытийном сне раскрылись очи их, душевные и духовные, и осудили они себя на муки, аналогичные тем, что сами доставляли. Они жаждут искупления, торопятся его свершить, так как горит в них желание переступить Порог Нисхода и войти в Эру Возврата. И сокращены сейчас сроки между воплощениями; сокращены настолько, что иногда и года не проходит, по нашему исчислению, от смерти до возвращения на землю.

Отчасти этим и объясняются почти непрерывные войны, столкновения и конфликты нашей современности. Убийцы стремятся быть убитыми так, как они убивали, мучители жаждут мучительной

смерти. Прошлая вина так мучит их совесть, что они не вдумываются в истинный закон Кармы и сами ищут искупления, аналогичного преступлению.

А темные плетут свои мрачные сети и стараются вызвать такое состояние умов, которое помогло бы им организовать всеобщую катастрофу, способную уничтожить все человечество. И в этом им помогает материалистическое мышление масс. Потолок материализма! Сознание человечества опирается на свои пять чувств и не пытается развивать свои астральные и ментальные проводники. Такие примеры, как существование невидимых атомов, гравитационных сил, изумительная стройность Вселенной, мудрость законов Природы, считаются непонятными до тех пор, пока не найдены физические инструменты для их обнаружения. А вопрос, кто и как мог создать такое чудо мироздания, даже не приходит в голову. На таком отупении сознания играют темные силы...

...Но как бы там ни было, великий поворот Колеса движения Вселенной совершился! Потому и прозвучала на Земле весть о приходе Утешителя — Параклета — да святится Имя Его во Вселенной!»

— Мы с вами, — утверждала Мария Вадимовна, имея в виду круг близких ей людей, — выступаем в роли своеобразных ессеев, предвосхищающих приход Параклета. Во всяком случае, мы должны таиться точно так же, как и они накануне прихода Христа.

Вообще современное состояние России позволяет провести параллель с древней Иудеей: у нас примерно такая же загрязненность душ, как и там перед появлением Христа.

Я попытался было возразить — дескать, по сравнению с Западом мы не столь уж загрязнены, — но Мария Вадимовна не вняла моим доводам и настаивала на своем.

— Будем глядеть правде в глаза. Да, России выпала великая миссия, которую остро ощущали ее святые: стать страной воплотившегося Духа Утешителя (не касаюсь сейчас таинства и особенностей воплощения третьей божественной ипостаси). Но сумеет ли Россия выполнить эту задачу, останется ли она на высоте своей миссии — вопрос, ибо с Параклетом придет не только слава сверкающая, но и величайшее испытание для каждого из нас. Не отвернемся ли мы от Параклета-Утешителя, как отвернулись когда-то евреи от Христа-Спасителя?

Несколько иным, чем у Надежды Михайловны, было отношение Марии Вадимовны к церкви. Церковь она посещала редко, да и службу слушала довольно рассеянно:

— Православная церковь, — говорила она, — мистична, но не магична. Под мистичностью я понимаю душевность. Под магичностью — силу духа и волю. Беда церкви, на мой взгляд, состоит в том, что ее служители должны быть магами и иерофантами, а они таковыми не являются. Вот и приходится подчас выполнять их работу.

Как вы знаете, христианское учение возникло вопреки иудейским ортодоксам, в результате решительного разрыва с ними. Боюсь, что и Откровение Параклета появится вне церковной ортодоксии и вызовет осуждение ее официальных представителей.

— Я являюсь проводником сокровенного западного учения, — не раз повторяла Мария Вадимовна. — Согласна, что настали сроки, когда должны духовно сойтись Восток и Запад. Однако синтез этот, во-первых, должен осуществляться с величайшей осторожностью и

тактом, потому что неумелое смешение разных токов (самих по себе позитивных) может привести ко всякого рода перекосам и нежелательным результатам. А во-вторых, синтезу этому обязательно должно предшествовать изучение эзотерических западных источников. Ведь сложилась парадоксальная ситуация: на Западе и в России, знают неплохо Дзен-буддизм, другие направления восточной духовной мысли, а вот христианская эзотерика им неведома совершенно.

Увлечение значительной части человечества индийским посвящением, — говорила Мария Вадимовна, — в общем-то естественно. Многие устаревшие церковные догмы уже не удовлетворяют ум и чувства переросших их людей. Поэтому и видна такая тяга молодежи всех стран к поискам новой религии, и религия Индии, ошеломляющая своей властью над материей, несомненно привлекает жаждущих верить и знать. Способность индийских йогов по желанию материализоваться и дематериализоваться, способность жить без пищи, питаясь только праной, посылать свой астральный двойник на дальнее расстояние, оставаясь в физическом теле, читать чужие мысли — все эти «чудеса», конечно, поражают воображение людей и встряхивают их сознание. Раскрытие необъятных возможностей — необъятных с точки зрения физического мышления — должно захватить и действительно захватывает своим размахом и преодолением I тюрьмы материализма, в которую заключило себя большинство человечества.

Суть же христианского посвящения, — продолжала Мария Вадимовна, — в ином, а именно — в восстановлении мистического единства Творца с сотворенным, Бога с человеком, связей, разорванных из-за грехопадения человечества.

Личным примером всей своей жизни — вплоть до несказанной последней Жертвы — остался верен Христос Учению, им проповедуемому. Заповедям Блаженства, символике притч (а каждая притча Христа — урок, охватывающий разные аспекты жизни, вскрывающий душевные и духовные язвы человечества, разъясняющий Божественные Законы, действующие в проявленной Вселенной). Бескомпромиссен этот путь, ведущий только к Свету, совершенству, чистейшей жертвенной любви. На этом пути излишни, а порою и кощунственны любые проявления виртуозного гиперфизического феноменализма. Путь Христа ведет напрямую —

без каких-либо отклонений в ту или иную сторону — к Вечности Абсолюта.

Приход Христа — это **Посвящение, Освящение и Преображение души человеческой**. Только сын Единосущный Отцу, будучи его второй ипостасью, и мог принести Провозвестие о грядущем явлении Духа Святого, Параклета-Утешителя, который поднимет человечество на новую, более высокую ступень, ибо принесет с собой **Посвящение, Освящение и Преображение его духа**.

ПОЭМА О ЧАКРАМАХ

1

Невидимые центры высшего сознания в человеческом организме Мария Вадимовна называла плексусами. Я же, привыкший к восточной терминологии, называл их — да и буду называть по ходу дальнейшего рассказа — по-иному, а именно: чакрами.

Оккультная традиция придает исключительное, можно сказать, первостепенное значение существованию чакрам в нашем теле, но говорит о них весьма и весьма скупое. Фрагментарные сведения о невидимых центрах можно почерпнуть в «Тайной Доктрине» Блаватской и Учении Живой Этики. И тот, и другой источники сообщают о семи главных центрах, излучающих интенсивное силовое поле. Есть вспомогательные центры с меньшим радиусом действия. Согласно «Тайной Доктрине» их сорок два. Согласно Учению Живой Этики их двадцать один, но так как утверждается, что они имеют двойное разветвление, то и в том, и в другом случае получаем одну и ту же цифру. А в общей сложности человек располагает сорока девятью духовно-энергетическими центрами.

Не случайность, что информация о чакрах столь бедна, а подчас зашифрована. Дело в том, что наше сознание и наша физиология не приспособлены к осязаемому действию невидимых центров. Попытка преждевременного открытия центров может привести — да, как мы знаем, нередко и приводит — к трагическим последствиям: серьезному заболеванию, деформации сознания и даже преждевременной смерти. Слишком уж велика дисгармония между видимым и невидимым в человеке, между физическим и духовным планом его бытия. Вот почему знания о чакрах как бы сокрыты от нас за семью печатями. Вернее — были сокрыты. Космически изменявшееся время взломало эти печати.

По существу, мы столкнулись с парадоксальной ситуацией: ныне для человека гораздо большую опасность представляют его наглухо замурованные каналы психической энергии, нежели каналы открытые (хотя бы частично). То, что предвещали пророки на протяжении веков, свершилось: наступила новая эра, и незримый космический огонь пронизал наше земное существование. Чтобы выжить в этих условиях,

чтобы соответствовать новым ритмам времени, человек обязан как бы возжечь свой внутренний огонь. Уклониться от этой задачи нам не дано. Можно лишь попытаться решить ее с минимальным риском для себя. А риск действительно может быть сведен к нулю, если сосредоточим свои усилия на том, чтоб ликвидировать разрыв между своим физическим и духовным естеством, если сделаем все, чтоб гармонизировать их токи.

— Великое Космическое Колесо совершило поворот в сторону возврата и потому изменилось все, — утверждала Мария Вадимовна. — В новых условиях меняется и методика раскрытия духовных центров. Обязательная раньше работа над нижними чакрами перестает быть необходимостью. Ныне мы должны заниматься лишь верхними чакрами, причем начинать целенаправленно концентрированную медитацию должны — и это для с непреложный закон — с чакра сердца.

— Но как же так? — высказал я свое недоумение. — Ведь на Востоке всегда начинали с нижних чакр и достигали, как вы знаете, порою весьма поразительных результатов.

— В этом наше отличие от Востока, — отвечала Мария Вадимовна. — В этом также отличие нынешнего времени от прежнего.

Не думайте, однако, что тем самым отсекаются нижние чакры, что они будут находиться в оцепенении и подвижности. Нет, они будут действовать, и будут действовать интенсивно, но под импульсом чакра сердца, «званного регулировать и координировать деятельность чакр, управляющих низшей природой».

Известно, что конечной целью медитаций над чакрами является пробуждение и высвобождение космической силы в человеке («Кундалини»). На Востоке считают, что она расположена у основания позвоночника в виде свернувшегося клубка. Клубок этот напоминает змеиный, отсюда, очевидно, и название — «Змей-Кундалини». Закон эволюции гласит, что Космос должен соединиться с Космосом. Но чтобы совершилось это, Змей-Кундалини должен сменить горизонтальное положение на вертикальное. Он должен выпрямиться и, устремившись по каналу позвоночника вверх, в зоне головного мозга слиться с органом космического сознания — чакром Браны, — трансформируя, наконец, человека в космическое существо.

Да, на Востоке, и в частности в Индии, выпрямляют и поднимают вверх Змея-Кундалини при помощи особо волевых и жестких упражнений, заставляющих работать нижние чакры. Да, там добиваются подчас — и довольно быстро — эффектных результатов. Но заметьте: достигается все это под руководством и неусыпным контролем наставников, обладающих соответствующими знаниями. Спрашивается: где их найти (особенно у нас) и где гарантия, что объявившийся учитель не будет лжеучителем? Еще хуже, когда человек стихийно, по-партизански, самонадеянно полагаясь лишь на собственные силы, вдруг начнет колдовать над Змеем-Кундалини. Размотать клубок космической энергии, именуемый Змеем-Кундалини, и поднять его на должную отметку высоты — это еще не главное. Главное — суметь удержать его на этой высоте в состоянии равновесия достаточно продолжительное время. А если человек не справится (а он и не справится, действуя в одиночку или доверившись невежественному руководителю)? Что тогда? Тогда — свободное падение Змея-Кундалини, всегда кончающееся печальным исходом для человека. Или не выдерживает сердце, и человек умирает от инфаркта. Или остается живым, но неуправляемая энергия, рухнув вниз, уродует его физиологию и превращает его в полового маньяка.

Таковы опасности, причем не выдуманные, а реальные, которые подстерегают человека, решившегося приблизиться к тайне космической жизни своей и своей космической силы. Но вот что существенно и важно, — Мария Вадимовна выдержала паузу, дабы подчеркнуть значимость того, что она сейчас скажет, — при нашей методике работы над чакрами эти опасности устраняются полностью; Нет, цель не меняется. Она остается той же. Клубок космической энергии, он же Змей-Кундалини, должен проделать свой вертикальный путь, чтоб ощутить дыхание Лотоса Браммы. Но под воздействием чакра сердца и других верхних чакр меняется ритм восхождения. Змей-Кундалини движется вверх, но теперь не так, как прежде — не порывисто и стремительно, — а медленно, неторопливо; он как бы ощупывает и осваивает каждый сантиметр, каждый дюйм набираемой высоты. Ждать немедленных, фантастических результатов тут не приходится, но зато если ошибка, если срыв, то ничего страшного не произойдет: Змей-Кундалини плавно опустится вниз и обретет прежнее положение, не причинив ни

малейшего ущерба человеку. И спустя какое-то время все можно начинать сначала.

И вот что хотелось бы еще подчеркнуть: если концентрируешь внимание на верхних чакрах, если они начинают действовать, то пробуждается твое высшее «я». А это, кстати, означает, что ты один и не один в одно и то же время. Ты один, потому что нет никого рядом с тобою на физическом плане бытия. И ты не и, потому что рядом с тобою на духовном плане бытия находится твое высшее «я», твой руководитель и твой Учитель. Это твой самый надежный Учитель, и в конечном итоге он приведет тебя — при должном стремлении и должной работе над собой — к намеченному рубежу стыковки Микрокосмоса с Макрокосмосом.

Как стремительно меняется обстановка! Ведь недавно, совсем еще недавно, открытие верхних духовных центров считалось исключительной прерогативой йогов, достигших высших — иногда высочайших — ступеней самопознания. Но крутой вираж времени поставил нас перед выбором без выбора: в современных условиях, в сутолоке современного города мы обязаны научиться делать то, что делали раньше в горных ашрамах и лесных убежищах. Это одна из примет наступающей эпохи Параклета.

Не без робости и сомнения приступали мы к медитативному курсу изучения чакрам. Надежда Михайловна признавалась, что она уже пыталась работать над своими центрами, но ничего у нее не получилось: как ни старалась увидеть лепестки (а, как известно, индийская традиция считает, что каждому чакраму соответствует строго определенное число лепестков), увидеть их так и не смогла.

— А лепестки и не надо видеть, — сказала Мария Вадимовна. — К этому вопросу, на мой взгляд, индийская традиция подступает несколько поверхностно, сосредоточивая преимущественное внимание на лепестках. Но разве задача состоит в том, чтоб обязательно увидеть эти лепестки, да еще не сбиться со счета, подсчитывая их? Нет, она совершенно в ином. Увидеть то, что скрыто лепестками. Там, там самое удивительное.

Не надо также придавать слишком уж большое значение тому, различаете ли вы цветовую гамму чакрам или нет. В лучах нового сознания формируются идеи. Потом уже они получают ту или иную окраску. Если же цвета будут выступать на первый план, если же будут полностью захватывать твое воображение, то можно увлечься внешним и отвлечься от главного.

Помню, как спрашивали мы у Марии Вадимовны: не даст ли она каких-нибудь рекомендаций относительно ритма дыхания во время работы над чакрами?

— Какие рекомендации и зачем? — удивилась Мария Вадимовна. — Ритм дыхания изменяется сам по себе при работе над каждым чакром. Все индивидуально, никаких правил здесь нет. Может быть, они еще необходимы для какой-либо подготовительной работы, но для непосредственной работы — нет. И вообще, если даются стандарты, то разрушается самое главное: духовная индивидуальность.

Конечно, общие законы — в том числе и законы строения чакрам — едины для всех. Но ни на мгновение не следует забывать: каждый чакрам у каждого человека строго индивидуален и непохож на другие. У каждого чакрама своя песня. Высокое сознание дает импульс, а чакрам проводит его в жизнь. Чакрам и внутри, я как бы охватывает человека извне. Никакие правила, а только полное внимание к нему раскрывают его.

Были у нас вопросы и о продолжительности занятий с чакрами. Должны ли они быть непрерывными или полагаются каникулы и паузы? Ответ был таков:

— Делать перерывы нужно. Иногда — месяц, иногда — полтора, иногда — больше. Строгого правила здесь опять-таки не существует. Когда возникнет снова необходимость в работе над чакрами, вы сами это почувствуете. Вы почувствуете их вращение.

И учтите: что бы ни случилось с вами, работа над чакрами не может уже пропасть бесследно. Можно на какое-то время забыть о ней, может на какое-то время она оказаться погребенной под суетой. Но квинтэссенция сделанного остается.

— Чтобы ощутить жизнь чакрам в себе, — говорила Мария Вадимовна, — помните, что это не только воспринимающие органы, но и органы действия. Для аналогии обратимся к нашим органам чувств. Хотя они предназначены для восприятия, но элемент действительности в них присутствует тоже. Возьмите глаз — наиболее развитый из наших органов чувств. Ведь взгляд, если в нем сконцентрировалась сила воли, может повлиять на человека даже физически. Что же касается органов осязания, в принципе они могут передавать праническую энергию на расстоянии (на этом и основано магнетическое лечение). Собственно, точно так же действуют и духовные центры, только сила их воздействия, разумеется, во много раз больше.

Благодаря чакрам мы получаем надежные опорные точки для своей медитации. Этим, очевидно, и следует объяснить столь высокую продуктивность ее результатов по сравнению с любой другой медитацией. Во всяком случае, так было у меня. И надеюсь, — обратилась Мария Вадимовна к нам, — так будет и у вас.

Однако работа эта несет не только радость, но и труд — предупреждала Мария Вадимовна. — Когда вы работаете над чакрами, утончается ваше восприятие, и вы начинаете ощущать волны, идущие от людей, которые вы раньше не чувствовали. И есть опасность, что, ощущая эти волны, вы можете попадать под власть эмоций и поступать, повинаясь эмоциональному порыву. Вот того допускать нельзя: то, что открывается вам сегодня, нельзя подчинять эмоциям — это в высшей степени разрушительно и для вас, и для

других. Как никогда, именно теперь вы должны уметь подчинять чувства духовному

Надо сказать, что занятия наши шли в крайне убыстренном темпе. Мария Вадимовна явно торопилась и торопила нас. Не успевали мы вжиться в один чакрам, как она требовала осваивать другой. На наши сетования она отвечала: «Время уплотнилось до предела. То, на что раньше уходили долгие годы, вы должны пройти в течение немногих месяцев». Собственно, так оно и получилось. Моя первая запись о медитации над чакрамом сердца помечена маем 1975 года, а семь месяцев спустя в канун Нового года, я уже интенсивно работал над седьмым — чакрамом Браммы.

Но, пожалуй, самое удивительное было в том, что наше — да еще столь стремительное — вторжение в заповедные зоны незримых центров ни в малейшей степени не сказывалось на физическом состоянии нашем. Не секрет, что такого рода занятия обычно сопровождаются болезненными явлениями. Огненная трансмутация несовершенного тела всегда мучительна. Могут возникнуть боли в области сердца, может появиться жжение в солнечном сплетении, может начаться воспалительный процесс в щитовидной железе. Об этом предупреждают и к этому готовят. Но у нас, слава Богу, все шло благополучно. Как будто действительно что-то благоприятствовало нашему эксперименту. Правда, впоследствии от людей, сведущих в этих вопросах, я узнал, что начальная стадия работы над чакрамом Браммы мне, например, грозила потерей зрения (если б вдруг на какой-то момент я выпал из состояния внутреннего равновесия). Но я узнал об этом задним числом, когда опасность, а значит, и связанные с нею страхи были уже позади.

А вот в благотворном действии чакрамов на свой организм я имел возможность удостовериться и очень скоро. Дело обстояло так.

Намечалась моя поездка за рубеж, в район тропиков. Для оформления поездки требовалась медицинская справка. Но, увы, в поликлинике, где я прошел соответствующую диспансеризацию, меня ждал неприятный сюрприз — анализ крови оказался весьма неблагоприятным: сорок пять единиц гемоглобина, что было гораздо ниже положенной нормы.

«Симптом малокровия», — констатировал врач и отказался выдать мне справку, что означало срыв моей зарубежной поездки.

Единственное, на что он согласился — сделать через неделю повторный анализ, дабы уже не оставалось никаких сомнений.

Итак, в моем распоряжении была неделя. Но что я мог предпринять в этот короткий промежуток времени? Я ничего и не предпринимал. Не менял режима дня и работы. Не занимался физическими упражнениями. Но зато занимался и занимался регулярно — утром и вечером — медитацией над чакрами. От одного чакра переходил к другому, стараясь как бы внедрить их токи в клетки своего тела. И, наверное, перестарался, потому что результаты повторного анализа тоже оказались ошеломляющими: уровень содержания гемоглобина вырос более чем вдвое и составил девяносто шесть единиц, что грозило нарушением нормы, но уже в обратном направлении.

— Вы что, в горах побывали? — спросил у меня врач, не подозревая, насколько в принципе он близок к истине.

3

Признаюсь, перспектива работы над чакрами, с одной стороны, притягивала меня, а с другой — пугала. Мне казалось, что ничего у меня не выйдет.

— Я не умею медитировать, — сказал я Марии Вадимовне.

— Умеете, — решительно возразила она. — Хотите, укажу на образцы вашей медитации?

— Укажите.

— Ваши стихи.

— Ну, если это сопрягается с творчеством, если это граничит со стихами, тогда я могу.

— Так и делайте. А у нас с вами, — обратилась Мария Вадимовна к Надежде Михайловне, — будет поэма о чакрах.

Тогда я не придавал особого значения словам Марии Вадимовны, а Мария Вадимовна оказалась провидицей. Спустя несколько лет я почувствовал необходимость соединить накопившиеся стихотворные медитации о чакрах в целостную вещь. Так и образовалась своеобразная поэма, которой я дал название «Лотос Браммы». Впоследствии она стала заключительной частью моей книги «Семь дней в Гималаях».

Вступление в поэму содержало общие положения о духовно-космических центрах человека. Ныне я бы, пожалуй, дополнил его вот этими строками.

Незримое сегодня уплотнилось.

Сгустилось в чакрам. Говорит с тобой.

Вступив в контакт с незримою основой,

Ты можешь внешний мир преобразить

Быстрее быстрого. Решительно и сразу.

Рычаг, которым можно сдвинуть Землю,

Есть чакрам. Будь же Архимедом ты!

Ты фокусируешь космический огонь

Посредством чакрама, пришедшего в движение.

Воспринимаю мир я через чакрам,
И потому мне внятен пульс Вселенной
И полнозвучный голос Бытия.

Мы рождены, и мы не рождены.
Воспоминая о неоотворенном
Незримый центр хранит в себе всегда.

Познай себя или же по-другому:
Открой свои невидимые центры.
Они есть ты. Воистину есть ты.

Источник всех источников в тебе.
Он просыпается. И он дает возможность
Бессмертье в смертном теле ощутить.

А постигающий бессмертье в смертном теле
Приходит к истине. Путь других к ней нет.

Если обратимся к истории, то увидим, что работа над чакрам сердца отвечала духу христианской традиции и всегда поощрялась ею. Как свидетельствуют писания святых отцов, она строилась на постоянном повторения краткого мантра — Иисусовой молитвы, как бы сконцентрировавшей в себе все евангельские истины: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» В «Добротолюбии», этой основополагающей книге раннего христианства, излагаются принципы «внутренней молитвы сердца», которую на Востоке несомненно бы окрестили медитацией. Там говорится:

«...вообрази свое сердце, наведи глаза свои, как бы смотрел на него сквозь грудь, и как можно живее представь его, а ушами-то внимательно слушай, как оно бьется и ударяет раз за разом. Когда к сему приспособишься, то и начинай к каждому удару сердца, смотря в него, приноравливать молитвенные слова. Таким образом, с первым ударом сердца скажи или подумай **Господи**, со вторым **Иисусе**, с третьим **Христе**, с четвертым **помилуй** и с пятым **мя**, и повторяй сие многократно... Потом как сему попривыкнешь, то начиная вводить и изводить всю Иисусову молитву в сердце вместе с дыханием, как учат отцы, т. е. втягивая в себя воздух, скажи, вообрази:

Господи Иисусе Христе, а испуская из себя: **помилуй мя**. Занимайся сим почаще и побольше, и ты в скором времени почувствуешь тонкую и приятную боль в сердце, потом будет являться в нем теплота и растеплевание».

«Но при сем, — предупреждает «Добротолюбие», — всемерно остерегайся от представлений в уме и являющихся каких-либо видов. Не принимай вовсе никаких воображений, ибо св. отцы крепко заповедуют при внутренней молитве сохранить безвидие, дабы не попасть в прелесть».

То есть лишь в атмосфере чистого безмолвия, к которому, кстати, призывали все Учителя человечества, от Будды до Кришнамурти включительно, и может начаться преображение внутреннего мира человека, а значит, и всего человека. Об этом в «Добротолюбии» говорится так:

«Когда рассеются облака, воздух показывается чистым; когда же солнцем правды Иисусом Христом рассеются страстные мечтания,

тогда обыкновенно в сердце Рождаются световидные и звездовидные помышления по причине просвещения Иисусом Христом воздуха сердечного».

По рекомендации Марии Вадимовны мы при работе над чакрой сердца использовали Иисусову молитву. Другие чакры, по ее словам, ни в каких мантрах не нуждаются.

Помню, с каким трепетом я нес Марии Вадимовне первые — самые первые — результаты своих медитаций. Помню, как подбодрила она мой дух, обратив внимание на следующие строки:

Свет белый-белый сердце излучает.
Мне солнцем белым кажется оно.

Она сказала, что это совершенно точное ощущение.
— Только не сердце физической жизни предстало перед вами, а сердце будущего. А оно настолько многогранно и многообразно, что действительно вмещает в себя все цвета.

Ощущение это характерно не только для вас, — добавила Мария Вадимовна, — оно характерно для всех. Когда человек духовно работает, белый цвет обязательно усиливается.

Мои стихи-медитации о чакре сердца вошли в первую главу «Лотоса Браммы». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Стучится сердце в тайны бытия.
«Откройте дверь!» — зовет оно и просит.

Покуда сердце бьется, есть надежда,
Что океан любви поглотит все.

Коль Бог внутри, то, значит, Он вокруг.
Бог — это мир, пропущенный сквозь сердце.

На бытие накидывает сердце
Сеть невесомую. И эта сеть есть радость.

Когда ты сердцем начинаешь мыслить,

То истина становится тобой.

Необходимость быть полезным людям
Одна и только держит на земле.

А сердце концентрирует пространство.
В единой точке бытия. И время
Сгущается как бы в единый миг.

Миры и мироздания вращает
В центростремительном движении непрерывном
Великий чакрам сердца моего.

Никто не побежден, коль победило
Космическое сердце божества.

Для сердца нет понятия «граница».
Оно открыто, словно космос, всем.

Я бездной сердца ныне поглощаюсь.
О как я рад, что ею поглощен!

5

Лобовой чакрам индийская традиция изображает в виде Лотоса, насчитывающего девятью шесть лепестков. Его название — Аджна. Синонимами этого названия иногда выступают понятия «Третий глаз» или «Глаз Браны». На физическом плане чакрам воплощен в шишковидной железе затылка.

Работа над этим чакрам, говорила Мария Вадимовна, означает работу над аспектами нашего сознания. Чакрам, говорила она, можно представить себе в виде ромба. Однако дать характеристику особенностей, сокрытых в данной геометрической фигуре, она наотрез отказалась, повторяя, что постижение тайны чакрам у каждого должно быть строго индивидуально. Единственное, о чем она сочла возможным упомянуть, что ромб сознания можно как бы разделить на две половины: первая — активное, творческое начало, вторая — воспринимающее, пластичное. Работая над чакрам, надобно равномерно чередовать эти два начала.

Мои стихи-медитации о лобовом чакрам, или ромбе сознания, вошли во вторую главу «Лотоса Браны». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Источник мысли не ищи в себе.
Везде ищи — тогда не ошибешься.

Неуловима мысль. А уловима
Лишь тень ее, подвластная словам.

Ум затихает — воскресает мудрость.
Не думать — значит мыслить, ибо мысль
Всегда к тебе приходит из Безмолвия.

Энергия энергий — это мысль,
Которая устремлена в Безмолвье
И из Безмолвия к нам устремлена.

Бессмертие реальнее, чем смерть.
Незримый центр реальнее, чем зримый.

Но разве можно видеть Бесконечность?
Возможно все, коль третий глаз включен.

Окно я раскрываю в Беспредельность.
Пусть ветер Беспредельности ворвется
В мое жилище затхлое. Аминь.

В индийских источниках нет упоминания о чакраме воли. По определенным причинам чакрам этот был сокрыт от людей.

— Страшно дать знание о чакраме воли, — говорила Мария Вадимовна, — человечеству в его современном состоянии. Страшно, но, увы, неизбежно, потому что в новых космических условиях многие — тайны перестали быть таковыми и сведения о таинственном чакраме давно уже просочились в среду темных. Конечно, как всегда, они пытаются перевернуть все с ног на голову. Если светлые начинают работу обязательно с чакрама сердца, то темные — с чакрама воли. Если светлые стараются сначала развить в себе любовь, (через чакрам сердца), сознание (через лобовой чакрам), а уж потом развивать свою волю, то темные делают то же самое в обратном порядке, что и приводит к искривлению ума и сердца.

Чакрам воли расположен по правой стороне груди. Если другие чакры — в частности, сердца и сознания — выявлены физическими органами человека, то чакрам воли еще предстоит выявлять: он не воплощен физически. И это не случайно, ибо у человека раздроблена воля, да и само его понимание воли по большей части чрезвычайно узко.

Между тем роль воли в жизни исключительно велика. Сколько прекрасных и, главное — совершенно реальных планов превратилось в бесплодные мечтания лишь потому, что в них не участвовала организующая сила воли. Поэтому, прежде чем выйти на рубеж следующего чакрама — а это чакрам творчества и жизни, — необходима работа над чакрамом воли.

— Именно эта работа в качестве предшествующего этапа крайне необходима, — подчеркнула Мария Вадимовна. — Иначе жизнь будет владеть вами, а не вы — жизнью.

Мои стихи-медитации о чакраме воли вошли в третью главу «Лотоса Браммы». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Да будет воля, Господи, твоя! Да будет воля Господа твоею!

Ум, сердце, воля — этот треугольник

Тебя над бездной жизни вознесет.

Огонь ты выявляешь сам в себе
И там огнем ты как бы, чертишь знаки,
Магические знаки в пустоте.

Путь на вершину лишь тогда возможен,
Когда в себе вершину ощутишь.

Я есмь скрещенье Бога с Абсолютом.
Я — поле единенья двух начал:
Безличного и личного начала.

Дух — это все. И в то же время он
Ни с чем не связан. В этом парадоксе
Его бессмертье и заключено,

Все подчиняется, когда ты подчинен
Стремлению, ведущему к вершинам.

В единый фокус мысли концентрируй.
Как солнце через линзу поджигает
Бумажный мусор, так твой свет сожжет
Наносное, ненужное, чужое.

Меч духа устраняет все преграды
Одним уж тем, что поднят над тобой.
Рубить не надо, ибо меч волшебен
И взмах его победу нам несет.

На санскрите чакрам творчества и жизни имеет наименование «Манипура». Индийская традиция изображает его в виде двенадцати лепесткового Лотоса, где зеленые лепестки перемежаются красными. Его физическая основа — солнечное сплетение.

Мои стихи-медитации о чакраме творчества и жизни вошли в четвертую главу «Лотоса Брамы». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Ликует дух, когда восходит солнце.
Оно восходит, если ты творишь.

К потоку творчества всегда причастен дух.
И творчество определять нам стоит
Как духотворчество. Тогда и проведем
Грань между истинным и ложным без ошибки.

Творящему придет на помощь все.
Ведь все желает одухотворенья.

А творчество и есть победа духа,
Вернее, закрепление ее

На плане зримом, как и на незримом.
Творю огнем. А если нет огня,
То не творенье это, а подделка.

Принявший Крест, пойми всей силой духа:
Не ты несешь, а Он тебя несет.

Несущий Крест идет к вершине духа
Быстрее того, кто бросил этот Крест.

Пусть радость духа озарит миры.
Пусть мрак их не пугает. Он не вечен.

«Анахата», или «Серебряный Лотос», — так в индийских источниках называется центральный чакрам; он расположен посередине между чакрами сердца и воли. Физически он спроецирован в нервные узлы грудной клетки. В Учении Живой Этики его называют «Чашей». Так же называла его и Мария Вадимовна.

По ее словам, чакрам представляет собой чашу в круге. Эта чаша выполняет особую роль: она вбирает в себя токи остальных чакрам, работающих поодиночке, да и работающих подчас хаотически. Она гармонизирует их огненные токи и трансформирует их в тонкий сияющий луч, соединяющий ее с чакрам, находящимся несколько выше, в области горла. А горловой чакрам должен внутреннюю энергию человека, теперь уже не хаотическую, а упорядоченную и организованную и потому не представляющую опасности для окружающих, направить в физический мир.

Но это, так сказать, внешний механизм работы чакрама. Что же касается самого сокровенного, то оно где-то там в глубине.

Медитация над центральным чакрам принесла моей жене незабываемое переживание. Внезапно каким-то внутренним зрением она увидела; а скорее, даже почувствовала, что в Чаше каждого человека хранится капля Иисусовой крови. Помню, как радовалась — по-детски радовалась — Мария Вадимовна этому рассказу. Помню, как восторженно она поздравляла ее, потому что считала, что ей удалось пережить момент прикосновения к великой истине.

Мои стихи-медитации о чакраме Чаши вошли в пятую главу «Лотоса Браммы». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Огонь я извлекаю из глубин,
Дабы с огнем вершин соединиться.

Чтоб слышать Вечность, должен вспомнить ты,
Что ты есть Вечность. Время умолкает.

За Чашею Грааля мы идем,
Минуем круги Ада и другие,

И все затем, чтоб убедиться: Чаша
В самом тебе. Приникни к Ней. Молись.

Все то, что скрыто от тебя веками,
Доступно вопрошающему, если
Он видит чакрам, в чакраме — себя.

Луч — это молния,
Что подчинилась духу.

Луч продолжает Чашу, ибо небо
Растет из трав, земли, холмов и гор.

Голгофа жизни нас возносит в небо.
Благословляй ведущее нас ввысь.

Горловой чакрам индийская традиция изображает в виде шестнадцати лепесткового Лотоса. Физический орган, непосредственно связанный с ним, — щитовидная железа. Название чакрама «Визудха». Правда, Мария Вадимовна предпочитала употреблять другой термин — «Престол», ибо, по ее мнению, вершина, на которую поднимает человека работа над этим чакрамом, может быть приравнена к Престолу с восседающим на нем Царем.

— Однако, — добавляла Мария Вадимовна, — тут нет места ни для гордыни из-за высоты откровений, ставших доступными вам, ни для самоуничтожения из-за разрыва между высотой откровений и тем, как вы продолжаете жить на физическом плане. Поймите, говорят человеку, что на Престоле это не вы, это — ваша монада. На Престоле вы видите себя как Сына Божьего. Вспомните притчу о блудном сыне. То, что происходит с вами, можно назвать процессом осознания себя и подлинного имени своего. Вы поняли, кто вы, но путь к истинному сыновству еще тяжел и труден. Но главное сделано: вы поняли, чьим сыном являетесь вы.

Мои стихи-медитации о чакраме Престола вошли в шестую главу «Лотоса Браммы». Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

Мгновенье единенья с небесами
Пришло. И мир преобразился весь.

А поле бытия всегда лучисто.
Луч уплотненный — это человек.

Итак, на этом и сосредоточься,
Что ты есть луч, поправший светом тьму.

Пусть на луче покоится Престол.
Прочней нет основания для Престола.

Что значит царствовать? Ведь это означает
Внимательным быть к каждой клетке тела

И атомам невидимой души.

Нет ничего, что не было б тобой.
За все в ответе связанный со всеми.

Путь сконцентрирован в тебе и зашифрован.
Его разгадку устремление даст.

Твое Евангелие быть названо должно
Вот этим словом Духа: Устремление.

Нет пауз в восхождении на небо.
А если пауза, то это взрыв и взлет.

Да будет радость спутником твоим.
Что б ни случилось — радость, радость, радость!

Соединенье с духом — это благо.
Соединенье с Богом — благодать.

Вершинный чакрам индийская традиция изображает в виде тысячлепесткового Лотоса. Строго говоря, в нем насчитывается не тысяча, а девятьсот шестьдесят лепестков, ровно в десять раз больше, чем в лобовом чакраме, именуемом «Глазом Браммы». «Сарасхара», или «Лотос Браммы», — так называют этот самый загадочный и самый фантастический из всех наших чакрам. Физически он связан с головным мозгом. Моя работа над чакрамом уже на первых порах привела меня к выводу, что мозг это кристалл Абсолюта. Вот я писал тогда, делясь своими размышлениями с Марией Вадимовной и Надеждой Михайловной. «Круг сотворенного смыкается с кругом несотворенного благодаря головному мозгу, ибо несотворенное материализуется в мысль, а значит, становится доступным, внятным миру сотворенному.

Клетки головного мозга жаждут, во-первых, тишины и безмолвия, во-вторых — истинной работы. Они работают, но дробно, хаотически, бессистемно. А головной мозг, воспринявший импульс Лотоса Браммы, начинает уже догадываться о главном своем предназначении, которое может быть выражено одним-единственным словом: воскрешение.

Собственно, воскрешение клетки головного мозга творят все время. Что такое память, как не воскрешение прошлого. Что такое предвидение, как не воплощение и воскрешение будущего.

Но, увы, воскрешение прошлого крайне ограничено. К тому же оно избирательно и зависит от желания, спонтанного настроения и т. п. И, во всяком случае, корень прошлого — прапамять — недоступен.

Так же обстоит дело и с будущим. Здесь или царит мечтательность, или голая расчетливость, иссушающая ум и душу. Реальное будущее остается за семью замками.

А ведь прошлое и будущее — в их корневой основе — подвластны человеческому мозгу. Просто должна произойти переориентировка и гармонизация клеток головного мозга. Преобразившись, они образуют луч, равно освещающий и прошлое, и будущее. Но это сверхсознательное видение — лишь первый этап воскрешения. Второй этап — материализация объектов сверхсознательного видения.

Каким образом она может быть осуществлена? Лишь через материальную структуру головного мозга. Неведомые аппараты головного мозга должны включиться под воздействием солнечного тела (а чакрамы это и есть солнечное тело), и, прежде всего под импульсом Лотоса Браммы.

Безмолвие, творимое Лотосом Браммы, усиленное излучениями клеток головного мозга, пробуждает твой дух. Задача состоит в том, чтоб началась цепная реакция, чтоб дух преобразил душу, а душа — тело. Это может быть достигнуто, это должно быть достигнуто, это будет достигнуто!

Ум погружаю в сердце. Чакрам Браммы
Соединяю с сердцем. Бог воскрес!»

11

У меня возникла догадка — потом она превратилась в уверенность, — что Лотос Браммы, собственно, не принадлежит человеку. Он принадлежит Богу. Поэтому опасения насчет темных и возможностей их разрушительного влияния на чакрам безосновательны. Это исключено в принципе. Лотос Браммы закрыт для темноты. Его лепестки открываются лишь навстречу свету.

Рискну высказать еще одну догадку, что чакрам Браммы дают нам как бы займы, на время, для выполнения какой-то, быть может, не до конца нам ясной и понятной, но необходимейшей задачи.

Мои стихи-медитации об этом чакраме вошли в седьмую главу «Лотоса Браммы» (разбитую на семь фрагментов). Ныне я бы, пожалуй, дополнил ее вот этими строками.

I

Путь начинается, и каждый раз с нуля.
Лишь в этом случае ты получаешь шанс
Коснуться истины, соединиться с нею.

Дух абсолютный жаждет воплощенья,
А воплотившись, жаждет высоты.
И этот путь Нисхода и Восхода
Преобразует звездные миры.

А Лотос Браммы — символ устремленья.
Великий символ, упразднивший смерть
И страхи, порождаемые смертью.

Бессмертье — здесь, не в облаках, а — здесь.
Чтоб стать бессмертным, надо воплотиться.

В себе открывший Лотос Браммы — небо
В себе открыл и утвердил в себе.

Бессмертье ищущий — оно в самом тебе.
Так расшифруй себя, чтобы оно

Осознанно и четко проявилось.

Творенье — но становится Творцом.
Ты — человек, но в Бога превратишься.

II

Стремление вверх равно стремлению сверху
Соединить Начала Бытия.

Путь восхождения радостен и легок.
Одно необходимо — не забыть,
Что каждый день восходишь на вершину.

А небеса раскроются внутри,
Когда об этом сам себя попросишь.

Есть парадокс, что только в смертном теле
Бессмертье достигается. Но это
Не парадокс — незыблемый закон
Непостижимой жизни Абсолюта.

Как трудно ощущать себя бессмертным.
Какая бездна вырастает сразу!
Смерть по сравнению с бездной этой — благо.
Но все равно — вперед! вперед! вперед!

Неправильно мы раньше понимали
Свою задачу. Постижение мира
Не самоцель. Оно лишь как подспорье
Для достижения самого себя.

Я как бы напрямую слышу Бога.
И пусть не вижу Бога — ощущаю,
Как видит Он и чувствует меня.

III

Необратимо устремление ввысь,

Когда его благословляют свыше.

Дух — высота, сошедшая в глубины,
В глубинах тех нашедшая себя.

Боренье духа есть уже победа.
Коль дух проснулся — значит, победил.

Есть Абсолют, Вселенная и ты.
Их неразрывность называем Богом.

Небытие и бытие разделены
Лишь потому, что Бог в нас не воскрес.

IV

Из бесконечности идешь ты в бесконечность.
Ты — путник, приходящий сам к себе.

Свои глубины нас пугают больше,
Чем бездны океанов и морей.

Тот, кто рожден, судьбою предназначен
Родиться вновь на новой высоте.

Попытка разговора с Абсолютом
Проявленным была бы невозможна,
Когда б в тебе не проявлялся Он.
Коль Лотос Браммы действует, то ты
Плывешь меж звезд в Ковчеге Абсолюта.

V

Все повторяется. Неповторим лишь Путь,
Ведущий в Дом предвечного восхода.

Как хорошо, что есть на свете тайна.
Она дает урок смирения нам.

Я возвращаюсь мыслями к вершинам,
Тем самым — на вершины восхожу.

Ты победил, но ты еще не знаешь,
Кого ты и когда ты победил.

Я был и буду, — говорит мне Путь.
Единственное, что мне не изменит,
Так это Путь без края и конца.
Он то, что есть. Он — тайна Абсолюта.

О радости мы будем говорить.
Есть радость устремленья. И она
Есть радость радостей и есть любовь Любовеи.

Все тайны мира через Лотос Брамь
Постичь ты можешь. Постигай смелей.

VI

Твой путь в тебе, ты сам — свой горный путь,
И в этой неразрывности победа.

Мысль устремленная. Она сродни Безмолвию.
Она в себе Безмолвие таит.
И потому ей можно доверяться
И можно смело следовать за ней.
Мысль устремленная себя преобразует
И потому преобразует нас.

Дух стал свободным, в теле находясь:
Он победил и время, и пространство.

Преображение — каждый день и миг.
Через вниманье к встречам и преградам
Идет преобразование твое.

Нет тупика, а есть тоннель во мраке.

Лишь впереди спасение твоё.

VII

Нам помогают. Только эта помощь
Без нашего усилил ничто.

Путь непрестанный нам даёт свободу.
Движенье вверх — свобода от всего.

Воскресший дух имеет главный признак.
И этот признак — радость. По нему
Опознавайте чудо воскрешенья.

...Но чтоб возникла радость, устремленье
Должно основой нашей жизни стать.

Открыто все тому, кто устремлен.
Все устремляет — коль открыт душою.

Как будто озеро, наполненное светом,
Твой чакрам Браммы. Что в нем отразится?
Наверно, то, чему названья нет.

В объятья сердца заключаю небо.
А Лотос Браммы заключил в объятья
Всех тех, кто сердцем в небо устремлен.

ДОКТРИНА НЕПАДШЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1

Доктрина эта содержит два главных принципа.

Первый гласит о том, что существует непадшее человечество. Монады, не подпавшие под власть Люцифера, образовали духовную цивилизацию на много порядков выше, чем наша. Сведения о ней под разными именами стучались и стучатся в окаменевшие сознания людей. Одним из синонимов непадшего человечества несомненно выступает понятие Белого Братства. Обратите внимание на термин «Белое Братство». Как и Белый Поток природы, он символизирует собой чистоту, незапятнанность, безгреховность.

Второй принцип Доктрины гласит, что наша связь с Единым, или Отцом Небесным, устанавливается и осуществляется через посланников Его, а ими являются представители непадшего человечества. В отличие от нас, у них нет кармы, которую надобно изживать в течение длинного ряда земных воплощений. Если же они облакаются в человеческие тела, то только для выполнения миссионной задачи. С их стороны это добровольная жертва, продиктованная состраданием и любовью к людям.

— К числу представителей непадшего человечества. — говорила Мария Вадимовна, — принадлежали и будущие ученики Христа. Для Иисуса Христа не составляло особого труда различить посвятителные знаки, незримо горевшие над ними. Потому с такой легкостью он находил их в толпе и властно звал за собою. И потому с такой легкостью и радостью, поначалу, быть может, не отдавая себе отчета, что заставляет их беспрекословно повиноваться, они и следовали за Ним.

Иисус Христос четко объясняет, почему именно на них остановился Его выбор. «Если бы вы были от мира, то мир любил бы вас, а как вы не от мира — то Я избрал вас».

Увы, мир не любит того, что не вмещается в его ограниченное сознание. Люди как бы инстинктивно сторонятся всего, что может вывести их из состояния инертности и духовного оцепенения. Ради сохранения спокойствия и рутинного образа жизни они подчас готовы на любое злое деяние. Потому пророки всегда подвергались унижениям и были побиваемы камнями. Духовная пустыня окружала

их, и был «гласом вопиющего в пустыне» их зов, обращенный к людям.

Вспомните, как встречали Иисуса Христа и Его Учение иудеи, и, прежде всего фарисеи и книжники, образующие — если употреблять современную терминологию — интеллигенцию иудейского народа. На любое слово Нового Откровения они отвечали одним и тем же: мертвой буквой Ветхого завета. Иисус Христос обнажал и вскрывал тайны бытия, возвращал зрение слепорожденным, исцелял бесноватых. А что же они, знающие о приходе Мессии и теоретически допускающие возможность Его прихода в данный отрезок времени? Или ударялись в казуистическое крючкотворство, уличая, предположим, Иисуса в нарушении заповеди, запрещающей любое действие в субботу (если исцеление свершалось в субботний день). Или пускались в бесконечные умозрительные словопрения по доводу того, какой силой Иисус изгоняет бесов: силой Бога или Вельзевула?

Будда учил: если стрела вонзилась в тело слона, то ее надобно немедленно извлечь, чтобы избавить от страданий благородное животное, а не рассуждать о том, откуда она прилетела, из какого материала изготовлена и т. а. Но именно вот этим, мягко выражаясь, неплодотворным делом и занимались оппоненты Христа в то время, когда он извлекал стрелу из тела страждущего человечества. Живую истину они готовы были похоронить под мертвой схоластикой: а правильно ли он извлекает эту стрелу, а имеет ли он вообще право извлекать ее?

Помрачение сознания падшего человечества было настолько велико, в такую плотную пелену самости, напоминающую погребальный саван, было оно закутано, что, казалось, еще мгновение, и погаснут божественные искры, еле-еле тлеющие в душах людей. И лишь в последний момент у самого края пропасти, ведущей в Ничто, было остановлено (не остановилось, а было остановлено) человечество. И произошло это, как вы знаете, примерно две тысячи лет назад по земному времени.

Только те, кто не признает иной силы, кроме материальной, могут считать распятие Христа Его поражением. На самом же деле не поражением это было, но величайшей победой, отозвавшейся гулким эхом во всех невидимых сферах Бытия.

Но чтобы понять глубину этой победы, надо осознать космичность явления Христа. Надо четко уяснить себе, что Его воплощение было вселенским событием, причем главным и определяющим, изменившим не только пути земного человечества, но и всего Кольца Ориенталистского, ибо Сын Божий спускался на землю не только ради Земли и земного человечества, но и ради всей Вселенной и существ, живущих в ее многочисленных обителях. Иисус Христос прошел сквозь все планы мироздания, перестраивая космические ритмы и преобразовывая материальную структуру звездных материков.

Христос — это Вечность, распятая на Кресте времени. Только Вечность и может быть такой снисходительной к нам, ограниченным узкими земными рамками. Только она и может быть столь милосердной и всепрощающей.

Вспомните, что говорил Христос. Он говорил, что «пришел не судить, но спасти мир». Вспомните, что никогда не отсекал Он от себя не поверивших в Него. Он лишь объяснял: «Отвергающий Меня и не принимающий Слов Моих — имеет судью себе: слово, которое Я говорил».

Какое же это Слово? То самое, о котором сказано в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово». То есть Слово первозданное, «бывшее в Боге» и заложенное в начале времен в монаду. Совесть стоит на страже Его.

Именно она как страж Божественного Слова и есть неподкупный наш судия.

«Сын Человеческий» — так определял свою земную ипостась Иисус Христос. Вслед за Ним ощутить себя Сыном Человеческим, жить и поступать в соответствии с этим — вот кратчайший путь соединения с Истиной. Именно в этом, а не в соблюдении каких-то определенных ритуалов и догм и заключается момент приобщения к **Космической Церкви Христа**. Она существует, Космическая Церковь

Христа, но не всегда она выявлена прямолинейными человеческими словами, как это делаю я сейчас. А человек должен вырасти в Сына Человеческого еще и потому, что только через «Сына» может раскрыться и стать воплощенной Божественная Мудрость, неразрывная для нас с Именем Параклета.

3

В одном из сокровенных источников говорится:

«Редко бывает явным Божественное Присутствие на Пути Нисхода, но оно перестает быть тайным, когда совершит половину Пути своего человечество и когда Новое Откровение раскроет Врата Возврата».

Непосредственное Божественное Присутствие — вот главное знамение нынешнего периода времени, делающее его непохожим на любой другой.

В Свете Нового Откровения становится ясным, в чем состоит стратегическая задача наших дней. Две части, на которые раскололось человечество в начале времен — падшее и непадшее, — должны воссоединиться под знаком возвращения к истокам. Все, что способствует выполнению этой задачи, отвечает духу Учения Параклета.

В свете Нового Откровения становится ясным, что Дух Истины это воскресший Бог, сопутствующий людям. Бог, готовый раскрыть людям тайну Воскресения. Ключ к ее расшифровке вот в этой формуле, предельно приближенной к языку современной науки: «Материя есть уплотненная энергия, а энергия есть уплотненная мысль».

В свете Нового Откровения становится ясным, что время, послужившее крестом для распятия Вечности, представляет собой лишь тень, Ничто на лике Вечности. И в лучах восходящего Солнца Новой Эры исчезнет время, погрузившись в Вечность.

Я излагаю — естественно, в общих чертах — суть концепции, к которой приобщала нас Мария Вадимовна на протяжении ряда вечеров. Одушевленный этой концепцией, я писал в своем дневнике, специально предназначенном для медитаций.

«Сын Человеческий устремляется к Отцу, Сын Божий — к Абсолюту. Все слитно, все едино, а обозначения «Сын Человеческий» и «Сын Божий» указывают на две ипостаси Твои: сотворенную и несотворенную. Между ними непроходимая пропасть, но она мгновенно исчезает, и на ее месте возникает сияющая вершина, если Сын Человеческий ощутит себя Сыном Божиим и воззовет к Отцу».

И еще:

«Сын Божий» — понятие это извечно. Оно зафиксировано в древнейших источниках. Но осознание того, что Сын Божий есть в то же время Сын Человеческий, приходит позже в результате общего духовного роста. Воплощение Сына Божьего как Сына Человеческого в исторически конкретный период времени есть Иисус Христос. Он возвестил величайшую радость: человек — вместилище Божественной Энергии. В эпоху Святого Духа то, что было исключением, становится Законом».

«Абсолют непостижим. Ни один эпитет нельзя приложить к Нему.

Велик Он — да; но одновременно мал, ибо нет такой мельчайшей части, в которой не присутствовал бы Он и иногда во всем Своем Величье. Он -- Все, но он же и Ничто, как в абсолютном, так и в относительном понятии; в Нем все возможности и невозможности слиты.

...Одновременно Он далек и близок нам. Он есть мы, но часто мы Его теряем, и все-таки мы остаемся с Ним. Мы много лет напрасно ищем Бога, приносим гекатомбы жертв, а иногда достаточно улыбки, чтобы Его, Великого, узреть!

...Все невозможное становится возможным в Его Луче; дыхание Вечности лишь в Нем одном живет; лишь в Нем одном не ранишься о грани, об острые углы противоречий, о маленькое человеческое «я».

Так тайна несказанна Абсолюта, что слов достойных нет, чтоб говорить о Нем! Он Всюду, Он во всем — и нет Его нигде. Проявленный — Он одновременно и часть, и целое, Множественность и Единство! Как может часть быть в то же время Целым? И все-таки один из основных Его Законов гласит, что капля каждая Его, как ни ничтожна, ни мала она, не только станет Им в конце каких-то сроков, — но может бытие раздельное вести в слиянье с Ним. Когда она себя в Великом ощущает — то и она есть Все и разделения нет!

...Во временном проделывая Путь, монада в Вечности хранит слиянность с Абсолютом, а повенчать она должна Путь с Вечностью; тогда раскроется одна из Истин ее Высокой Цели, и миссионерное служение свое она свершит».

Это фрагменты из работы Марии Вадимовны. Помню, когда она мне ее читала, я обратил внимание на четкую ритмическую организацию текста.

— Ведь это же стихи! — воскликнул я.

— Да? — удивилась Мария Вадимовна. — Никогда не замечала этого. Но вы же знаете, что эти работы я не считаю своими, потому что рождаются они под импульсом свыше и степень моего участия в их материализации весьма минимальна.

Мы не раз потом возвращались к этому сюжету, и каждый раз Мария Вадимовна удивлялась, что ее работы, оказывается, выдержаны

в стихотворном размере. В конечном итоге мы сошлись на мысли, что откровения высокого плана, очевидно, всегда стараются облечься в стихи. Об этом свидетельствуют, сказала она, и Веды, и Библия, и Коран.

— Мысль, обращенная к Абсолюту, — утверждала Мария Вадимовна, — даже важнее Безмолвия, ибо она может превратиться в Слово, а Слово есть то, что и порождает Безмолвие.

Обращаясь к Абсолюту, мы, по существу, выходим из сферы влияния первотолчка, образовавшего мироздание наше. С одной стороны, мы подчинены законам этого мироздания, а с другой — если почувствовали в себе вибрации Абсолюта — как бы поднимаемся над ними.

Абсолют можно назвать еще и светящейся точкой соприкосновения падшего и непадшего человечества. Здесь — в поле тяготения несотворенного — они, наконец, становятся едиными.

«Абсолютное там, где кончается мысль».

— Это верно, — подтвердила Мария Вадимовна, — но мы говорим с вами не о Невидимом и Неназываемом, а о путях приближения к Нему. А самый надежный путь приближения к Нему — постоянство устремления нашего.

Ученье всех Учений — Устремленье

Под знаком Абсолюта. В этом все, — писал я впоследствии, развивая мысль Марии Вадимовны.

— Подумать об Абсолюте, — продолжала она, — значит соединиться с Ним и значит стать на самую твердую основу, ибо Абсолют — реальность, порождающая остальные реальности. Не употребляю слова «иллюзия», ведь иллюзия — та же реальность, но искаженная и искривленная. А раз так — то ей суждено выправление.

Не забудьте о простой и в то же время великой истине: человек есть то, о чем он думает. Это прекрасно понимал, например, Рамакришна, когда говорил: будете думать о Духе, станете Духом, будете думать о Боге, станете Богом. Продолжая Рамакришну, можно сказать: будете думать об Абсолюте, станете Абсолютом.

Однако нет нужды доказывать, что отождествление с Абсолютом коренным и решительным образом отличается от любого другого отождествления. Ведь как бы ни был высок предмет, к которому ты устремлен, он все же содержит в себе ограничения зрительного и слухового характера. Отождествляя с Абсолютом, исключаешь всякое

ограничение, ибо, по существу, ты отождествляешь себя со всем, что окружает тебя.

Но что это означает практически? А практически это означает, что ты отдаешь все свое внимание каждому явлению и что каждое мгновение жизни ты живешь как бы заново.

Мозг создан для беседы с Абсолютом.
Постигший это — возвратился в рай.

Удивительное и странное дело — ничто не воспринималось мной и не переживалось с такой обостренной силой, как это, казалось бы, сугубо абстрактное понятие:

Абсолют. Ничто — ни до, ни после — не заставляло в столь убыстренном темпе работать мое воображение. Впервые я, пожалуй, понял то, чего не понимал раньше или понимал лишь умом: «Отдай жизнь так называемым абстракциям — и ты вкусишь жизнь вечную».

И был целый период времени — он занял примерно месяц, — когда внешний мир как бы перестал существовать для меня. Вернее, он существовал, но как будто в каком-то тумане или полусне: я двигался и действовал в нем, но действовал автоматически и отстраненно, используя механизм привычки. А все мысли мои были сосредоточены на одном и том же, и одна и та же нота неотступно звучала во мне: «Свет Света, Огонь Огня, Бог Бога, тайна — с тобой, тайна — в тебе, тайна — ты, устремивший свой дух к Абсолюту».

Из этого состояния меня вывело заурядное происшествие. Была гололедица. Погруженный в свои размышления, я не разглядел гладкой ледовой площадки перед домом и тяжело грохнулся об асфальт. Падение было таким сильным, что я на мгновение потерял сознание. Острая боль в позвоночнике привела меня в чувство. Она не покидала меня в течение нескольких дней и поневоле заставила переключиться на другое. Постепенно я снова вошел в привычное русло жизни.

Вот некоторые из моих медитаций, родившихся в тот промежуток времени (нетрудно заметить, что они перекликаются с мыслями Марии Вадимовны).

Наверное, самая смелая смелость обратиться к истоку истоков — Абсолюту. Обращение к Нему, Неназываемому, означает воскресить в себе всех богов, все имена, звучащие и уже отзвучавшие, все человечество прошлого, настоящего и будущего.

Идти к Абсолюту — бессмыслица. Выявить Абсолют во всем, а значит, и в себе — единственно реальный, единственно верный путь. Как это сделать? Уделяй внимание Абсолюту, пусть кратковременное, но постоянное. Помни, что время, ушедшее на устремление к Абсолюту, превращается в Вечность и вовлекает тебя на орбиту Вечности, Причем немедленно, сейчас!

Пробудить в себе искру Абсолюта значит вспомнить о том, что ты беспределен. Радость, рожденная мыслью об Абсолюте, устремлением к Абсолюту, растворением в Абсолюте — радость совершенная, ибо в ней нет и не может быть страха. А если нет страха, значит, умерла личность и, значит, ты соединен со своим истинным «я».

Пустота, в себя вместившая мир, есть Абсолют. Мир, вместивший в себя пустоту, есть Абсолют. Пустота без мира и мир без нее невозможны. Это Майя, а истина есть Абсолют.

Осознавшего, что есть Абсолютное, приблизившегося к Абсолютному, ничто не может уже удивить, а может только радовать все, вынырнувшее из Океана Беспредельности.

Достигая слияния со Вселенной, я растворяю в себе Вселенную; достигая слияния с Абсолютом, я становлюсь Абсолютом, оставаясь самым собой.

Всеми способами следует тормошить дух, дабы он не заснул. Лучший из них — устремить его к Абсолюту.

Никогда еще очевидность так не торжествовала над сущностью. Никогда еще Майя не была так сильна, как сейчас. Война беспощадная — Майе! Ниспровергайте Майю! Устремлением к Абсолюту побеждайте Майю, и вы победите ее!

РУССКИЕ ГИМАЛАИ

1

Не помню, кому и когда пришла в голову эта мысль: отправиться на Алтай. В памяти моей осталось, что мы говорим об алтайской поездке как о чем-то уже твердо решенном; обсуждаем маршрут; намечаем конкретные даты выезда. Никто из нас — даже неутомимая путешественница Мария Вадимовна — в этих краях не бывал.

Разумеется, мы знали пророчества Рериха о будущем Алтая. Знали, что новой духовной цивилизации человечества — если планета наша сохранится — суждено развиваться именно здесь. Знали, что центр обновленной России должен переместиться сюда. Со слов Рериха знали даже название будущей духовной столицы России Звенигород.

Знали мы также полузашифрованный текст из «Криптограмм Востока» — о таинственном посещении святым Сергием Алтая. По свидетельству монахов его обители, игумен рассказывал о своем путешествии, но весьма скупое и сдержанное. Упоминал о Белой Горе, «но никогда не указывал места ее». Рассказывал о фантастических существах из иного мира, обитающих на Белой Горе. Рассказывал, как бы заглядывая в будущее; «Сани там без коней и для скорости могут летать».

И, наконец, мы знали апокрифическое сказание о Гаутаме Будде. Согласно этому сказанию, Белая Гора, она же Белуха, явилась кульминационным пунктом великого сокровенного странствия Будды по дорогам Азии (кстати, трансгималайская экспедиция Рерихов впоследствии в точности повторит этот маршрут). Здесь, на этой горе, где смыкаются — как утверждает древнее предание — токи земной и небесной Шамбалы, он принял космическое посвящение.

Священная гора, окутанная туманом и облаками, не всегда была доступна для взоров людей. Говорят, что еще в середине XIX века жители окрестных селений не подозревали о ее существовании. Лишь сегодня она открывается нам, что может восприниматься (согласно тому же сказанию) как обнадеживающий знак наступления новой эры.

Естественно, что вся эта информация, накладываясь одна на другую, лишь укрепляла нас в нашем намерении совершить

паломничество в русские Гималаи (так для себя мы теперь окрестили Алтай).

2

Разумеется, мы — в особенности я — отдавали себе отчет в трудностях предстоящей поездки. Мы отправлялись в места, где нельзя было рассчитывать даже на минимальный уровень удобств. Было неясно: как будем решать вопрос с транспортом и удастся ли решить его вообще? К тому же нас запугивали бездорожьем, дождями, энцефалитным клещом, которого, дескать, в тамошних лесах великое множество.

— У меня, — признавалась Надежда Михайловна, — то и дело вырастает заячий хвостик. Мне, конечно, не очень хочется ехать. И когда я обращаюсь к Учителю по поводу поездки, то втайне надеюсь, что его слова совпадут с моим желанием. Но нет, Он говорит прямо противоположное.

— Ну, если у вас лишь иногда вырастает хвост, — развил я эту тему, — то у меня заячий хвост присутствует постоянно.

Мария Вадимовна с неподдельным изумлением посмотрела на меня.

— Не может быть. Вы, конечно, шутите.

— Да нет, не шучу.

Надежда Михайловна приняла мою сторону.

— Я думаю, что у Валентина не один, а два хвоста выросли. Не только за себя боится, но прежде всего за нас.

Это было правдой. Ведь вместе со мной в экспедицию отправлялись три женщины: Мария Вадимовна, Надежда Михайловна и ее духовная дочь Галя. Младшей из них было за пятьдесят, старшей — под девяносто. Мало ли что могло случиться? И потом: где размещать? Как обеспечить питанием?

— Предлагаю самый лучший вариант, — заявила Мария Вадимовна, дух которой не ведал никаких сомнений. — Берем палатку. Устанавливаем ее в горах. Воздух, простор, красота.

Не думайте, что это говорилось в шутку. Это говорилось на полном серьезе.

Говорила еще Мария Вадимовна следующее:

— Алтай — это особое место сосредоточения магнетических токов. Собственно, комплекс Алтайских гор представляет собой

космический магнит, связанный напрямую с Орионом — центром нашей ориенталистской Вселенной,

Вы знаете, что, выполняя определенную задачу, я посетила Карпаты, Кавказ, Север, Памир. Остался Алтай. Я обязательно должна туда поехать. Это звучит во мне как приказ.

3

Организация поездки легла на меня, и начал я с того, что оформил себе творческую командировку от Союза писателей в Горно-Алтайск. Теперь я имел на руках официальные документы, что должно было — это я хорошо знал по предыдущему опыту — облегчить контакты с местными властями. Кроме того, случилось так, что мне удалось познакомиться с директором горно-алтайского издательства Аржаном Адаровым. Очень кстати — как раз накануне намечаемого нами отъезда — он оказался в Москве.

Я пригласил его к себе в гости. Изложил суть проблемы. Вначале сказал, что речь идет о моих родственниках, но потом, когда разговорились и я понял, что могу быть откровенным, признался, что не родственники это, а люди, близкие мне по духу; невзирая на более чем преклонный возраст, хотят прикоснуться они к священной земле Алтая. Аржан был растроган. Сказал: «Отныне можете полностью полагаться на меня».

Из Москвы наша группа отправилась на разных видах транспорта: мои спутницы — на поезде, я с Аржаном Адаровым — на самолете, дабы опередить их на несколько дней. За этот промежуток времени мы надеялись оцедить обстановку на месте и должным образом подготовиться к их встрече.

Полет до Барнаула я, по существу, и не почувствовал, потому что был поглощен беседой с Аржаном. По моей просьбе он «просвещал» меня насчет духовных течений Алтая.

— Самая древняя религия алтайцев, — говорил он, — шаманизм. Потом уже на Алтае как бы сошлись две религиозные волны: с Запада — христианская, с Востока — буддийская. Наибольшее распространение получил у нас белый бурханизм, особая ветвь последователей Будды. О ней упоминал Рерих в своей книге «Алтай — Гималаи».

По словам Адарова, белый бурханизм — это буддизм с явственной примесью язычества.

— Часть алтайцев приняла христианство, — продолжал Аржан, — часть стала под знамя Белого Бурхана. Естественно, что начались гонения на хранителей традиций шаманизма. Порою это принимало жестокие формы. Существует легенда о том, как были собраны все

шаманы в одной избе. Избу заколотили досками и подожгли. Сказали: «Если они настоящие чудотворцы, то пусть докажут это и выйдут невредимыми из огня». Сгорели все. Лишь один обернулся камнем и, когда погасло пламя, стряхнул с себя пепел и принял прежнее обличье. Но и его одного оказалось достаточно, чтоб доказать истинность древней религии и чтоб продолжалась она и по сию пору на нашей земле.

Многие наши легенды (вы несомненно заметите это), — обратился Аржан ко мне, — начинаются словами:

«Это было в то время, когда не было берез». Как вы понимаете, это не случайность. Дело в том, что все алтайские предания сходятся в одном пункте: когда-то в нашем крае не росло ни одной березы. Другой климат здесь был, Другой пейзаж. И другой народ здесь жил. Назывался он Чудью. Когда появилось необычное дерево. Чудь увидела в этом недобрый знак для себя. Она восприняла его как предвестник наступления Белого Царства, крайне враждебного ему, приверженному черной магии. И ушла Чудь под землю в Царство тьмы, оставив после себя курганы, обложенные камнями. В крае поселились нынешние алтайцы. Памятуя о том, что именно береза изгнала Чудь из Алтая, мы почитаем ее как священное дерево. Впрочем, как священное дерево, имея, очевидно, веские причины для этого, почитала березу и языческая Русь. Также благоговейно относятся к ней и староверы, живущие на Алтае: они видят в ней символ грядущей победы над тьмой христианской Шамбалы — Беловодья.

Название «Алтай» многие лингвисты, — говорил Аржан, — выводят из татарского слова «алтын», что означает золото. Но есть и другая версия, по которой совершенно тождественными понятиями выступают слова «Алтай» и «Родина». Мне же кажется, что версии не противоречат друг другу, а название «Алтай» может быть переведено следующим образом: «Золотая Родина».

Во всяком случае, — добавил Аржан, — это отвечает духу нашего фольклора, этому стихотворению, например (обратите внимание на своеобразную мистику чисел в нем):

Треуголен ты, Хан-Алтай,
Когда взглянешь ты с высоты,
Со стороны поглядишь на тебя,

Ты блистишь как девятигранный алмаз!

Благодаря командировочному удостоверению я получил номер в центральной гостинице Горно-Алтайска. Но здешним масштабам это был почти что люкс: отдельная комната да еще с умывальником.

Гораздо сложнее обстояло дело с размещением наших дам. Свободных мест в гостиницах, как всегда, не было, а если и было, то нас не устраивало: комнаты типа общежития по семь-восемь человек в каждой.

Но выход все-таки нашелся. Аржан вспомнил, что у него есть знакомый, который работает начальником турбазы под Чемалом. Мы немедленно отправились туда.

База располагалась в живописнейшей местности в обрамлении гор и лесов и носила название «Катунь». Разумеется, мы прекрасно понимали, что такое лагерь для туристов: обилие людей, шумные сборища у костра, песня за полночь под гитару. Но, с другой стороны — обеспечивалось жилье (две уютные комнаты с небольшой верандой) и полный пансион, что снимало все заботы о питании. Я согласился не колеблясь. Тем более что считал чемальский лагерь лишь перевальным пунктом нашего путешествия. Передохнув, мы должны были проследовать по алтайскому маршруту Рериха. Мы планировали побывать в Усть-Коксе, Верхнем Уймоне и обязательно у подножия Белухи (на этом, как на главной цели поездки, настаивала Мария Вадимовна).

Поезд из Москвы прибывал в Бийск ранним утром. Чтобы успеть к поезду, чтобы, не дай Бог, не опоздать (от Горно-Алтайска до Бийска примерно сто километров), мы выехали с Аржаном в два часа ночи.

Аржан восседал за рулем. Он недавно приобрел машину, прошел курс обучения и, как всякий неопит, был чрезвычайно уверен в своих знаниях как писанных, так, главное, и неписанных законов вождения. Утверждал, что обладает своего рода рецептом, гарантирующим от катастроф и происшествий.

— Надо соблюдать правило трех «д», и тогда ничего с тобой не случится.

— А что такое три «д»? — любопытствовал я.

— Дай дорогу дураку, и все будет в порядке, — авторитетно заявил Аржан.

Так как мы выехали с солидным запасом времени, то иногда останавливались, чтобы полюбоваться искрящимся сверкающим небом. Звезды, крупные и яркие, — гораздо ярче, чем у нас, в Москве, — стояли над головой. Аржан объяснял, как называются они по-алтайски. Большая Медведица — созвездие Семи Ханов. Полярная звезда — Золотой Кол. Считалось, говорил он, что к нему привязывают своих огненных коней небесные богатыри.

Мы мчались мимо тополей, выстроившихся вдоль дороги. Тишина. Ни единой души. Редко-редко вынырнет навстречу машина с зажженными фарами. Да еще однажды наткнулись мы на зайца, мирно дремавшего на асфальте. Увидев нас, он испуганно порскнул в кусты.

Около часа мы ждали поезда, а потом выгружали из вагона бесчисленное количество чемоданчиков, узелков, авосек. Пришел на помощь носильщик. Багажник «Жигулей» забили до отказа; часть вещей взяли на руки и — в путь.

Постепенно дамы стали приходить в себя, и, конечно, красота окружающих пейзажей привела их в восторг.

На границе, официально отделяющей Горный Алтай от степного, мы сделала остановку.

— По старому обычаю, — сказал Аржан, — здесь полагается отдать поклон Алтаю.

Мы разбрелись в разные стороны, дабы в одиночестве и безмолвии совершить положенный ритуал. А Галя спустилась к Катунь и окунула лицо и руки в воду.

— Причастилась, — заявила она.

— Сейчас все причастимся, — пообещал Аржан. Вскоре он затормозил у деревянного сруба родника, священного родника, по словам Аржана. Когда-то со всего Алтая шли к нему паломники. Потом за это стали преследовать. Но традиция не умерла, а сейчас как бы обрела полуофициальное признание. Во всяком случае, теперь никто не воспрепятствует человеку омыться водой из родника и привязать к ветке священного дерева над родником платочек или ниточку.

Мы уже обратили внимание на это дерево и гадали, почему оно, как праздничная елка, обвешано разноцветными кусками материи.

— Существует поверье, — пояснил Аржан, — если вы завяжете узелок на священном дереве и загадаете желание, то оно исполнится.

По примеру паломников мы причастились водой из родника и снова — в машину.

И вот мы—в лагере. Наше появление, как и следовало ожидать, вызвало сенсацию. Представляю, какое эффектное зрелище являла собой наша группа: Мария Вадимовна в панамке и с маленьким рюкзачком за плечами, Галя тоже в панаме и с большим рюкзаком за плечами. Надежда Михайловна, грузно опирающаяся на палку, напоминающую посох, и мы, сопровождающие их. Помню, как изумленно и суеверно-почтительно расступались перед нами люди в штормовках, какими взглядами провожали они нас. А уж какие строились предположения на наш счет — об этом можно только догадываться. Единственное, о чем я узнал впоследствии, что на какое-то время мы стали предметом острого любопытства среди туристов, причем все они сошлись на одном: только сумасшедший мог поместить в молодежном лагере других сумасшедших, сбежавших, по всей вероятности, из дома для престарелых.

— Священные горы непредсказуемы, — еще в Москве предупреждала нас Мария Вадимовна, — и нужно быть готовым к тому, что могут возникнуть препятствия и осложнения.

Они и начались, и начались сразу, как только выехали мы с Аржаном Адаровым из ворот чемальской турбазы. Препятствие обрело форму автобуса. Идет посредине, загораживая проезд. Аржан сигналиит, чтобы тот уступил дорогу. Никакой реакции. Аржан нервничает. Я, словно предчувствуя что-то недоброе, говорю: да не обращай внимания, пусть едет как едет, куда нам торопиться. Но Аржан продолжает сигналить все яростнее и яростнее. Наконец, вроде бы автобус сдвинулся вправо. Мы — на обгон. Некоторое время идем впритык, чуть не касаясь боками друг друга. Обогнали. И вот тут Адаров во власти справедливого негодования обернулся и погрозил шоферу кулаком. И в то же мгновение мы очутились в кювете. От растерянности вместо тормозов Аржан нажал на газ. На газующей машине мчим в кювете. Нам еще повезло, что канава была неглубокой и что мы Еаткнулсь на какой-то валун. Машина остановилась, запрокинутая на левый бок.

Моя дверца действовала, и я выбрался на волю. Вслед за мной вылез и Аржан, продолжая ругать шофера автобуса, но теперь уже за то, что он бросил нас в беде и скрылся с глаз долой.

— А как же правило трех «д»? — пошутил я, чтобы как-то успокоить Аржака.

— Забыл! — воскликнул он.

Ждать помощи нам пришлось недолго. Вскоре показался «рафик». Остановился. Из него высыпала группа людей. Они направлялись в лес по грибы. Начали ломать голову, как вытащить нас из канавы. Дело в том, что ни у них, ни у нас не было троса. Потом откуда-то появилась веревка. Но при первом рывке она оборвалась. Тогда веревку сложили вдвое и с двух концов закрепили тугими узлами. «Рафик» дернул, и наша машина медленно поползла вверх. И вот она на шоссе — грязная, крыло смято, дверцы тоже. Но пострадал, как выяснилось, лишь внешний вид. А мотор и все остальное — в полном порядке. Поэтому мы благополучно добрались до города. Но, конечно, Адаров был расстроен и укатил в Бийск, чтобы отремонтировать машину.

А на другой день утром — я не успел еще позавтракать — телефонный звонок. Беру трубку. Слышимость ужасная. Но сквозь треск и разряды различаю Галин голос. Галя говорит:

— Возьми машину и приезжай к нам сегодня.

Я объясняю, что Адарова нет в городе и потому приехать к ним не могу.

— Обязательно приезжай, — настаивает Галя. — Баба Надя сломала руку, и ее необходимо доставить в больницу.

Бросаюсь на поиски транспорта. Хотя в Горно-Алтайске почти никого не знаю, машину все-таки добыл: опять помогли служебные документы. Приезжаю. Надежда Михайловна сидит на веранде с забинтованной рукой. Вид у нее не столько печальный, сколько смущенный.

— Извините, — говорит, — что доставляю такие хлопоты.

— Как же это случилось? — спрашиваю.

— Галя пошла на почту давать телеграмму в Москву. Правда, сделать ей это не удалось. Накануне молния ударила в телеграфный столб, и связь не работала. А я одна решила помыться. Как вы знаете, эти удобства у нас здесь на улице. Поскользнулась, упала, и вот результат.

Я доставил Надежду Михайловну в больницу где-то в одиннадцатом часу ночи. Невзирая на позднее время, ей тут же сделали рентген. Глубокий перелом двух костей. Дежурный врач распорядился, чтоб ее положили в палату.

Через несколько дней Надежду Михайловну выписали, и я опять отвез ее в чемальский лагерь. Разумеется, ни о каких передвижениях — пока не срастутся кости — ей нечего было и думать. Покой и уход.

Так что в наши планы пришлось вносить коррективы. В конечном счете, решили, что женская группа в полном составе останется на турбазе «Катунь», а я во исполнение намеченного проеду по маршруту алтайской экспедиции Рериха и обязательно побываю у подножия Белухи.

— Без этого, — подчеркнула Мария Вадимовна, — цель поездки не будет достигнута.

Не буду останавливаться на подробностях своего путешествия к Белухе. Об этом я писал в стихах и других книгах. Белую Гору я наблюдал со стороны Тюнгурского озера, и концентрацией космического света показался мне снег, сверкающий на ее вершинах. Как и договаривались, я обратился к ней от себя и своих спутниц и мысленно произнес: «Благослови нас, Белуха!»

На обратном пути, естественно, я заехал в чемальский лагерь. Все были в сборе. Надежде Михайловне стало значительно лучше. Положение — чувствовалось — стабилизировалось, и удивительный дух тишины и покоя витал над верандой, где мы сидели и откуда открывался величественный вид на зеленые волны Катуней и зеленый массив лесов, покрывавших горы.

Я рассказал своим спутницам о том, что увидел, и о том, что пережил во время поездки. Больше всего — об Усть-Коксе, которую называют сердцем Алтая, и о Белухе. Посожалел, что не удалось им побывать там, где побывал я.

— Это не совсем так, — улыбнулась Мария Вадимовна. — Мы все увидели вашими глазами и почувствовали вашими чувствами.

А то, что случилось с нами в нашей экспедиции, должно восприниматься как урок и предупреждение. Противодействие темноты здесь, в зоне сгущения света, неизбежно, и оно будет нарастать и нарастать, пока не выльется в открытое сражение. Мы с Надеждой Михайловной до этого не доживем. Вы — доживете.

Алтай предназначен для будущего. Но так как об этом знаем не только мы, но знают и темные, то они сделают все, чтоб уничтожить базу для будущего. Поэтому как бы предопределено, что главный накал битвы света и тьмы будет именно здесь, на Алтае. Поэтому мы и обязаны быть особо бдительными ко всему, что происходит на берегах Катуней, ибо все, что здесь происходит, решительным образом скажется на равновесии Земли и даже Космоса,

Вопрос стоит так: отстоим Алтай — отстоим будущее. Не отстоим — значит, нет у нас будущего, во всяком случае, на планете Земля.

Мы возвращались в Москву через Барнаул. Из Горно-Алтайска вылетали в ясную безоблачную погоду. Сверху алтайская земля вставала совершенно в ином ракурсе. Резко и отчетливо она обнажала напластования веков, и горные ущелья казались древними тайниками, а горы—не все, но некоторые из них—были удивительно похожи на пирамиды.

— Должна признаться, — адресовалась Мария Вадимовна ко мне, — что на Алтае во время медитации я испытала исключительной силы переживание. Я увидела — причем и видением это не назовешь, настолько это реально, — Храм Параклета посреди Алтайских гор. И знаете, что он больше всего напоминал своими очертаниями? Русский православный собор.

— В этой связи, — сказал я, — могу сообщить следующий факт: Юрий Николаевич Рерих в сокровенных беседах говорил, что со временем на Алтае будет воздвигнут Храм, а в основании Храма ляжет Камень, о котором повествуется в «Криптограммах Востока». То же самое говорил мне и Святослав Николаевич. Он говорил также, что это будет Храм Махатм, Храм, где будут почитаться все Махатмы.

— Значит, все правильно, — поставила точку Мария Вадимовна. — Храм Махатм, он и есть Храм Параклета, ибо в нем сольются и соединятся все духовные течения.

Но дело, разумеется, не в названии. Главное, что он заповедан. Главное, что он будет на Алтае. Главное, что в основу его ляжет Камень, пришедший к нам с Ориона.

КОВЧЕГ

1

Число людей, группирующихся вокруг Марии Вадимовны и Надежды Михайловны, было невелико: всего несколько человек. Появлялись, правда, иногда и другие люди: или те, с которыми мы хотели познакомить Марию Вадимовну и Надежду Михайловну, или те, с которыми нас хотели познакомить Мария Вадимовна и Надежда Михайловна. Но обычно мы встречались в узком кругу. Мария Вадимовна высоко ценила саму возможность общения нашего и считала, что мы составляем как бы одну духовную ячейку. Она говорила:

— Мы — буквы, стоящие рядом в Слове Отца Небесного.

Могу признаться — никогда не был счастлив, как в эти дни. Я жил в состоянии постоянного душевного подъема, который не могли тогда омрачить ни суета, ни внешние трудности. Единственное, что вызывало во мне подчас чувство грусти, так это мысль о неизбежном. А она посещала меня, и никак не хотелось привыкать к ней.

Сама же Надежда Михайловна (как и Мария Вадимовна) относилась к предстоящему (и по всей вероятности, скорому) уходу из жизни абсолютно спокойно.

— Если мы и задержались на земле, — не раз говорила она, — то не ради себя, а ради вас, ради того, чтоб приобщить вас к знаниям, совершенно для вас необходимым.

Надо сказать, что в вопросах духовной морали Надежда Михайловна и Мария Вадимовна были пуритански чисты. Если что и могло нарушить их духовное равновесие, так это намек на их исключительность и особую значимость. Помню, как кто-то из нас, адресуясь к Марии Вадимовне, обронил неудачную фразу: «Видите, какие у вас нерадивые ученики».

Мария Вадимовна была возмущена до глубины души.

— Большой обиды мне нельзя и нанести, — резко сказала она. — Все мы ученики, и, может быть, я более нерадивая ученица, чем вы.

Избегайте, — говорила она, — людей, которые пытаются помочь вам **собой**, а не **через себя**. Когда хотят воздействовать исключительно силой своего личного авторитета, знайте, что вы имеете дело с явлением сугубо материальным, но рядящимся в одежду духовную.

Это не выход за границы физического плана бытия (как может показаться с первого взгляда), а утверждение себя на физическом плане и, значит, ограничение себя материальными рамками. Темные любят таких людей и используют их. Так и появляются лжепророки, лжеучителя и даже лжехристы, от которых предостерегает Евангелие.

Не преувеличивайте, ради Бога, мою роль (это уже непосредственно относилось ко мне). Не от меня вы получаете то, что получаете. Все это в вас было, но было неосознанным; моя же задача состояла в том, чтоб оформить в слова то, что было уже у вас на душе. Так что благодарить следует не меня, а себя, а вернее — Бога, пробуждающегося в вас.

Поездку на Алтай Мария Вадимовна считала завершением своей земной миссии.

— Это мое последнее путешествие, — заявила она. Так и получилось. Теперь уж она безвыездно жила в своей квартире. Силы постепенно покидали ее. Начала прогрессировать глухота, смущавшая и раздражавшая ее. К тому же дом наметили к сносу. Мария Вадимовна переехала к своей родственнице и практически оказалась недосыгаемой для нас. Родственницу невозможно было застать дома, а Мария Вадимовна не откликалась на звонки. Она как будто хотела, чтоб мы не узнали о ее смерти и не присутствовали на ее похоронах, чтоб только живой осталась она в памяти нашей.

Что же касается Надежды Михайловны, то после Алтая она несколько раз выезжала в Литву. Там образовался своеобразный филиал нашего кружка, и Надежда Михайловна отправлялась туда летом в период отпусков и каникул. Не столько для отдыха, сколько для духовной работы с людьми.

Накануне ее очередного отъезда — это было летом 1980 года — я пришел к Надежде Михайловне. К тому времени у меня сформировался замысел книги, которая получила впоследствии название «Семь дней в Гималаях». Она одобрила его и сказала:

— Если удастся реализовать задуманное, то тем самым донесешь и раскроешь людям главные законы духовной жизни, действующие на физическом плане. Такая книга тем более необходима, что она должна противостоять тому астральному опьянению, которое, наподобие эпидемии, охватило сейчас многих людей: столько искривлений, столько лжеучителей, столько ищущих путей в Шамбалу в отрыве от жизни и своих обязанностей перед нею. Книга покажет, что только в сером обычном дне и возможно духовное прозрение. Она может как бы стать путеводителем в трудной современной будничной жизни.

Прощаясь, Надежда Михайловна перекрестила меня на счастье. Это была последняя наша встреча.

31 августа в воскресенье ранним утром меня разбудил телефонный звонок. Звонила из Вильнюса наша литовская знакомая — Ирэна. Рыдая, сообщила, что вчера скончалась Надежда Михайловна.

Смерть настигла ее, как истинную праведницу, в пути. Вот как это случилось.

Надежда Михайловна поселилась в Неринге недалеко от моря. Ритм ее жизни был обычный, а значит, напряженный: встречи с людьми, беседы, ответы на бесконечные вопросы. Конечно, она уставала, но ничто не предвещало смертельного недомогания. Когда ей стало плохо, вызвали реанимационную машину. Врачи сказали, что ее немедленно надо отвезти в Клайпеду. Погрузились на паром. Шел проливной дождь. Надежда Михайловна лежала на носилках в окружении группы людей. На ее лице было недоумение. Прошептала: «Неужели это конец? Ведь я еще так нужна людям». Потеряла сознание, но снова пришла в себя. Сказала: «Всех вас люблю. Простите».

С этими словами она и ушла из жизни.

Не думал, что когда-то обращусь к воспоминаниям о Надежде Михайловне и Марии Вадимовне и сокровенным страницам воспоминаний на предмет публикации. Я был более чем уверен, что рассчитывать на это при жизни своей (а уж тем более в ближайшие годы) бессмысленно. Но, по счастью, оказался плохим провидцем. И, как всегда, оказалась права Мария Вадимовна, которая утверждала: «Наше время подвержено столь быстрым изменениям, что ныне никакие пророчества невозможны».

Пожалуй, самое сокровенное в книге моих воспоминаний связано с **эффектом присутствия Учителя**. Этот эффект проявлялся для меня совершенно реально, хотя я не обладал способностью непосредственно видеть Учителя. И не в словах, получаемых особым способом (по «беспроволочному телеграфу»), заключался для меня этот эффект. А в вибрации, сопровождающей слова и даже предваряющий их. Я ощущал эту звенящую музыкальную ноту всякий раз, когда бывал у Надежды Михайловны и Марии Вадимовны. Причем она возникала не только тогда, когда Надежда Михайловна выступала в роли проводника, но и тогда, когда мы вели свои обычные беседы. Правда, со стороны, наверное, эти беседы могли показаться необычными, потому главное внимание мы концентрировала на космических проблемах человеческого бытия. И прежде всего на современном, почти апокалипсическом состоянии мира.

Вот что, например, звучало под сводами комнаты Надежды Михайловны от имени Учителей.

«Сейчас, как никогда, обостряется борьба между светом и тьмой, и отзвуки этой борьбы вторгаются в повседневную жизнь. Темные готовы на все, они готовы даже физически уничтожить планету, лишь бы не допустить на ней появления Параклета. Тьма сегодня стремится пролезть в любую щель, но сама ярость, с которой она бросается очертя голову куда попало, свидетельствует о бессилии ее».

И еще:

«Почти две тысячи лет назад апостолы заявляли: «Время близко». То же самое Мы повторяем теперь: «Время близко. Свет идет». Но, естественно, перед приходом Света сгущаются волны темноты. Не бойтесь. Когда увидите или почувствуете эти волны, говорите себе: «Значит, Свет близок. Он идет».

И еще:

«Человечество поднимается на новую ступень бытия, вступает в сферу действия новых ритмов. Конечно, так называемый «конец мира» для всей ориенталистской Вселенной наступит в конце седьмой манвантары, а до этого еще далеко. Но когда та или иная планета переходит из одной космической эпохи в другую, когда происходит смена эпох, для планеты наступает критический период, и она может погибнуть, то есть апокалипсическое время может проявиться для нее ранее намеченного срока. Сейчас такой период смены космических эпох переживает планета Земля. Несомненно, что идет отбор душ; он совершается в Тонком Мире: большая часть их будет проходить эволюцию на иных, более низких по уровню развития, планетах, меньшая — на очищенной и преображенной Земле.

Земля — живое существо, и она реагирует на искажения людские стихийными потрясениями. Но определенное пространство Земля ограждает для будущего. Стихии не посмеют тронуть этот массив».

— Что означают слова Учителей о массиве, как бы зарезервированном для будущего? — сказала Надежда Михайловна. — Они означают, что ковчег для спасения человечества уже сооружен. В отличие от Ноева, он планетарен и даже космичен. И этот Ковчег — Россия. Да, да, именно Россия, потому что, как вы знаете, Учителя достаточно четко обозначают общие контуры заповедного пространства: Центральная Россия, большая часть Сибири.

О том, что России предназначено стать особым, решающим фактором в период смены космических эпох, известно давно. Но из этого со всей непреложностью следует, что лишь вовлеченные в ее духовную орбиту и могут рассчитывать на подключение к новой эволюции планеты. Остальное будет отсечено.

— А как же быть с отколовшимися частями планеты? — спросил я. — Неужто неизбежно обречены они на гибель?

— Не надо абсолютизировать и превращать в застывшие догмы слова Учителей, — отвечала Надежда Михайловна. — Они сами протестуют против этого и все время напоминают: «Может не значит будет». У людей до последнего момента есть выбор, ибо их свободная воля воистину способна творить чудеса.

Молитесь, чтоб отколовшиеся части планеты осознали трагичность своего положения. Молитесь, чтоб среди довольства и благополучия воззвали они о спасении. Да, не всем суждено ступить на борт ковчега, но ковчег в состоянии взять на буксир отдельные лодки и плоты, причалившие к нему.

— Механизм спасения человечества сам по себе не сработает, — продолжала Надежда Михайловна. — Формула «может не значит будет» в полной мере применима и к нам, проживающим на просторах обетованной территории. Все, буквально все зависит от свободной воли нашей, столь искривленной в недавнем прошлом. Мария Вадимовна права. В известном смысле мы уже повторили судьбу Иудеи. Разве иудеи, как и мы, не мечтали об утверждении рая на земле? Мечтали и связывали свои надежды с приходом Мессии. Но в каком виде рисовался Он им? Закованным в броню, одетым в пурпурные одежды. То есть воплощением материальной физической силы, призванной установить мировое владычество иудеев. Это и был, по их представлениям, рай на земле, но предназначенный, естественно, лишь для избранного Богом народа. Когда же появился Мессия, но не в праздничных, а будничных одеждах я не только отверг применение физической силы, но и сурово осудил ее, иудеи отвернулись от Него и в негодовании казнили Его, ибо были обмануты в вековых своих ожиданиях.

Но посмотрите на Россию после октября семнадцатого года. Разве не взяла она на себя роль своеобразного Мессии, долженствующего возглавить процесс обновления планеты? Беда, однако, заключалась не в самом стремлении насадить рай на земле (теперь уже не для избранного народа, а для всех народов земли), а в методах, которыми насаждался этот так называемый рай. В него загоняли, можно сказать, под страхом смерти: прикладами и штыками. То есть на новом витке истории повторялась старая ошибка и творилось воистину абсурдное дело: грубой материальной физической силой пытались внедрить в жизнь нематериальные идеи высокого духовного плана.

Опять все ставилось с ног на голову. Опять искажались пути человеческие. Искривлялась карма страны. Искривлялась донельзя, и боюсь, что в скором будущем нам предстоит пройти через искупительный период выправления кармы. А начаться он должен с нашего отказа от того, к чему мы так привыкли — отказа безусловного и бесповоротного — от применения силы для доказательства своей правоты. Но это не будет означать поражения самой идеи, с которойросло наше сознание. Наоборот. Это будет означать ее усиление.

Если идея по-настоящему еще и не работала, то только потому, что начисто игнорировалось главное: духовная сторона дела. Ведь Маркс, провозгласив знаменитый лозунг — «От каждого — по способностям, каждому — по потребностям», — объявил его далеким идеалом и таким образом дал основание считать его утопическим.

А на самом деле не был он утопическим и давно уже — задолго до Маркса — реально воплощался в жизнь. Где? — спросите вы. Отвечу: в Сергиевой обители, в Оптиной пустыни, в гималайских буддийских общинах.

Именно там и осуществлялся коммунистический постулат: «От каждого — по способностям» (отдавали Богу, что могли), «каждому — по потребностям» (потребности были разумны и потому невелики).

Скажу более: спасение мира и человечества зависит ныне единственно от того, сумеем ли мы утвердить духовную основу этого принципа повсеместно, а не только за стенами монастырей и ашрамов и не только среди монахов и отшельников. Ведь тем самым мы, наконец, разрубим гордиев узел экологических и экономических проблем.

Речь не идет, однако, о крайностях — об аскетизме или умерщвлении плоти, — речь идет о золотой середине в повседневном бытии и поведении вашем: усмирении алчности всевозрастающих желаний, о сознательном ограничении потребностей. Подчеркиваю: «сознательном» и, следовательно, добровольном, а это возможно, как вы понимаете, лишь на путях духовно-нравственного преображения.

Почему именно на наши плечи, очевидно, и ляжет эта задача? Не только потому, что она отвечает русскому характеру, но и потому, что мы прошли сквозь кровавый ад и унижительное чистилище насильственного социализма и в мучениях и страданиях приобрели опыт, который, думается, может гарантировать от повторения ошибок и иллюзий прошлого. Нам будет нужен не новый Ленин, а русский Махатма Ганди.

Если разобраться, идея коммунизма наиболее четко была сформулирована и наиболее последовательно была разработана Христом, и потому выступать против нее значит выступать против Христа. Лишь тот, кто не пытается вникнуть в духовный смысл понятия, может примириться с мыслью о тотальном крахе коммунизма как такового. Она, эта мысль, — исподволь и во всеуслышание —

несомненно внушается темными, ибо кто, как не они, заинтересованы в том, чтоб не было у нас грядущего, чтоб мы поверили, что нет у нас грядущего. Вот почему мы не имеем права, что бы ни творилось вокруг, отступать и отказываться от своей миссии: утверждать духовное небо на нашей грешной земле.

— А если откажемся? — спросил я. — Что тогда?

— Тогда Россия перестанет быть Россией. Тогда будет перечеркнут духовный смысл ее существования, а значит, духовный смысл всей современной цивилизации. Тогда некому будет обживать ковчег, и ковчег, предоставленный сам себе, неизбежно проржавеет и разрушится.

И вот что еще запомнилось мне из бесед с Надеждой Михайловной.

— Резолюция семнадцатого года как бы рассекла Россию на две части: собственно Россию и Россию эмигрантскую. Вдали от Родины в русских колониях, разбросанных по всей земле, шла интенсивная культурная и религиозная жизнь. И главным духовным свершением зарубежной России несомненно следует признать Живую Этику, или Агни Йогу, или — что то же самое — Учение Махатмы Мории. Благодаря самоотверженным усилиям Рерихов — Елены Ивановны и Николая Константиновича — это Учение стало достоянием мира.

Как известно, Блаватскую и Рерихов связует в единое целое имя Учителя Мории. Но если задачей Блаватской было раскрытие великой значимости Индии для духовного развития человечества, то задачей семьи Рерихов было раскрытие структуры и законов Тонкого Мира и Мира Огненного. Само название — Агни Йога — как бы свидетельствует о том, что она ставит целью выявить для человеческого сознания исключительно важную роль стихии огня (огня не только сжигающего, но и озаряющего и пронизывающего всю материю) на разных этапах развития человечества и особенно на современном — знаменующем приближение эпохи Святого Духа, эпохи Параклета.

Как вы знаете, Рерихам было доверено поднять над Землей Знамя Шамбалы: три красных круга, находящихся в красной окружности. Общепринятое толкование символа таково; прошлое, настоящее и будущее в Кольце Вечности. Но символ этот слишком многопланов, чтоб можно было ограничиться одной-единственной трактовкой. Он может, например, восприниматься и как олицетворение незыблемого единства трех Миров: Физического, Тонкого (два нижних круга) и Огненного (верхний круг). В своем гармоническом сочетании эти круги образуют треугольник, где реализуются идеи Божественного Творчества.

В решающий момент противостояния сил света и тьмы — Рерихи называли его Армагеддоном — был поднят стяг Шамбалы и пришла к людям Агни Йога. В решающий. Ведь главный мотив Агни Йоги —

это призыв к немедленному объединению Сил света против тьмы во имя спасения планеты.

Мне уже приходилось говорить, что Надежде Михайловне чрезвычайно претили слепое безоговорочное преклонение перед чужими духовными авторитетами и недооценка собственных.

— О, сколько людей, — сокрушалась она, — не принимая христианства в его церковном облачении, бросается под купола других религий, не дав себе труда вникнуть в сущность той, что предназначена их земле! А мы ведь живем на территории, насыщенной молитвами наших предков, что создает особую атмосферу и защитную сферу над нами. Так почему же отказываться от этой помощи, не обретя еще толком другой?

— Если бы эти люди, — продолжала Надежда Михайловна, — занялись всерьез сопоставлением тех же индийских источников, предположим, трудов Вивекананды, с христианскими, то, во-первых, они бы обнаружили внутреннее единство этих источников, а во-вторых, непременно пришли бы к выводу, что христианство — в его сокровенной сущности — представляет собою новый этап духовного развития человечества.

В чем кардинальные особенности этого этапа? Да в том, например, что после Христа отпала необходимость в пути йогизма. Христос своим появлением создал возможности для всего человечества, а не только для избранных. Исчезла также надобность в ритуалах и магических обрядах, ибо непосредственное обращение к Христу приобщает нас — и приобщает немедля — к надземному и надвременному истоку.

Мы не замкнуты в рамках данной планеты, ибо человечество космично, — вот мысль, которую обязательно должно усвоить, дабы приблизиться к следующей: не может не быть космичной церковь Христа. И каждый, кто пережил и прочувствовал Вечность в себе и вокруг себя, причастился к таинствам этой церкви. Благовест ее раздается повсюду, и не только на планете Земля, но и в Космосе, и не только в нашей Вселенной, но и во всех Вселенных, которых бесконечное множество.

В «Толковой Библии» дореволюционного издания можно прочесть, что существуют разные точки зрения на приход Духа Утешителя. Одни считают, что Он обязательно обретет земное воплощение и будет выступать как отдельная самостоятельная личность. Другие считают, что этого не произойдет, а грядущий приход Духа Утешителя напрямую связывают с возвращением Христа, твердо обещанным евангелистами.

— Я разделяю вторую точку зрения, — говорила мне Мария Вадимовна, — и вот почему. Земное воплощение Параклета явится таинством особого рода. **Он не будет воплощен физически.** Почему? Да потому, что это означало бы неприемлемое для него ограничение. «Дух дышит где хочет». В эпоху Святого Духа в полной мере должен быть реализован именно этот закон.

Новое будет состоять в том, что на земном плане вещественно и зримо начнет действовать структура невидимого плана бытия. Причем она, эта структура, станет восприниматься как реальность органами чувств человека, которые к тому времени чрезвычайно утончатся.

«Видимый невидимо» — так можно сказать о Параклете.

Но то же самое — «видимый невидимо» — можно сказать и об Иисусе Христе, который после воскресения стал недоступным физическим очам человека.

— Судите сами, — продолжала Мария Вадимовна. — Бог воплотился физически в Иисусе и в том же теле, но теперь уже преображенном и неподвластном смерти, остался с нами и будет оставаться с нами до скончания века. Но что же получается, если стать на позицию сторонников земной материализации Духа Утешителя? Получается, что Бог должен развоплотиться и найти другую физическую оболочку. Или он должен раздвоиться, что противоречит сущности Бога Единого. Достаточно так поставить вопрос, чтобы понять, что после Христа все изменилось космически. **После Христа никто не может претендовать на роль Мирового Учителя или объявлять себя воплощением Бога Единого.** Это или абсурд помраченного рассудка, или искушение, посылаемое темными.

Как известно, эпоха Святого Духа должна ознаменоваться вторым пришествием Христа. Что это означает? Это означает, что внутренняя

организация человека преобразится настолько, что нам станут доступными вибрации высочайшего плана и мы сможем, не рискуя ослепнуть, увидеть наконец-то воочию Иисуса Христа в его сверкающем физическом теле.

— Путь каждого человека интуитивно-личный, — не раз повторяла Мария Вадимовна. — Помните об этом. Идите, невзирая на каноны и даже противореча канонам. Исполняя законы Кармы, внутренне будьте абсолютно свободными, если хотите соответствовать духу новой эпохи.

Особенностью Учения Параклета является то, что оно не предполагает наличие Учителей на физическом плане. Учись быть Учителем себе и душе своей — вот, пожалуй, главный постулат Учения этого.

Тело человека — Храм, говорил Иисус Христос. Твое — тоже. Так почему же ты должен звать в этот Храм чужого священника? В своем Храме сам становись священником и даже первосвященником.

Мусульманский символ веры гласит: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк Его». По аналогии кредо последователей Учения Параклета могло бы быть сформулировано следующим образом: «Святой Дух живет в каждом, и каждый может стать проводником Его».

— Однако не надо связывать эпоху Святого Духа с какими-то особыми феноменами, — говорила Мария Вадимовна. — Феномены будут, но скорее как испытание для неокрепшей души человеческой. И не на них нужно сосредоточивать внимание. Главное содержание эпохи будет состоять в том, что перед каждым человеком так или иначе, в той или иной форме, но обязательно будет поставлена проблема окончательного выбора. Никто не будет обойден.

И вот тут неожиданную и даже решающую роль, очевидно, сыграют средства массовой информации: и печать, и радио, и телевидение. Во многом именно благодаря им и осуществится своеобразный референдум, который разделит человечество на две части: на тех, кто отзовется на Голос Духа, и на тех, кто не отзовется.

Как и завещано, все тайное станет явным. Это тоже одна из характеристик новой эпохи. Труднейший и ответственный момент предстоит пережить в связи с этим всем, но особенно провозвестникам и вестникам Нового Учения, объемлющего все духовное на Земле. Правда, костер и распятие, как в прежние времена, им, слава Богу, теперь не грозит, однако к нападкам, клевете, унижению, поношению они должны быть готовы. Но волна отрицания будет стихать перед ровным спокойствием духа.

— Надо уметь не только высказывать верные мысли, — говорила Мария Вадимовна, — но и уметь облекать их в прекрасную форму. Почему столь важна функция искусства? Да потому, что не всякий человек способен постичь высоту великих истин, но почти всякий человек может почувствовать красоту звучания поэтических строк или музыки, и она может пробудить в нем нечто, глубоко запрятанное.

Сила поэтического слова, — продолжала она, — даже еще ненапечатанного, даже еще непрочитанного, исключительно велика. Ведь оно воздействует не только на людей, но действует и в невидимом мире, создавая вокруг себя ауру, простирающуюся подчас далеко за пределы земного плана.

Что касается вас, — говорила Мария Вадимовна, обращаясь ко мне, — то ваш духовный путь нерасторжим с вашим творчеством. Двойную задачу призвано выполнять ваше творчество: и по отношению к вам и упорядочению вашего внутреннего Космоса, и по отношению к другим людям, импульсируя их на поиск духовного Космоса в себе.

По-разному отзовутся ваши творческие токи в душах людей. Несомненно, они вызовут любопытство, праздный и даже нездоровый интерес у тех, кто поверхностно знаком с оккультной литературой (в основном популяризаторской). Помните, однако, что ваше творчество рассчитано не для них, и общение с ними не входит в круг ваших обязанностей. Более того, их интерес, их вибрации будут создавать определенную помеху для вас и идей, которые вы несете. Ваше творчество рассчитано на истинно духовных людей, вне зависимости от их внешних познаний и сугубо интеллектуальной начитанности.

Необходимо также учесть и то обстоятельство, что сейчас на земле — и особенно у нас в России — воплотились многие высокие духовные существа и надо помочь им, дабы они осознали себя, дать толчок к осознанию этому. Словом, главное предназначение ваше — оно же предназначение искусства вообще — будить дух в людях и показывать, как единство преодолевает все пропасти, вырытые между ними.

С легкой руки Марии Вадимовны я почувствовал вкус к медитациям. Мои занятия были регулярными, особенно на первых порах. Результаты медитации непроизвольно выстраивались в стихотворные строчки, но я отдавал себе отчет, что это не стихи в обычном смысле слова. Дело в том, что я не работал над ними, напрягая свой мозг. Они приходили как бы сами по себе, и мне оставалось лишь записывать их, поражаясь подчас неожиданному повороту мысли или космичности того или иного образа. Поначалу я даже растерялся — что это значит? откуда все это во мне? — и поделился своими сомнениями с Марией Вадимовной,

— А вы введите в свои размышления личный момент, — посоветовала Мария Вадимовна, — дескать, «я», а не «через меня», и тогда, отталкиваясь от противного, поймете, что действительно переживаете соприкосновение с волнами и вибрациями более высокого плана. Поэт в силу особенностей своих уже проводник. Вспомните Пушкина: «и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Но ничтожней лишь до того мгновения, когда почувствует то, что не дано почувствовать остальным — присутствие высшего начала.

Это в какой-то мере успокоило меня, и постепенно у меня выработалось ровное и несколько отстраненное отношение к своим стихотворным медитациям. Я считал даже возможным не соглашаться с Марией Вадимовной, находя ее оценки этих медитаций преувеличенными и завышенными.

Но она стояла на своем.

В них, — говорила она, — уже запечатлены аспекты Учения Параклета. Когда-нибудь, — убеждала она меня, вы осознаете это.

Момент осознания наступил не сразу. Не надо забывать той конкретной ситуации, в которой я жил и работал. Лишь счастливым стечением обстоятельств можно объяснить появившуюся возможность публикации моих вещей медитативного плана. Естественно, я спешил использовать каждый шанс, который получал в свое распоряжение, — ведь он мог оказаться последним, — чтоб донести до людей дыхание духовных истин, забытых и полузабытых, запретных и полуперезапретных. Я вкладывал их в уста персонажей; я вклинивал в свои тексты фрагменты подпольных рукописей. Стихотворные медитации объявлял порою вольными переводами с санскрита и сензара. И так продолжалось не один год.

Разумеется, я прекрасно понимал, что выхожу за границы собственно литературы, что это уже нечто другое, нежели привычные стихи и привычная проза. Но я предпринимал все, чтоб оставаться формально в рамках литературы, ибо тогда это было единственным способом сделать достоянием гласности то, на чем долгие годы стояла печать «табу».

Изменившееся время изменило и мое отношение к прежним вещам. Оно заставило меня увидеть в них то, чего я раньше не видел, но что отчетливо видела Мария Вадимовна. Они как будто обрели новое качество, когда я мысленно собрал их под единые своды Учения Параклета. Для меня же самого по-иному зазвучали и стихи-медитации, и курсивные тексты из «Семи дней в Гималаях», названные мною «Наукой радости», и многие отрывки из индийской трилогии, и, конечно, медитации об Абсолюте.

Круг замкнулся. А я лишний раз получил возможность убедиться в том, что мои книги как бы и не мои; они живут отдельной жизнью от меня, и я, считающийся их автором, то и дело должен становиться их читателем, точно таким же, как и другие.

15

Приближаясь к концу повествования, вспоминаю слова Гаутамы Будды: **«То, что я узнал и не поведал вам, гораздо больше того, что я вам поведал».**

Но вот о чем считаю своим долгом обязательно поведать.

«В какой-то момент между человеком и Отцом Небесным, — говорилось нам, — не должно быть никаких посредников. Отец и сын встречаются один на один. В этом смысл наступающей эпохи Святого Духа.

А как же Параклет? А как же Христос? — спросите вы. — Разве они не посредники? Нет, не посредники, ибо они ипостаси Бога Единого, воскресающего в твоей душе».

И еще говорилось вам:

«Без ступеней Иерархии Света, без Отца, венчающего Иерархию, Абсолют — абстракция, искривляющая большей частью пути человеческие.

Но разве не источник Всеединой Жизни Абсолют? — спросите вы. Да, источник. Но лишь через Отца Небесного Он дарует свое дыхание сотворенным мирам».

И говорилось нам следующее:

«В мире обманчивых призраков и иллюзорных представлений существуют две незыблемые реальности. Первая выражается словами: ОН ЕСТЬ. Вторая — словами: ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ.

В бушующем и ревущем море это единственный якорь, на котором держится твой ковчег, человеке. В грозной мгле и тумане это единственно. спасительный свет маяка, указующий направление Ковчегу Твоему, человеке. И, наконец, это попутный ветер, наполняющий паруса Ковчега и заставляющий его лететь по волнам.

ОН ЕСТЬ и ОН ЛЮБИТ ТЕБЯ — это реальность всех реальностей, ибо все остальное лишь отзвук вечной и надвечной истины Света.

Аум. Аминь. Аум».

[1] Таро-цыганское наименование колоды карт.

[2] По словам Надежды Михайловны, все обряды Египта были построены на этой науке, весь уклад жизни держался ею, ибо считалось, что вся природа и мир жертвенно отдают

людям свои излучения в качестве незримой пищи.

[3] В реке Иордан Иоанн Креститель совершил над Иисусом обряд крещения.

[4] Ее памяти посвящена моя книга «Семь дней в Гималаях» В. Сидоров.

